

*Bygone Days
in Istanbul*

ХОЗЯИНА

НИЦЕСОУ

СОУРА

Если свекровь слишком добрая, значит задумала что-то! Именно благодаря будущей свекрови Ольга (Хельга) попадает в параллельный мир Каэн-ар-Эйтролл и начинает новую жизнь. Как говорит ее наставник ведун Пересмысл: перемещение - это воля высших сил. Девушка приносит с собой ценный рецепт исцеляющей Мертвой воды и творит чудеса. Таинственный Ивар, о судьбе и силе которого ходят легенды, пытается узнать рецепт. Зачем ему нужна Мертвая вода?

Хозяйка мертвой воды. Флакон 1: От ран душевных и телесных

Глава 1

Хозяйка мертвой воды

Флакон 1: От ран душевных и телесных

Авторы: Варвара Серебро, Эдуард Поляков

Глава 1.

Ольга вышла на крыльцо мединститута и закурила длинную дамскую сигарету.

Ранняя осень, сентябрь, в городе пахло сыростью и выхлопными газами. Мелкий холодный дождь навел глянца на асфальт. Все это грустное увядание природы вносило в обыденную жизнь нотки легкой романтики и предчувствие перемен.

Девушка зевнула и мысленно отругала своего парня Льва за то, что так долго едет из дома ее встречать. Сладкий дым от тонких сигарет клубился сизыми облаками. На улицу выбежали еще несколько однокурсниц Ольги. Они устроились небольшой группой на другой половине крыльца и посматривали в ее сторону.

Ольга не простая студентка — падчерица депутата и бизнесмена Валерия Петровича Сидорова. И многие гадали, почему она решила учиться на врача общей практики.

Высокая дверь распахнулась и на крыльцо вышел упитанный молодой человек с залысинами на лбу. Денис — один из друзей парня Ольги.

— Привет, — поздоровался он и растянул губы в улыбке, встал рядом с Ольгой, вынимая из пачки сигарету.

Денис частенько крутился неподалеку от нее. Сначала Ольга даже решила, что он присматривает за ней по просьбе Льва, а потом поняла — скорее Денис питает к ней некоторую слабость.

— Привет, — нехотя поздоровалась Ольга.

Ее розово-фиолетовые волосы до плеч растрепал теребил ветер. Девушка выглядела ярче всех в институте.

Из-за серых туч вышло солнце, на глянцево асфальте заискрились золотистые блики. От света заиграли всеми цветами радуги масляные пятна на лужах.

Машины Лео все не было, и Ольга начинала нервничать. К тому же, Денис, который дымил сигаретой поблизости, раздражал ее. Этого парня «просунул» в институт отец, известный пластический хирург, чтобы сын, так сказать, шел по его стопам.

— Может сходим куда-нибудь, посидим? — спросил он повседневым тоном.

Но Ольга заметила, как дрожат его пальцы с сигаретой.

— Извини, Ден, нам с тобой не по пути! — отрезала она его намерения. — Вон, Ленку пригласи, она точно согласится.

Денис поморщился, глянув через плечо на высокую девушку с зачесанными в конский хвост черными волосами, и хмыкнул.

Из-за двери выглянула Даша, одноклассница и бывшая одноклассница Ольги, и вопрошающе уставилась на неё. Весь внешний облик этой девушки кричал, что она хорошая, скромная, и по ночам спит дома, одна, непременно в ночной рубашке в мелкий цветочек.

— Оль, ты что, на лекции спала? — начала она воспитательную беседу.

Ольга не любила этого.

— Устала, — ответила та, — не выспалась.

— Оль, ты что по ночам делаешь?

— Конспекты учу. Лео приходит и всю ночь, учим и учим, читаем и читаем, — Сидорова сказала это негромко, но коварно, так, как это умеют только девушки. Повела бровкой. Денис поперхнулся, стараясь придать лицу нейтральное выражение и отводя взгляд.

Дашка покраснела, Ольга пожала плечами и продолжила смущать своих собеседников. Все-таки, какой это кайф — эпатировать других, доводя до смущения.

— А особенно хорошо с латынью учиться. Лео так хорошо владеет иностранным языком. — Особые акценты были расставлены на словах, которые полностью сводили на нет маскировку толстого намека. — А его французский... м-м-м...

К институтскому крыльцу, шелестя резиной по мокрому асфальту, подъехал породистый немецкий автомобиль. Ольга сбежала по лестнице и крикнула хмурой Дашке:

— Меня не будет пару дней, скинь мне конспекты в ВК.

Даша мотнула головой и растерянно смотрела на то, как её бывшую одноклассницу встречает тот, кто являлся причиной ее бессонных ночей.

Из черной машины — гелендвагена на низкопрофильной резине, вышел высокий видный парень атлетического телосложения, с темными, зачесанными назад волосами. Его хороший друг Денис, тот, что крутился всегда возле Ольги, часто шутил над Львом, что тот старается своим видом подражать итальянским мафиози, и выглядит как герой Аль Пачино. Тот отвечал на подкол друга, что если он похож на Аль Пачино, то Денис смахивает на толстяка Денни ДеВито.

Девчонки замороженно пялились в сторону крутого транспортного средства и его не менее крутого обладателя.

— Привет, студентки, — крикнул парень прелестницам, толпившимся на крыльце с тонкими сигаретками в пальцах под строгой надписью: Не курить и улыбнулся как телезвезда.

Несколько прелестниц пытались строить парню глазки до тех пор, пока Ольга не толкнула Лео локтем. Еще бы, она не любила таких провокаций.

Чувствуя спиной завистливые взгляды, Сидорова улыбнулась своему парню, подошла ближе, поцеловала по-французски с языком, развернула спиной к девицам и прихватила за крепкий зад. Тот аж подпрыгнул от такого, только это было сделано не ради него, а ради того, чтобы указать завистницам их место.

— С чего бы это? — спросил парень.

— Дома поговорим, — прозвучал намек от Оли на приятное и далеко не скучное продолжение вечера.

Лео открыл девушке дверь машины, приглашая её внутрь салона.

Вот кобель! — подумала Ольга, закинула сумочку на сиденье машины и села сама. Салон оказался обтянут новенькой светлой кожей молочного цвета и пах новизной.

Они выехали с университетского двора и направились в сторону выезда из города. Городские серые многоэтажки мелькали в окнах джипа, а между ними временами выглядывало унылое, медленно заходящее за горизонт солнце. Потом появились пейзажи промзоны и, наконец, зелено-красно-оранжевые лесные просторы, приносявшие своим видом некоторое спокойствие.

Парочка направлялась в сторону загородного дома Красновых. Лев проживал вместе с семьей в двухэтажном коттедже.

Ольга достала из сумочки косметичку.

— Опять сумочка новая? — покосился Лео на дамский лакированный бежевый аксессуар.

При этом лицо парня сделалось надменным.

— И что?

— На херню деньги сливаешь. Херню с эпическим ценником. Салон машины стоит дешевле, чем твои тряпки! — парень говорил с некоторой иронией, поглядывая то на дорогу, то на красивую девушку.

Когда у него заканчивались аргументы, Лео, как обычно, начинал разговор про траты. Как будто это он оплачивал счета с её кредитки.

— За собой следи, экономист с красным дипломом. Вон ты, снова салон у тачки обновил — у каждого свои слабости, — Ольга подмигнула. — Будешь бузить, могу и без сладкого оставить. Понял?!

— Сладенькое найти — не вопрос, — хмыкнул парень и крутанул баранку.

Машина резко дернулась в сторону. Наманикюренные пальчики Ольги крепко сжали его гордость, между ног. Лео вздрогнул, замер, нервно посматривая на дорогу.

— Э-э-э, ты чего, озверела?! Э-ээ...

Ольга прищурилась и поджала губы. Краснова нужно было поставить на место.

— Я не потерплю даже намека на измену! Найдешь сладенькое на стороне — наше расставание будет самым меньшим из твоих зол! Понял? — девушка сжала цепкие пальчики чуть сильнее. — Понял?!

— По-ня-л, — покраснел и взвыл Лео. Нет, если бы его руки сейчас не были заняты рулем, он мог бы и ответить, но Ольга знала, когда и за что нужно хватать. — С-с-у-к-а!

— За то ты меня и любишь! — вполне серьезно сказала Ольга, стащив конфетку с приборной панели авто.

Девушка отпустила его смысл жизни, достала из сумочки блокнот в кожаной обложке, гелиевую ручку и начала рисовать. Это странное увлечение помогало успокоить нервы.

Джип вывернул на трассу и направился за город к элитному поселку с многоэтажными коттеджами. Ольга все наблюдала за осенним, немного грустным пейзажем за окнами машины. Вдоль трассы стояли хвойные и лиственные деревья. Осень — время грусти и меланхолии. Правда — этой молодой паре ни то, ни другое, похоже, пока не угрожало.

Машина въехала через автоматические ворота на загородную дачу Красновых. То был внушительный двухэтажный домик с мансардой и множеством окон. Относительно скромный, если сравнивать с соседскими вилами бизнесменов.

Ольга выскочила из машины. Лео тоже лениво выгрузился из гелика и кинул ключи охраннику в черном костюме. Барские замашки мальчика-мажора.

«Если бы я так сделала при матери, она бы мне губы в кровь расшибла. Да я бы и никогда так не сделала. Ничего, будем и его исправлять в лучшую сторону», — подумала девушка. Тогда она еще искренне верила в то, что человека можно исправить.

— Где батя и маман? — спросил тоном хозяина Лео у охранника, который годился ему в отцы.

— Уехали по делам, куда — не докладывались, — ответил тот спокойным тоном, словно не заметив надменности в словах Краснова-младшего.

Указывать сыну своего работодателя охранник не посмел бы, но и прогибаться под этого накаченного сопляка не собирался.

Таких людей Ольга всегда уважала. А у ее парня явно разбушевались гормоны, и он

хотел показать кто в доме хозяин. Ольга смекнула об этом и решила переключить внимание Краснова-младшего на себя. Как говорится, лучший способ избежать истерики избалованного ребенка — отвлечь его от предмета каприза чем-то более интересным. И работал этот способ не только на малышах.

Ольга обхватила шею Лео, повернув его лицом к себе, и нежно прильнула всем телом.

— Лео, я хочу массаж! — она притворно закапризничала и улыбнулась, приподняв тонкую бровь.

Молодая парочка вошла в дом родителей парня и поднялась на второй этаж.

Ольга сошлась со Львом всего месяц назад, но уже чувствовала себя в этом коттедже уверенно. Она называла парня Лео. Ей нравились смелые и сильные, как раз такие как он.

Но иногда Лео вел себя как настоящий свин, и ей приходилось его укрощать.

На втором этаже располагалась спальня Краснова-младшего, состоящая из двух комнат.

Ольга распахнула широкие двухстворчатые двери спальни. Комната была великолепно обставлена. Огромная, даже не двух-, а четырехспальная кровать, с балдахином, как в фильмах про средневековье. На такой можно устраивать целые оргии. И бельё на постели Лео дорогое, мягкое, приятное на ощупь, с помпезной золоченой вышивкой в стиле восемнадцатого века. Ну и вкусы у этой семейки.

У изголовья кровати, на стене, располагался родовой герб Красновых-Гордеевых — воин с мечом и щитом. Уж очень мамаша Лео гордилась своей дворянской родословной и приходилась в родстве, кому-то из рода Князей Гордеевых. Князья эти, как утверждала мать Лео, Марина Олеговна, были знамениты в свое, разумеется, время на политической арене страны, особенно во времена войны с Наполеоном. Вот только почему-то кроме неё никто о них не знал и не слышал. Муж у Марины — обычный рязанский мужик — Аркадий Семёнович Краснов; хваткий, крепкий: типичный простолюдин.

Был у Льва в комнате и здоровенного вида камин с вензелями. В углу у камина стояли железные рыцарские доспехи, сделанные по заказу, точно такие же, какие носили тевтонские рыцари. Да, красиво спать не запретишь!

Ольга с легкостью сбросила туфли, пробежалась по прохладному дубовому паркету, упала на мягкую кровать и глубоко вздохнула. Парень вошел в комнату следом и прикрыл за собой двери. Взгляды любовников встретились.

— Кто сегодня сверху? — игриво усмехнулась девушка и сбросила кофточку.

Парень запер двери на защелку, снял и швырнул кожаную куртку прямо на пол.

— Я!

Он прыгнул на кровать, упал на одеяло рядом с девушкой, развернулся к ней лицом и принялся наскоро стаскивать с неё майку.

— Как обычно. Хм. — Ольга приподнялась с кровати и поправила майку. — Ты же знаешь, я люблю необычно. Подожди.

— Ждать? — запротестовал Лео. Ждать для него хуже некуда.

Он развалился на шелковых кремовых подушках, подложив ладони под затылок и начал дремать.

Ольга долго пропадала в ванной: приняла наскоро душ, потом рассматривала себя в зеркало.

Появилась она перед Лео в тоненьком халатике с рисунком сакуры в цвету, стилизованном под японское кимано. Достала из тумбочки у кровати экшн-камеру для подводной съемки, которая крепилась к голове.

Эту шгуковину привез из одной из своих поездок на курорт Средиземного моря Аркадий Семёныч. Камеру Ольга ловко приделала к шлему лат Тевтонского ордена и настроила её так, чтобы та снимала все, что будет происходить в этой шикарной спальне и на огромной кровати с балдахинном.

Пока девушка возилась с камерой, Лео, сгорая от нетерпения, подкрался к ней сзади и начал настойчиво приставать.

— Еще немного подожди... — ласково отстранилась от него Ольга, оставляя парня в некоем недоумении.

Она знала, что его переполняло желание, он мог сорваться в любую минуту и просто наброситься на неё. Краснов-младший был крайне нетерпелив во всём, даже когда спал с ней. Делал он это грубо и без лишних прелюдий, совершенно не думая о её ощущениях или желаниях. Ольга решила все исправить и затеяла эту игру с камерой.

Кроме того, она приготовила костюм розовой кошечки, состоящий из ободка с ушками, короткой майки и трусиков. Лео продолжил мешать девушке, притом пытался грубо схватить ее и утащить за собой. И это ей совсем не понравилось. Лео Краснов, похоже, сам не получая особой нежности в детстве, не умел быть нежным с другими.

Ольга вырвалась из его объятий.

— Стой, иди туда и жди! — твердо приказала она, указав на кровать.

Лео подчинился, ему ничего не оставалось, как слушаться её, иначе она могла и вовсе передумать доставлять ему удовольствие. Девушка ненадолго скрылась за дверью, которая вела из спальни в соседнюю небольшую комнату и ванную, а через пару минут появилась в эротическом костюме.

— Ну ничего себе — киса! — оживился Лео, приподнял голову с шелковых подушек и заулыбался.

— Мяу, — промяукала Ольга и подмигнула ему.

Парень наблюдал за ней и улыбался. Ольга всегда старалась придумывать что-то новенькое, и это крайне заводило его.

Необычная прическа девушки гармонично дополняла костюм кошечки. Она любила все яркое, поэтому цвет её волос отличался от обычного. Волосы Ольги были малинового цвета с нежно-сиреневым переливом. За такую прическу она заплатила кругленькую сумму, да и мастера-стилиста нашла не из последних.

Её стройное, слегка загорелое тело свело с ума не одного мужчину. Девушка была молодой, стройной, с красивой грудью и круглой и очень привлекательной крепкой попкой. В общем, не девушка, а мечта поэта или художника-натуралиста. Скольким парням снилась эта попка по ночам. Скольким она ещё приснится! И Ольга знала о своей привлекательности и пользовалась ей на полную катушку.

Девушка подошла к Лео, взяла его за руку и настойчиво посадила. Сама опустилась на колени, смотрела ему прямо в глаза и заискивающе улыбалась.

— Помнишь ту сумочку? Ты еще сказал, что она слишком дорогая? — вкрадчиво спросила она.

— Помню, — усмехнулся парень и хотел поцеловать её и затащить на кровать. Ольга остановила эту попытку, приложив пальчик к его губам.

— Так вот, ее подарил мне ты!

— Хм, когда?

— Я оплатила ее твоей карточкой. Я была плохой девочкой, я знаю. Ты упрекнул меня

за это, и я хочу тебя наказать.

Девушка вытащила из розовых трусиков широкую шелковую ленту, встав в полный рост.

— Накажи меня! — прошептал нежно Лео и принялся сбрасывать с себя одежду.

— Не двигайся! — приказала розовая кошечка. — Не двигайся, говорю!

Она забралась на парня сверху и села на его мускулистый живот; нежно поцеловала в губы и привязала запястья к спинке кровати.

— Ты наказан, помнишь? — остановила искушительница, — а значит будешь делать то, что я скажу!

— Да сколько можно! Я хочу тебя прямо сейчас... — разозлился подопытный и наказанный розовой кошечкой парень.

— Нет, понял!

— Ты хочешь полностью пленить меня, моя киса? — ласково прошептал Лео.

— Да, и будь любезен, не дергайся!

Ольга краем глаза заметила, как потемнел просвет в замочной скважине. Похоже вернулись Красновы и её потенциальная свекровь Марина Олеговна решила лицезреть «клубничку» в реале. Ну что же пусть смотрит, как надо отыметь мужчину, чтобы он налево не то чтобы ходить, даже смотреть не мог.

Пусть завидует! Ольга догадывалась, что отец Лео давно не делил постель со своей женой, предпочитая этому совещания в саунах. В семье Красновых это общеизвестный факт. Только все делают вид, что не догадываются...

Часом позже.

... Любовники расслабленно лежали на кровати. Девушка, наконец, освободила парня от шелковых пут. Вычурное постельное бельё смялось и местами сползло на дорогой паркет. Давно у них не было такого жаркого секса.

— Мне понравилось наказание, — сообщил Лео, глядя на Ольгу, и протянул руку к пачке сигарет на тумбочке. Впрочем, не забыв ущипнуть девчонку за сосок.

Вечер опустился на землю незаметно. Стало смеркаться, за окнами мерцали желтоватые фонари.

— Давай посидим, устроим пикничок на природе, — предложил парень, застегнув штаны, медленно, и, зевая, вышел на лоджию. Вид у него был неопрятный. — Я жду, тебя на свежем воздухе, Кися.

Ольга накинула халатик с сакурой, вышла из спальни и спустилась вниз по лестнице, завернув направо, как раз к кухне.

На кухне она застала Марину Олеговну, потенциальную свекровь: женщину лет сорока восьми с чересчур крашенными бровями и острым, как морда ее таксы, лицом, которая выкладывала в фарфоровую белоснежную тарелку соленые грибы из банки.

В углу у окна светил абажур, обтянутый тканью цвета морской волны. Такая вот цветовая гамма придавала кухне, оформленной в белые тона, некоторую холодность кухне и зеленоватость лицу хозяйки. Да, сейчас мать Лео напоминала злою колдунью Гингему из страны Оз.

Марина пребывала в подозрительно хорошем расположении духа и даже приветливо улыбалась Ольге. Хотя с девушкой у нее с самого начала знакомство не заладилось. Ольгу она терпела лишь для того, чтобы угодить своему властному супругу, который как раз-таки видел в сближении с семьей депутата Валерия Сидорова некую выгоду для себя.

— Добрый вечер, Олечка, я не помешала вам, надеюсь. Вы так тихо себя вели, что я

даже боялась все ли у вас в порядке.

— Все замечательно, могли бы нас и не навещать.

Ольга не упустила момент словесно уколоть маму Лео. Те времена, когда она старалась понравиться этой престарелой нимфоманке, остались далеко позади, что можно считать их неправдой.

— Вот, решила угостить тебя своими соленьями. Лео говорил, что ты очень любишь соленья, — женщина немного желчно улыбнулась и продолжила сервировать тарелку соленьями. Изображать самую любезность она умела. Да вся жизнь этой женщины казалась одним сплошным притворством.

— А вы — сладенькое! — Ольга подмигнула и протянула Марине Олеговне желтую камеру.

Конечно, Марина знала, что это за коробочка, но сделала удивленное лицо.

— Не поняла?.. — возмутилась потенциальная свекровь.

— Ну что же непонятного? — улыбнулась Ольга. — Я записала все, что вы так любите смотреть. И не надо портить глаза и гнуть у двери спину! — нахально подмигнула девушка Лео и прикусила губу.

Сидорова взяла из холодильника запотевшую бутылку водки и стопки из шкафчика над кухонным столом. Не побрезговала она и угощением Марины Олеговны. Грибы Ольга любила еще с тех самых пор, когда она не была падчерицей богатого бизнесмена. А вот Лео грибы терпеть не мог. Это хорошо, Ольга всё равно не собиралась делиться!

Девушка поднялась на второй этаж и по коридору вышла к лоджии и открыла дверь ногой.

Лео курил сигарету, развалившись в кресле и закутавшись в теплый плед. Фонарь под потолком блекло освещал его лицо и придавал коже некий восковой блеск. Лоджия у Красновых была достаточно просторной. На ней стояли два кресла и круглый столик.

Ольга поставила свою «добычу» на столик, присела рядом и укуталась вместе с Лео в плед. Придвинув тарелку с грибами ближе, стала лакомиться соленьями.

Сейчас Ольга чувствовала себя счастливой. У неё было все, о чем другие могли только мечтать всю жизнь. Вот только мама Алена не одобряла ее выбор, говорила, что Лео слишком уж простоват и туповат для нее. Что деньги не главное, а главное — человек и прочие какие-то глупости, ее не касающиеся. Любят эти мамочки поучать.

Воздух на улице уже наполнился осенней прохладой, приятно пахло свежестью перед дождем. Ольга взяла Льва за руку и прислонилась к его плечу.

Лео лениво потянулся, громко зевнул и разлил водку по стопкам.

— О чем задумался, Лео? — Ольга чмокнула парня гладковыбритую щеку.

— Зима скоро. Нужны новые колеса на тачку, — почесав затылок, сказал Краснов-младший. Волосы у него на голове взъерошились и легли неопрятно.

Да милый и романтичный разговор! Как можно испортить такой момент?

— Колеса. А чем старые плохи? Гнутые? — заявила Ольга и принялась с большим рвением вылавливая вилкой грибы и с аппетитом прожевывать.

Правда вкус у этих грибочков был весьма странный. Да и сами грибы бледные с синим отливом. Интересно, что это за опята такие?

— За тачкой тоже уход нужен, — настоял парень, залпом выпил стопку водки и нахально выпустил облачко сигаретного дыма девушке в лицо. Она недовольно посмотрела на него.

— За мной тоже уход нужен. Мне иногда кажется, что тачка тебе дороже меня. — Она обиженно отвернулась от него. А если она обижалась, это грозило парню очередным воздержанием... и весьма долгим.

— Да ладно, чего ты дуешься? Тачка для меня то же самое, что для тебя твои платишки.

— Вот и трахай свой гелик в выхлопную!

Ольга резко поставила остатки грибов на стол. Обида вскипала внутри, а ещё и подташнивать стало. Слишком уж подозрительные грибы у Марины Олеговны, и слишком много Ольга их успела проглотить. От волнения или на нервной почве девушка всегда набрасывалась на еду и ела все, что попадалось под руку.

— Сегодня спишь один! — сказала Ольга, встала из кресла и направилась в комнату Лео.

Парень несильно расстроился, в его комнате кроме кровати стоял довольно мягкий диван.

Ольга сделала несколько шагов по коридору, привалилась к стене и поняла, что у неё вдруг закружилась голова и заломило в висках. Да что же это? Она по стеночке добралась до комнаты и постели, обмякла, упала на неё и погрузилась в воду.

В воду?!

Стены комнаты исчезли, появилось необычно красивое звёздное небо. Звезды на нём были с фиолетовым мерцанием и проблесками белого. А еще, по нему проплывал синий кит. Огромный, с прозрачным пузом, в котором метались мелкие рыбки. Гигант, открывая безразмерную пасть, заглатывал звезды.

Ольга приподнялась, пытаясь понять, где находится. Теперь девушка лежала на камнях, холодных и серых. Мир снова преобразился и изменил свои очертания и образы. Это точно грибы! Перед ней всюду стояли стеной скалы, голые и серые, а под ногами появилось озеро с настолько прозрачной водой, что, погрузившись в него почти по колению, она видела дно, каждый камушек и маленьких серебристых рыбок. Таких смешных с большими выпученными серебристыми глазками.

Посередине озера, на небольшом каменистом островке, рос могучий дуб с невероятным множеством дупел. У Ольги появилось желание подойти ближе к дереву. Если кит показался ей жутким, то дерево, напротив, каким-то родным и даже немного уютным. Она пошла в сторону островка ступая по водной глади, как по зеркалу, и не проваливаясь.

Крону дерева густо покрывали зеленые резные листья и желуди, развились маленькие лемуры с кожистыми крыльями. В какой-то момент величественному дереву надоела возня приматов и оно вздрогнуло, трянуло ветвями, сбрасывая с себя летающих зверей.

Когда дуб успокоился, а на воду опустились последние, слетевшие с ветвей, резные листья, девушка продолжила путь. Теперь из сотни до этого тоже пустых дупел, на нее смотрели глаза. Дупла оказались глазницами дерева!

Древесное растение смотрело на девушку. Кора дуба треснула, в стволе появилась черная продольная брешь, похожая на рот с губами, из неё вырвалась ярко-желтая птица с черными крыльями и длинным клювом. Она сделала несколько кругов по воздуху и приземлилась у ног Ольги, на поверхность воды, превратившись в лысого седого старика.

У него были настолько кустистые брови, что они едва не опускались ему в глаза. Виски этого пришельца покрывали ромбические татуировки с непонятными символами. На запястьях рук побрякивало множество браслетов, с красными, зелеными и белыми бусинами.

Дедуля уставился на девицу, глаза у него вдруг удивленно расширились.

Ольга посмотрела на своё отражение в воде озера и ахнула. Она все ещё была в эротическом костюме розовой кошечки и халате с сакурой.

— Где я? Как я сюда попала? — попыталась она заговорить с бабушкой.

— Ты мне скажи, — старик закурил длинную трубку.

Ольга хлопала себя по щекам, силясь вырваться из морока, словно из дурного сна.

— Вернуться хочешь? — спросил старик, выпустив колечко зеленого дыма.

Ольга не отвечала, осознав теперь всю сюрреалистичность происходящего вокруг и старика в частности. Она лишь краем глаза посмотрела на деда и еще сильнее начала хлопать себя по щекам.

— Держи меня за руку, пошли.

Ольга подала руку старику, тот так крепко сжал её запястье, что она ойкнула и неожиданно начала перевоплощаться в такую же, как и он, желтую птицу. Ощущения оказались необычными, особенно когда сквозь кожу начали прорастать перья, а все кости захрустели, изменяя форму.

Халат с сакурой слетел с неё и приземлился на гладь воды, словно листок. Взмахнув крыльями, обе птицы влетели в отверстие в расселину в коре дуба, похожее на рот, из которого в это странное место проник бородатый старик.

Если вы читаете и вам нравится — подпишитесь на авторов. Тогда продолжение не заставит себя ждать.:)

Приглашаем пообщаться с авторами

Эдуард Поляков группа автора в контакте https://vk.com/game_books

Варвара Серебро группа автора в контакте <https://vk.com/club136977670>

Приглашаем пообщаться с авторами

Эдуард Поляков группа автора в контакте https://vk.com/game_books

Варвара Серебро группа автора в контакте <https://vk.com/club136977670>

Ольга долго не могла прийти в себя. Её сильно тошнило и, казалось, выворачивало наизнанку, иногда забывая вернуть обратно. Теперь девушка лежала совсем больная и слабая на твердой, деревянной кровати с матрасом, набитым сеном, оттого ломило спину и плечи. Оказалась девушка в какой-то мрачной лачуге, пропитанной запахами трав, животного жира и лука. Под потолком были развешаны бусы из сушеных грибов, пучки высушенных трав и части животных.

Как она оказалась в этой лачуге — не помнила. А возможно, ее болезненный бред еще продолжался. Рядом с кроватью стоял светец* с небольшим корытцем, наполненным песком. (*Светец — подставка под деревянную лучину.) Лучина, вставленная в развилку светца, тлела красным тусклым огоньком. Но даже этот приглушенный свет резал глаза и в висках появлялась невыносимая ломота.

Тот самый бородатый старик, забравший её с озера у странного дуба, сидел почти все время рядом и силой вливал ей в рот теплое горькое питье, которое не задерживалось в желудке надолго, выплескиваясь обратно с горькой желчью вперемешку. Мерещилось всякое. Когда девушку начинало тошнить, дед аккуратно держал ей волосы над деревянной бадьей и ждал, когда отвар выйдет из её нутра полностью.

— Не держи в себе! — приговаривал он. Голос у него был густым, но не громким.

Слабая девушка вспотела так, что колючее шерстяное одеяло, которым ее укутали, стало влажным от пота. Иногда сознание гасло. Ольга проваливалась в пустоту. Потом окуналась в галлюцинации, в виде воспоминаний из детства, или снова мерещился летающий кит с прозрачным пупом и плавающими в нем, словно в большом толстостенном аквариуме, рыбками.

Во сне Ольга переживала ощущение полета, но не такого, когда, например, стремительно падаешь на землю и просыпаешься от страха, а парящего и легкого полета птицы. Когда воздух струился под руками, рассекаешь грудью ветер и чувствуешь запахи земли, когда голова пьяняще кружится, от переполняющего легкие кислорода, а внизу чарующая и захватывающая дух высота. И тело покрывают ярко-желтые птичьи перья.

Временами мерещилось лицо мамы, такой родной и грустной. Она кричала и звала её откуда-то издалека и просила вернуться.

Мамочка я вернусь, только поправлюсь, обязательно вернусь.

Периодически бред и сны прерывались. Ольга снова видела перед собой старика, который отпаивал её через силу то тем же гадким, горьким питьём, от которого тошнило, то мясным бульоном, то водой от холода которой ломило зубы.

Несколько раз болезная пыталась приподняться, или хотя бы оторвать голову от набитого ароматными травами мешка, положенного ей вместо подушки. Но тело не слушалось, а голова казалась слишком тяжелой.

В таком бреду девушка провела неизвестно сколько времени. Однажды она проснулась от сильной жажды. Её тело пропахло едким потом. Только сегодня она, наконец, нашла в себе силы приподняться и сесть.

Сев на кровати, осмотрелась и поняла, что все еще находится в той же темной землянке с бревенчатыми стенами и низким, кое-как оструганным потолком. И это ей, похоже, не снится. Свет теперь шел не от лучины, а из окошка, застекленного каким-то полупрозрачным минералом. Под потолком висели травы, корешки, бусы из сушеных грибов и связки длинных веточек. По стенам располагались полки с самобытной посудой из некрашеной глины.

Девушка съежилась, приподняла край своего одеяла и ахнула. Она была абсолютно голой. Её наготу прикрывало лишь это одеяло из колючего шерстяного сукна, которое еще и к тому же скверно пахло. Кто-то её раздел? Неужели этот старый? От такой мысли девушку передернуло. Она захотела выбраться из отсюда землянки как можно скорее.

Ольга осмотрелась еще раз, попыталась встать, но не смогла. Где она, что с ней? Почему никто не навещает, кроме этого старика или, кто он там еще...

Голова закружилась, и в висках снова заломило от боли. Ольга вновь упала на жесткую кровать и провалилась в тяжелый сон. Так девушка спала еще несколько дней кряду, изредка вырываясь из морока, не понимая где находится и засыпая снова. Старик перестал мучить её рвотным снадобьем и теперь поил только бульоном. Силы уверенно возвращались, стало появляться и желание уйти отсюда, но старик не мучал ее, напротив, старался помочь.

Входная дверь скрипнула на провисших петлях, и в землянку, с одной-единственной комнатой, зашел тот старичок-птица из видения. Ольга прикрыла глаза, изображая сон.

— Хватает сил на то, чтобы притворяться. Значит на поправку идешь, — проговорил старикан поставил на стол деревянную тарелку с густым луковым супом и положил краюху хлеба.

Ольга прикидывалась спящей и оттого не слышавшей его. Дедушка подошел и одним движением сдернул с неё одеяло, оставив девушку на абсолютно голой. Ольга, не ожидая такого, вскочила с кровати и вырвала его обратно из рук старика.

— Ходишь значит уже. — усмехнулся старик.

Он отчего-то радовался резкой реакции девушки на сдернутое одеяло, — великовозрастный ценитель женской красоты. А теперь приземлился на лавку и потирал свои татуированные ромбиками виски.

— Ты кто такой, старый, где я? Меня искать будут! — забеспокоилась Ольга.

— Ну хорошо, что ищут, — безразличным тоном проскрипел старик. — Вот только найдут ли. Ты сюда духами прислана, а значит здесь не просто так. Значит имеешь какое-то предназначение. Вот только какое?

Девушка вдруг обнаружила, что говорит со стариком на чужом языке. Так, этого еще не хватало! Кроме среднего знания английского и латыни, Ольга языков не знала. Значения слов были знакомыми, но звуки, из которых они состояли, другие, мягкие и мелодичные. Где она могла выучить другой язык? Как и когда?

Старик тоже разговаривал все время на другом языке. Притом язык этот напоминал чем-то славянский, с оттенками французской легкости.

— Меня зовут Пересмысл. Я ведун народа Иволг, и ты в моём доме.

— На каком языке мы говорим? — спросила у старика Ольга, прислушиваясь к своим ощущениям от произносимых слов.

— На скив речи, птичье наречие. Очень, надо сказать, чистое наречие, ты часом не из клестов будешь?

Ольга не верила своим ушам. Но факт оставался фактом, она понимала и говорила на

ином языке. Девушка обмоталась одеялом и подпрыгнула, схватилась одной рукой за затылок.

— Где я?

— В лесах Скив, в Липовом доле, на правом берегу Звенящей реки.

Все это прозвучало странно. Её, наверное, ищут всем городом, а этот сумасшедший дед похитил ее и теперь... а чего он хочет-то?

— Что, эта землянка точно твой дом? — поморщилась Ольга и осмотрелась. — А где туалет?

— Что, прости?.. — не понял ведун.

— Пописать куда сходить можно? — уточнила девушка.

Старик улыбнулся. Показал под лавку.

— В ведро или за домом есть отхожее место. Но ты за дом не ходи, слаба еще, провалишься в дыру отхожую и лови тебя всей деревней.

— Дыру, отхожую... — снова съежилась Ольга. — Ты серьезно? Может и лопухом подтираться? — она взбрыкнула, но уже сдержаннее. Такими удобствами она давненько не пользовалась. Только когда в деревне у бабушки летом гостила.

— А бумага туалетная есть? — уточнила она и съежилась, подсознательно понимая, что ответ ее не порадует.

— Чего? — не понял старик и почесал в затылке.

— В смысле, подтираться-то чем?

Когда до старикана дошел весь сокровенный смысл сказанного, он улыбнулся и тщательно пригладил бороду.

— Для этого вода есть, возьми вон там в углу на лавке кувшин с водою. А у отхожего места лопух растет.

Хорошо в деревне летом... — вспомнила Ольга строки из похабной песни и почувствовала, как слабеют ноги. Так, в последний раз она находилась в доме Лео. Водку не пила, но ела грибы. Грибы?!

— Слышь дед, а до Оренбурга отсюда далеко? — Ольга надеялась выбраться из этой землянки как можно быстрее и вернуться домой к нормальному туалету и ванной. Лопухом подтираться — это слишком!

— Это на островах Дымер? Где этот Арен-бурх?.. Ты сейчас в землях скивов, в роду Иволг. Понимаешь? — растолковывал ей дед, почти что по слогам. — Дом этот мне по стезе ведуна достался, а сам я живу в избе рядом. Вот от тебя, голуба моя, вижу злая баба хотела избавиться, да и отравила грибками.

Ольга закрыла глаза и еле удержалась, чтоб не завывать на всю землянку.

— Слышь деда?

— Пересмыслом меня зови.

— А где я?

— В землях Скив, в роду Иволг. Забыла, что ли, как летала?

После этих слов Ольга еще раз осмотрелась и охнула, взявшись за голову.

— Чего, какие скивы, какие леса, какие оборотни? Что за наркомания? Мне, бля, билет в реальность. Ну нет, это уже совсем не смешно! — истерика накатывала от осознания того, что это словно дурной сон, только наяву.

Ольга вскочила с кровати и, придерживая одеяло, бросилась к окну. Но за мутноватыми стеклами из минералов совсем ничего не было видно.

— Поешь сначала, а я пойду, пока, чтоб тебя не смущать, — ответил старик, то ли сочувственно, то ли с издевкой, поторопился убраться из землянки.

Ольга, воспользовалась ведром, потом накинулась на принесенную дедом похлебку. Лютый голод только усилился от аромата остывшей, но все еще горячей еды. В луженой тарелке, в бульоне плавали овощи, разваренные бобы, жареный лук. Еще никогда в жизни не ела она с таким аппетитом. Глотала пищу, почти не прожевывая, не чувствуя вкуса и одновременно удивляясь, до чего же вкусной была эта простая еда.

Проведя руками по бокам, девушка поняла, что за то время, пока находилась здесь, скинула, наверное, килограмм пять. Кстати, где она находилась до сих пор представления не имела?

Последнее, что четко помнила — это вечерние посиделки под пледом с Лео на лоджии дома его родителей, странный вкус грибов, очередную мелкую ссору, после которой Ольга ушла спать и... странный сон, страннее, чем приключения Алисы в Стране чудес. Теперь она здесь, в этом сарае, и какой-то старик срывает с нее одеяло, заставляя сверкать задницей. Жуть!

Лео, где же ты, Лео, забери меня отсюда!

В комнату заглянула рыжая девочка-подросток с плетеной корзиной в руках. В корзине лежали какие-то тряпки. В живом взгляде подростка мелькнула задоринка, вперемежку с хитрецей.

— Привет, я Ариша, — веснушчатая девочка глядела на новую жительницу лачуги с любопытством.

Ольга поняла, что интерес девочки был вызван необычным розовым цветом её волос.

— Тебе чего? — пробубнила девушка набитым хлебом ртом. Она пыталась не выронить ни единой крошки.

— Какое странное имя: Тебечего. Ты что, из Фашираз? — звонко засмеялась над ней девочка. — Дядька Пересмысл сказал взять тебя с собой, когда мы купаться соберемся. Выходи, мы тебя ждем.

Ольга поёжилась. Противный липкий пот и запах собственного немытого тела, после отступившего голода, стали раздражать ещё сильнее. На рядом на лавке она обнаружила простое льняное платье. Его даже сложно было назвать платьем, скорее оно напоминало тряпичный чехол на тело, чем предмет женского туалета. По сравнению с тем, что носила на себе раньше Ольга — настоящее тряпье!

Обнаружился здесь же и розовый кошачий костюм, с ушками на ободке. Ольга не успела и слова сказать, а Ариша уже деловито сгребла её костюмчик в свою корзину с бельём и вышла за дверь. На улице, во дворе, стояли девушки, одежда которых была украшена зеленой ромбической вышивкой по вороту. Они с любопытством разглядывали странную пришелицу. А пришелица рассматривала их.

Возраст девушек разнился от совсем маленьких, десятилетних, до её ровесниц. Никто из местных жительниц не носил коротких или крашенных волос, только косы, длинной у кого до пояса, а у кого и почти до самой земли.

— Пошли, Тебечего, только тебя и ждем, — задорно сообщила Ариша, сморщив конопатый носик. Склонила голову набок жмурясь от солнца.

Так, и куда же меня занесло, и кто эти старообрядцы дикие? — всё ещё думала про себя Ольга.

— Ну чего ты встала? Пошли уже, — произнесла Ариша.

Стайка девушек, звонко смеясь, повела Ольгу к лесной реке, которая находилась за окружавшим поселение деревянным частоколом. По пути она осматривалась по сторонам, не замечая, как часто открывает рот от изумления. Никогда прежде не видела Ольга таких странных, даже сказочных деревень. Всюду стояли чудноватые, необычные странные дома. Они словно выросли в корни могучих многовековых ив, кроной затенявших дворы.

Были здесь обычные на вид рубленые избы. А посередине деревни возвышались деревянные столбы с вырезанными на них ликами, скорее всего божеств.

Постройки примыкали к берегу не очень широкой реки. Жители этой странной деревеньки выглядывали из дверей и окон, провожая удивленными взглядами появившуюся в их поселке девушку с необычными сиренево-розовыми волосами. А кто-то прятал малых детей, опасаясь, что пришелица может оказаться злой колдуньей. За частоколом, стояли еще деревянные столбы, с изображенными на них лицами людей. Как пояснила Ариша, это памятные столбы, на которых вырезались лица умерших и находились они, здесь оберегая потомков от лиха и сглаза.

Купальщицы вышли за частокол, проследовали вдоль речушки, до места, благоустроенного для купания и стирки. Девушки шли без опаски босиком по земле и траве, с плетеными из ивового прута бельевыми корзинами в руках и обмахивали загорелые лица, спасаясь от укусов комаров, пучками свежей прохладной травы или полевых цветов. Пришелица ковыляла неуверенно, не привыкла она без туфелек по земле босой бегать.

Ольгу снова терзали мысли, куда она могла попасть. Возможно все это ей мерещится. А может это сон. Такой долгий, затянувшийся сон. Только слишком реалистичный сон. А если не сон? Если она просто сошла с ума и это очередной бред, фантазия её воспаленного от болезни мозга. А может её в самом деле секту затащили? Ну типа, любители природы, которые живут по старинке, без благ цивилизации.

— И давно вы здесь живете? — задала она Арише наводящий вопрос.

— Всегда здесь жили.

Ответ оказался весьма неоднозначным, учитывая, что Арише на вид не более тринадцати лет.

— А вообще, поселок давно здесь? — уточнила Ольга

— Давно, несколько веков уже. Видела какие у нас дома есть под деревьями, их очень давно построили. Представляешь, сколько таким могучим деревьям расти надо.

— Представляю, — согласилась Ольга. Но все же надежда на то, что это все нереально теплилась. Ну не может такого быть, что она попала в какой-то другой мир.

Вспоминая уроки выживания в школе, Ольга стала искать взглядом электровышки поблизости, прислушиваться к звукам, не загудит ли среди птичьего щебета привычный её слуху звук мотора автомобиля или трактора. Но нет, ничего похожего. Все дико слишком, естественно — пение птиц, стук дятла и хохот девушек.

«Так, не паниковать! Главное не паниковать!»

Они пришли к месту купания. Рядом с широкими, заросшими кругом камышами, мостками стояли лавки, вырубленные из крупных бревен и перекладины для сушки белья. Погода была прекрасная, жаркая, солнечные блики искрились на водной глади. Теплый ветерок задувал волосы на лоб.

Корзины с грязным бельем остались на берегу, а девушки ринулись в нагретую солнцем воду, брызгаясь и визжа. Ольга купалась в реке, только очень давно с деревенской ребятней, когда ездила с мамой в гости в деревню к бабушке Зое в Оренбургскую область. До смерти

бабули, они гостили у неё каждое лето.

Ольга стояла в стороне и наблюдала. Не могла отойти от шока. В то время некоторые девчонки уже всю плескались в воде, и резвились, играя в некоторое подобие догонялок. Ни одна из них даже и не думала стесняться своей наготы. Так она и сидела на мостках, любуясь как её новые знакомые радовались летнему теплу. Потом, замерзнув, девушки выбрались на берег и мостки обсыхают под теплым летним солнцем.

Когда Ольга находилась еще на лоджии Красновых, было достаточно прохладно, осеннее небо покрывали свинцовые тучи и холодный ветерок пробирал до костей. А тут тепло, лето, как будто июнь или июль.

Девушки подозрительно шушукались и посматривали на Олю. Активнее всех в заговоре участвовала конопатая Ариша. Затем, с визгом накинулись на Ольгу, стянули с неё мешковатое платье и столкнули в воду.

Ольга чуть не захлебнулась. Поплыла, кашляя от того, что наглоталась воды.

— Полоскайся получше, а то смердит-то от тебя как от зверя дикого, — приговаривала мелкая зараза с веснушками.

Когда Ольга выбралась на мостки и стала выжимать промокшие волосы, Ариша подошла к своей корзине с бельём, всучила ей её розовый костюмчик кошечки и кусочек самодельного мыла.

— На, постирай!

Давно Ольга сама не стирала, да еще мылом. Она растерянно посмотрела на скользкий кусок мыла и поморщилась.

— Эх ты, смотри и учись, — упрекнула Ариша, взяла у неё розовый лифчик, намочила его и принялась намыливать, распластав на доске мостка.

Девчонки живо окружили хозяйку невиданной одежды.

— Что это?

— Какие ушки? А зачем они нужны?

— А это на шапочки похоже? — посмеялась одна из девушек на лифчик.

Ольга подняла мокрый лифчик и приложила к голой груди.

— Это вот сюда нужно одевать. Тогда у тебя к тридцати не будет грудь по коленкам стучать. — Промолвила Ольга и девушки захихикали.

Пришлица показывала деревенским девушкам принципы ношения эротического кошачьего костюма. Разрешила по очереди примерять костюмчик. Получилось забавно и даже смешно. Особенно заинтересовал лифчик. Надо же такое придумать, специальная одежда для груди. Правда все же девицы так и не понимали важность нижнего женского белья. У них тут таких «благ цивилизации» не наблюдалось.

Ольга примеряла костюм на себя. Удивительное было для местных обитательниц зрелище. Розовые ушки на фоне розово-фиолетовых волос Ольги смотрелись лучше, чем на русых и светлых волосах других девушек.

Чужестранка одела лифчик, похожий на маечку с вырезом в форме кошачьей головы в области декольте.

— Давай меняться, Хельга, — предложила Ариша, — Ты мне эту одежду, а я тебе два, нет три платья за неё отдам.

— Нет, — покосилась на неё чужестранка. Девчонке тринадцати лет он все равно не нужен, а ей он служил напоминанием.

Ариша обиженно посмотрела на неё.

— Возьми и сшей такой же. Сама, — нашла выход Ольга.

Девушки, судя по вышивкам на мешковатых платьях, здесь мастеровитые, таких могут вещей сделать, если, конечно им идею правильную подкинуть. Ариша пощупала мягкую ткань костюма.

— У нас такой нет.

— Другую возьми. И выкройку я тебе дам снять. Хочешь?

— И мне.

— И мне...

Девушки сначала робко, а потом наперебой начали просить у Ольги чудо-костюм, чтобы снять с него выкройку.

Их живая беседа, смех, эхом разносились по речному долу, доставала до самых темных омутов, спокойную поверхность которых покрывали заросли белых кувшинок. Рядом с мостками в воду спускались густые зеленые кроны ив с вытянутыми листочками.

В кроне деревьев, над водой, раздался хруст. Вместе с веткой в воду слетел чей-то силуэт и со всплеском погрузился в глубину темного омута. Желтые кувшинки отбросило разошедшимися волнами в разные стороны. Когда ряска снова затянула поверхность, из воды показалась, голова парня. Он громко закашлялся, выплевывая попавшую ему в рот тину и сбросил с головы несколько желтеньких водных цветков.

— А, чтоб тебя! — с уст его слетело ещё несколько очень резких ругательств.

Девушки завизжали и бросились разбежаться, прикрывая руками свои обнаженные тела, разыскивая одежду, срывая сушившиеся на перекладинах простыни.

— Опять он! — крикнула Ариша и бросилась одевать платье.

Парень, видимо, не первый раз подглядывал за юными девицами, но на этот раз выбрал для любимого занятия не совсем удачное место.

Несколько купальщиц, убегая, споткнулись и упали, перемазавшись в песке и иле. Многочисленные листочки, травинки, палочки легко приставали к влажной коже, запутывались в мокрых волосах. В сторону парня полетели палки, камни. Зазвучала отборная ругань.

Одна только Ольга ничуть не испугалась. Она выпрямилась в полный рост и смотрела на плывущего в их сторону хулигана.

Когда парень почувствовал под ногами дно и показался из воды наполовину, он напомнил ей кикимору из сказки: весь облепленный и обвешанный густо-зелёной тиной. Девчонки успели обкидать лицо парня грязью, и оно стало сероватого цвета. Вот только глаза у этого нахала оказались необычно желтыми. Никогда прежде Ольга не видела таких странных и одновременно красивых глаз.

Она стояла, не двигаясь, в своём кошачьем комплекте и в упор смотрела на него парня. Девушка совсем не боялась, не с такими еще нахалами справлялась, напротив, кровь вскипела у неё в жилах и захотелось проучить этого наглеца. Как следует проучить! Будет знать, как подсматривать!

Парень решил не выходить на берег, а обойти и выбраться в другом месте, возможно он надеялся, что его не узнают из-за большого количества маскировки. Правда не учел Ольга не собиралась так просто его отпускать. Абсолютно не стесняясь своего полуголового вида, она схватила палку, помчалась за ним следом и несколько раз со всего маха огрела по спине и бросилась преследовать вдоль берега реки.

— А ну стой, тварина! Стой, кому говорят! — орала она и угрожающе замахивалась

палкой.

Выбраться, перебравшись на другой берег, парнишка не мог, там был крутой песчаный обрыв. Но на этом берегу его преследовала полуголая, злая девушка с розовыми кошачьими ушами и с большой палкой в руках.

Она кричала ругательства, которые парень никогда раньше не слышал. Да и вообще она много чего говорила в его сторону непонятного. Он смог бы с ней справиться, отбросить в сторону, к примеру, и убежать. Но наглость, смелость этой девицы просто его обескуражили.

За спиной Ольги послышались крики мужиков из деревни скивов. Наверняка толпа полуголых и орущих девиц навела шороху в Липовом доле, и мужики сорвались в погоню за мерзавцем, желая изловить его и наказать по совести.

— А ну стой, поди сюда! — раздался грозный оклик одного из мужиков.

Вот тут-то парень и рванул по-настоящему, что у него было сил, вдоль берега, обернулся росомхой, и, выскочив на берег. Косматая спина оборотня замелькала среди кустов и низкой лесной поросли. Из-под когтистых лап зверя полетели куски мха и травы с корнями. Раздалось по лесу гулом громкое рычание.

Сейчас Ольга его догонять не посмела. Она стояла ошарашенная таким вот превращением. Слышала она рассказы о росомахах от прадедушки охотника. Зверь этот хоть и не сильно велик размером, но характером грозен. Боятся его многие обитатели лесов. Может он справится и прогнать прочь из своих владений, допустим стаю волков, да и хозяин леса медведь побаивается этой большой куницы. А характер у зверя ой, какой сложный.

Но даже у этого зверя вряд ли получится сбежать от быстрых желтых лесных птиц иволг. Мужики из поселка без колебаний помчались вслед за грозным зверем и на ходу превратились в лесных птиц. Ворчание и пыхтение куницы теперь смешалось со свистом нескольких иволг.

Ольга не видела погони, но слышала, как перекрикивались между собой птицы и как ломая бурелом, пыталась улизнуть бурая лесная зверюга.

Через полчаса из леса вышли пятеро мужиков. Один из них оказался плененным оборотнем-росомхой. Четверо его преследователей силком тащили парня к поселку, отвешивая пинки «для скорости» и подзатыльники для острастки. Теперь все они вели себя как обычные люди. Хоть злобно ворчавшие на парня.

Ольга надела платье и с еще несколькими девушками, отправилась следом за мужчинами в деревню. То, что парня изловят, сомнения ни у кого не возникало. А вот вопрос, что с ним дальше делать, встал остро.

Ольга теперь наблюдала и слушала, о чем говорили старожилы. От услышанного по её коже временами пробежал холодок. Да она, похоже, попала в деревню оборотней, которые превращались в желтых лесных птиц иволг. А этот парень родом из деревни оборотней-росомах. И хоть образы у этих людей были разными, и жили они в разных поселках, между ними была прочная связь, единые боги и законы.

Парня привели в деревню и привязали к позорному столбу на лобном месте, прямо напротив ликов пращуров. Чтобы те видели его позор вместе со всеми, и помогли свершиться и истинному правосудию, и справедливости.

Вокруг собрался почти весь поселок. От малых сопливых деток, до скрюченных стариков. Всем хотелось глянуть на возмутителя покоя их дочерей. Пленник, похоже, свою вину осознал и теперь, понунив голову, смотрел на утопанную под столбом землю.

Пока оборотень-росомаха бегал по лесным зарослям, с него слетела вся тина, речная

грязь и порвалась часть одежды. Рубаха превратилась в серо-зеленые лохмотья. С рассеченной губы на утоптанную у столба землю капала кровь. Был он не малого роста, выше всех мужиков на целую голову, могуч и мускулист телом. Угрюмый взгляд говорил о том, что парень смелый и умел в нужную минуту взять себя в руки.

— Как твоё имя? — спросил у пленника, один из тех мужиков, что изловил его и приволок в деревню.

— Храбр, — ответил тот.

Храбр, — повторила про себя Ольга. Она вместе с Аришей, и другими девицами, детьми и стариками остались стоять на лобном месте, рядом с пленником и ожидая решения совета старейшин.

Вскоре, из деревни росомах, Зверинного полесья, для разбора спора, прибыла целая делегация со старейшиной Зораном во главе. Чувствовалось, что матушка-природа одарила Зорана недюжинным умом. Читалось это по его мудрому и пронизательному взгляду. Старик был немного сутулый, поджарый. Его гладкий, блестящий лоб виднелся из-под седых прямых волос, длиною по плечи. То, что это был именно старейшина, Ольга поняла по деревянному резному посоху и длиной почти до самых пят рубахе, расшитой по краям и вороту зеленым растительным орнаментом.

Со старейшиной Зораном из Зверинного полесья прибыли выручать провинившегося парня его отец, дядя и матушка. Отец Храбра, Татьмир, был коренастее своего сына и походил на степенный крепкоствольный дуб. Матушка Храбра Златоцвета, суховатая и живая женщина, с волнистыми морщинами на лбу, все время хваталась за голову и обращала беспокойный взор на мужа. Видно было, что её материнское сердце сейчас обливается кровью.

Староста Деян из деревни Липовый дол, в которой жил народ Иволг, а теперь и Ольга, встретил соседей на главной дороге. В отличие от старосты Росомах, Зорана, Деян был невелик ростом, пузатый, приземистый и краснощекий. Эдакий плешивый купчик с носом в форме картошки и в рубахе с набивным узором в мелкий черный горошек.

Таких вот деловых купчиков Ольга лицезрела на картинах Бориса Кустодиева в одном из провинциальных музеев Золотого кольца.

— Добре, Зоран Горыныч, давно мы с тобой не виделись, споры не решали, — поздоровался староста Зверинного полесья, протянул правую руку для приветствия.

— Добре, Деян Добрыньевич, — приветливо ответил ему плешивый староста Ивового Дола и пожал руку.

Для разбора спора и решения судьбы Храбра, главы семейств собрались в Сборной избе, отроков и детей выгнали на улицу, чтобы не мешали решать важный спор.

Соблюдая традиции, перед тем как рядить да судить, все собравшиеся в избе сделали из одной братины* по глотку медового напитка и прочли очистительную молитву богам Яриле и Мокоши. Прибыл в избу и ведун Пересмысл, с травами для окуривания, чтобы призвать на судище души предков двух спорящих родов. Опросить свидетелей: духов, кикимор, да леших, что, по его мнению, видели все, что на реке происходило. После всех церемоний и обрядов начали судить.

Деян Добрыньевич поднялся с лавки и первым взял слово:

— Парень ваш что на реке устроил!

— Да ну будет вам. Дело то молодое! Глядишь и породнимся с вами этим летом, — сказал Татьмир.

Очевидно Татьмир решил отделаться, как говорится, малой кровью. Ему не хотелось ни платить за выкуп сына, ни оставлять его. Видимо он наивно полагал, что парню по молодости всё сойдёт с рук.

— Железом его заклеить, — предложил жестокое решение брат одной девушки.

— Правильно, — поддержала его какая-то визгливая баба с огромными грудями, — или глаз вон, чтоб думал впредь.

— Вы что — дикари что ли, как фаширазцы? — возмутился староста Зоран. — Железом клеймить и калечить воров надо. Давайте по-хорошему договоримся. Наказание выберем такое, чтобы все довольны остались и никого при этом не калечить.

Народ скивов не имел привычки сравнивать, в качестве ругательства, друг друга с животными. Назвать недруга или плохого человека животным... да за такое можно и калекой стать.

— Подсматривал за девицами — дело молодое. Возьмем штраф ульями с его родителей и разойдемся, — предложил Деян и добавил. — Взыскать штраф в десять ульев, не меньше!

Деян пчелок уважал, любил и штрафы, конечно, взыскивал ульями. Пчелки — это всегда для деревни родной хорошо. Медовухи больше можно сделать на продажу, да и себя попотчевать.

Тут в Соборную избу отворилась дверь, в неё без стука влетел перепуганный парнишка по имени Сява. В шапчонке и коротких штанишках, закричал во всеуслышание, тыкая пальцем в ту сторону, где стоял позорный столб с нарушителем покоя местных девок.

— Там это... Храбра, девка дикая... та, что с такими волосами... ох она его... а он... а люди вокруг... — парнишка вытирал рукавом рот, перепачканный черничным соком, и бормотал что-то нечленораздельное и все время давился слюной.

Родственники парня перепугались, что их кровиночку сделают калекой до окончания судилища. Староста иволг, Деян, запереживал, что теперь не получит он ульев для Ивового дола. И только родня обиженных девок с рвением одобрила поступок буянки с чудными волосами.

Если вы читаете и вам нравится — подпишитесь на авторов. Тогда продолжение не заставит себя ждать.:)

Приглашаем пообщаться с авторами

Эдуард Поляков группа автора в контакте https://vk.com/game_books

Варвара Серебро группа автора в контакте <https://vk.com/club136977670>

Все, кто был в Сборной избе, выбежали на улицу, посмотреть, что происходит. Позорный столб окружила толпа односельчан, которые не участвовали в судилище. Слышались крики и смех. Староста Деян растолкал людей и пробрался на лобное место; увидел, что Храбр, как и прежде, был привязан к столбу, но не оставлял отчаянных попыток вырваться на свободу. Парень покраснел, как рак, и сжимал гневно зубы.

Перед ним стояла та, которую звали здесь Хельга, и с ехидной улыбкой, ласковым голосом говорила такие вещи, о которых стыдно даже думать, а не то, чтобы произносить на народном сходе.

— Чего ж ты там подглядывал? Или коротковат у тебя пока девок до дома провожать? — девушка показала парню согнутый мизинчик.

Народ весело воспринял сравнение мужского достоинства с самым маленьким согнутым пальчиком. От такой обидной провокации привязанный к столбу Храбр разодрал кожу в кровь об грубые крепкие веревки.

— Ну так, если коротковат, дак тебе любая девушка скажет: Сиди дома, да отращивай! Говорят, хрен тертый с рассолом помогает при таком несчастье. Натирай да прикладывай!

Собравшийся народ снова принялся улюлюкать над парнем. А посрамленные его подглядыванием девушки краснели, но улыбались.

Розоволосая Хельга не унималась, оставляя на самолюбии парня все новые раны. Вряд ли такой эффект был бы от наказания сдирающей кожу плетью. Душевные раны гораздо больнее. Они не заживают годами, а иногда и до конца жизни. В минуты уединения эти раны дают о себе знать, заставляя вновь и вновь переживать унижение.

— А как отрастет, ты главное не трогай его лишней раз. А то глядишь и девки тебе уже не понравятся... — девушка вошла в раж. Она ходила вокруг столба, смеялась и все время показывала ему, дразня, согнутый мизинец.

Толпа затихла.

— Хватит, Хельга, еще слово, и ты встанешь на место Храбра! — послышался из толпы народа голос ведуна Пересмысла. Старик своим видом источал ауру благоговейного ужаса. Девушка мгновенно прикусила язык под его нестерпимо тяжелым взглядом.

Хоть нарушительница покоя и замолчала, селяне, после недолгой паузы, продолжили улюлюкать над парнем.

Хельга виновато потупив взгляд опустила голову, чувствуя, что все-таки, как говорится, своими обидными изречениями «перегнула палку». Слепая ярость и жажда мести застилала ей глаза, и в этот момент не было видно той черты, которую переступать не стоило. Но она с легкостью её перешла.

Пересмысл, проигнорировав старосту и родителей парня, сложил руки на груди и вынес окончательный вердикт:

— Всыпать ему сто двадцать розг. По десять за каждую посрамленную девушку.

Судя по тому, что перечить ему никто не стал, именно он являлся бесспорным авторитетом у всех жителей в деревне. Ивовый дол, в отличие от старосты Деяна, который такового только изображал.

— Дед Пересмысл, дак нас тринадцать было, это сто тридцать розг получается? — подметила веснушчатая Ариша, высчитывая количество ударов на пальцах.

— Хельга уже за себя воздала, даже с лихвой, так что, по-хорошему, и ей пяток розг на сдачу дать не было бы лишним.

Хельга испуганно уставилась на старика.

Мужики из деревни Иволг отвязали Храбра от столба, приволокли козлы для распилки дров и распластали парня на них. Содрали с него остатки разорванной рубахи, закрепили веревками руки и ноги.

Матушка Храбра, Златоцвета, кусала при этом костяшки своих сухоньких пальцев, еле сдерживая крики. Ее супруг, Татьмир, смотрел на экзекуцию сына с каменным выражением лица, видимо понимал — заслужил парень.

Привести приговор ведуна в исполнение вызвался один лихой и крепкий мужчина. Рука у такого точно не дрогнет. Специально для него несколько отроков нарезали пучки ивовых хлестких и гибких прутьев.

Мужик взялся за порку росомахи с пристрастием. Хлесткие прутья со свистом рассекали воздух, оставляя на спине Храбра красные полосы. И их вскоре стало столько, что на спине не осталось ни единого целого кусочка кожи. Парень сначала держался, потом начал превращаться в росомаху; рычал, скулил, как побитая собака, шипел и огрызался.

Златоцвета от такого зрелища лишилась чувств. Её подхватили братья и не дали рухнуть на землю. Татьмир сурово молчал, но взгляда не отвел. Остальной народ смотрел на расправу спокойно. Старухи показывали непослушным детям на наказание и стращали их. Некоторые мужики смотрели на парня с презрением. Хельга хотела отвернуться, ей стало жаль Храбра. Пересмысл не позволил.

— Смотри! — сказал ей ведун и силой развернул её лицом к месту наказания.

Когда наконец парню воздали по заслугам, отвязали от козел, родственники Храбра подхватили его и отвели в сторону. Ведун, он же и целитель, предложил промыть парню раны. На что получил резкий отказ от оскорбленных росомах. Впрочем, сказать что-то резкое Пересмыслу никто не осмелился.

Старейшина росомах задержался в Ивовом долу. Ему требовалось решить со старостой Деяном важные дела: сторговаться на счет цен, на мёд осенью.

Ольга вместе с Ведуном всё еще топтались у окровавленных козел. Какая-то баба отмывала козлы водой из ведра, которую таскал ей из реки пацанёнок Сява.

Ольга и Пересмысл понуро провожали жителей из деревни росомах взглядами.

Как-то не по-человечески поступила Ольга с парнем-оборотнем и теперь, осознав это, терзалась угрызениями совести. В её-то мире такие выходки иногда и мимо ушей пропускают, а здесь за такое могут отомстить или кровно обидеться. Она не сразу поняла это и теперь жалела о содеянном.

— Знаешь, дед, если этот вайерист мне отомстит, я, пожалуй, пойму, — сказала она старику-птице теребя подбородок.

— Повезло тебе, что ты девка, за такое тебя могли на поединок вызвать, — ответил Пересмысл. Он продолжал сердиться на неё, но все же понимал, что девушка могла не знать местных устоев и жизни.

Как полагалось, старосты двух деревень, стоявшие неподалеку, начали справляться о здоровье и благополучии родственников.

— Как ваши поживают, все ли живы и здоровы? — справился у Зорана Горыныча, Деян.

— Слава Семерым, все живы, вот только не все здоровы, — ответил староста Росомах.

— Чего так?

— Да тесть младший, Боровик, коликой мучается. Сильно мучается.

Их разговор заинтересовал Пересмысла, стоявшего неподалеку. Он все же Ведун, а стало быть и целитель. Его кустистые брови слегка приподнялись.

— А где, у вашего тестя колика?

— В кишках, кажись. Все за бок правый держится, не похоже на колику. — Зоранпоказал на себе, где именно болело у его тестя.

Увидев эти жесты к ним подоспела и Ольга или, как её все теперь называли, Хельга.

— А сильные боли в боку-то? — спросила она у Зорана и уставилась на него, жмурясь от солнц

Староста от такой наглости поперхнулся.

— Я на врача училась. Разбираюсь немного.

— Что?

— Ну, на лекаря. Терапевта. Очень уж по описанию вашему все это похоже на абсцесс.

Пересмысл и Деян переглянулись.

— Ты, Хельга, объясни, что такое абсцесс, и что за такой терапевт, — попросил Пересмысл.

— Терапевт, это диагност... Не важно, одно, что лекарь и всё... Воспаление у вашего Боровика и, похоже, воспаление аппендикса, — почесала в затылке новая и странная жительница деревни Иволг.

— Апенди... что? — попытался повторить староста Зоран.

— В общем, воспаление рудиментарного отростка в кишечнике. Надеюсь не гнойный, — пыталась объяснить Ольга. Она взяла прутик и начала чертить на песке под ногами пищеварительную систему человека. — Вот это кишечник, это, как раз аппендикс, если он воспалился и его не удалить, то каюк вашему тестю любимому!

Три умудренных жизненным опытом человека вытаращив глаза смотрели на юницу, которой были известны тайны неведомые им ранее.

— Внутриутробный гнойник неизлечим. И если с человеком такое приключилось, дня три-четыре ему мучиться осталось. Как я вам сочувствую, уважаемый Зоран, — уголки губ Пересмысла опустились вниз.

Ольга мысленно усмехнулась на них:

— Его можно удалить и спасти вашего тестя. Вот если бы глянуть мне, — произнесла девушка и затерла рисунок на песке ступнёй.

— Ну что, Зоран Горыныч, позволь-ко глянуть нам на больного. Хельга чужая, у них может и лечат такое, — как можно добрее попросил Пересмысл. Старик не был лишён любознательности и понаблюдать за тарапевтом из другого мира ему не терпелось. А что до больного, дак ему уже ничего не поможет...

— Жалко мне что ли, гляньте, коль так хотите. Да только наш лекарь ничего сделать не может, а вот чем эта девушка поможет? — недоумевал Зоран немного надменно посматривая на странную чудачку с необычным цветом волос.

— Помогу — чем смогу! — ответила за себя Ольга.

Решив все дела и завершив переговоры, Зоран Горыныч отправился домой в Звериное полесье, прихватив с собой двух лекарей из Ивового дола. Они пошли коротким путём, по тропе через сосновую рощу. Тропа была усыпана жухлыми иглами и шишками. Ольга иногда наступала на шишки босыми ступнями и ойкала. Зоран шустро шёл впереди. У старика на ногах были удобные тапки плетенные из лыка. Пятки Ведуна Пересмысла были грубее

Ольгиных. Старикан привык без обуви ходить. А вот Ольга все время спотыкалась и ощущала, как её ступни кололи опавшие сосновые иглы.

— Если ты и взаправду училась на лекаря, то это похвально, целители они всегда нужны. Вот ведовству чуток подучится, — тихо сказал ей Пересмысл. — Ох, и чудна ты, девка!

— Ага, только танцев с бубном мне и не хватает! — поморщилась Ольга и в очередной раз ойкнула и остановилась, чтобы отряхнуть пятки. — Не Ивовый дол, а Деревня дураков какая-то.

Пересмысл поджал губы и затряс бородой.

— Ты, девка, за языком-то следи, а то глядишь и вырвут его!

— Ладно дед, не бери в голову. Это я сгоряча...

— Чего там топчитесь? — окликнул староста Зоран, отошедший достаточно далеко. Голос его эхом разнесся среди красно-коричневых сосновых стволов. — Поторопитесь, мы не гулять идем.

Ольга заметила в низенькой траве несколько кустов земляники с красными ягодами и помчалась их собирать. Мешковатое платье развевалось на ней, как парус. Жадным взглядом она искала любимое лакомство.

— Хельга, пошли, кому сказали. Тебя сам староста дожидается, — поторопил раздраженно Пересмысл.

— Подождет... — прошептала недовольно девушка под нос, но увидев, как густые брови у Пересмысла поползли вверх, ответила: — Иду, деда, иду!

Наконец они подоспели к деревне росомах, Звериному полесью. Деревня немногим отличалась от деревни Иволг. Такие же дома-землянки, только не под липами, а под бурокрасных витиеватыми сосенами.

Памятные столбы на окраине с вырезанными на них ликами почивших предков. Частокола вокруг деревни не оказалось. Видимо, росомахи не боялись никаких набегов. Хотя по оценке Ольги, Звериное полесье было поменьше, чем Ивовый дол. Мужики у росомах все как на подбор оказались крупными и плечистыми. К тому же еще и молчаливыми.

Дом Боровика отличался от остальных домов поселка наличниками с ажурной, как кружева, резьбой. Высокое крыльцо чисто выметено. На ступенях крыльца сидела бледная молодая женщина, обнимала двух детей почти одинакового возраста в длинных рубашонках. На лице у неё читались отчаянье и страх. Похоже она пыталась смириться с мыслью о скорой смерти мужа.

Несколько мужчин подошли к избе и пялились на Ольгу. И пялились как-то недобро. Наверное, им рассказали в красках о её насмешке над Храбром. Но вот при старосте Зоране никто задираться не смел. Да и с ведуном связываться тоже не каждый смельчак посмеет. Хотя, наверняка им этого очень хотелось.

— Ты, Хельга, далеко от меня не отходи, — предупредил ведун девушку.

Спутники переступили порог дома и прошли в светлую горницу избы. Ольга подивилась, как все было устроено в ней уютно и просто. Лавки по стенам, устланные полотенцами с зелеными кружевами по краям. Беленая и расписанная разными травянистыми узорами печь. Больной лежал в отдельной комнате на деревянной кровати с резными каретками, укутанный по самый нос, и смотрел отчаянно в потолок. Глаза его были чуть прикрыты, и он тяжело дышал.

— Здравствуй, сват, вот привел к тебе целителей, — сказал староста и мотнул в сторону Пересмысла и девушки.

Олька тихо поздоровалась с больным, но он не ответил, только чуть приоткрыл глаза, посмотрел на неё и снова закрыл их. Рядом с кроватью девушка заметила бадью.

— Так, тошнит? — спросила она больного Боровика.

— Да, все время тошнит — ответил за него Зоран. — И живот болит, точно режут его.

Ольга подошла к Боровику, откинула одеяло. У больного и пощупала живот. Тот вскрикнул и дернулся, пышная борода сползла набок.

— Точно, аппендицит, — заключила Ольга. — Придется вырезать.

— Ой, — вздохнул родственник. Больному же было все равно.

— Или готовьте еще дерево на новый тотем для усопшего! — заключила девушка и забрала розовые волосы в тугой хвостик на затылке и принялась ощупывать живот больного со всех сторон.

Пересмысл присел на край кровати и внимательно наблюдал за манипуляциями девушки. Зоран поглаживал свою бороду и стоя в стороне.

Закончив осмотр, Ольга повернулась к Пересмыслу и быстро затараторила:

— Нужен нож, маленький, но самый острый и крепкое вино.

— Ну что же, Зоран доставай свою прошлогоднюю медовуху, — кивнул ведун старосте. Тот поджал губы, однако спорить не стал.

Но Ольга на этом не остановилась:

— А еще побольше чистых тряпок и горячей кипяченой воды.

— Не повитуха ли ты? Уж очень этот набор похож на тот, что нужен роженице!

Ольга не обратила внимание на замечание Зорана и направилась к столу в горнице и начала его двигать, скидывая с него посуду, приготовленную для обеда.

— Что ты творишь? — возмутился было Зоран, но Пересмысл остановил его жестом.

— Что тебе еще надо, Хельга? — уточнил ведун.

— Свечи, много свечей, нитки, иглу и помощника!

— Помощником я буду! — вызвался старик-ведун, который еще пару часов назад хотел приказать выпороть наглуую девицу.

Зоран позвал невестку Боровика Милану и потребовал у неё предоставить целителям все, что они попросят. Женщина побежала звать себе на помощь мужа и деверя.

Комнату убрали, приготовили стол, постелив на него чистую скатерть, принесли свечи и вскипяченную на летней дровяной печи во дворе дома горячую воду.

В горницу сбежались вдруг родственники Боровика: дочери, выданные замуж и живущие по соседству, внуки, братья, еще пара сыновей, старуха-жена, которая услышав, что её мужа собираются ножом зарезать, бросила стирку и примчалась в дом.

Ольга почувствовала, что смотрят они на неё сейчас, как на мясника, который пытается заколоть поросенка.

— Ты что, старый из ума выжил совсем, — запричитала жалостливо жена Боровика обращаясь к Пересмыслу. — Эта зараза с розовыми волосами мужа моего зарезать живьем задумала! Уж дайте умереть-то ему по-человечьи.

— Что ты, ерунду, сватья, городишь? При живом муже!!! — остановил её Зоран Горыныч, повысив голос и глянув свысока.

Ведун Пересмысл занервничал и обратился к Ольге с тем вопросом, которого она боялась:

— Знаешь ли точно, что делаешь, Хельга?

Ольга дернула плечами и ответила:

— А что будет, если я не вмешаюсь?

— Помрет.

— А так, может, и не помрет. Мук ему в любом случае не избежать. А теперь есть шанс выжить.

— Все слышали? — добавил к её словам Зоран Горыныч.

Родня страдальца снова запричитала, но послушаться, хоть и родственника, но все же старосту не смела.

Ольга сурово глянула на народ и нагло вытолкала за порог. Зоран Горыныч вышел из горницы следом за остальными.

— Сейчас бы музыку, — заворчала целительница с розовыми волосами на родсвенников Боровика, потом обратилась к тем, кто принес ей ткань и горячую воду. — Мне понадобится кипяток каждые полчаса. И не халтурить — кипятить. Если будете просто греть — умрет, так и знайте!

— Слышали?! — окликнул родню Зоран Горыныч. — Я сам лично за этим прослежу.

Дверь закрылась перед носом обеспокоенной родни, что дало дополнительный опыт похатать и поохать.

Ольга смекнула, что с таким рвением родственники не просто проследят за тем, что все будет сделано как нужно, но и воду теперь точно трижды прокипятят.

— Ничего, справимся, — повернулась Ольга лицом к нервно мявшему бороду Пересмыслу. Хотела бы и она сама быть такой уверенной. Но что она могла сказать им? Что знает операцию только по страницам учебника, а сама учится на третьем курсе? Тогда парня точно закопают, или сожрут. Ольга не знала, как принято у них тут.

Болезный вдруг зашевелился и застонал, увидев нож нитки и все приготовления:

— Ой не надо, за что же мне такие муки...

Ольга почесала в затылке и с пониманием посмотрела на Боровика.

— Дед, так он от болевого шока загнетса, даже если привязать. И у меня рука дрогнет. Грибочки есть?

— Грибочки? — не понял старик.

— Ну что ты ешь для допинга? Мухоморы? Поганки? Ложные опята?

Старик прозрел и кивнул. В один момент обернулся желтой птицей. Ольга отворила окно и выпустила его.

Она давно поняла причину того, почему попала сюда в этот мир. Её будущая свекровка, Марина Олеговна, не стала мириться с взбалмошной и своенравной девчонкой, поэтому, видимо, решила отравить ее грибами, зная слабость к простым деликатесам. А потом оправдаться, не знали, мол, что грибы ядовитые, купили такие, думали маслята. Вышло, что Ольга не умерла, а попала сюда. Или всё-таки умерла? Но она сейчас прекрасно осознавала себя, у неё было тело, такое же, как и раньше, и она не изменилась. Только вот где сейчас она была, еще не до конца представляла.

«Где же ты, Лео, что сейчас без меня делаешь. Ищешь утешение в объятиях другой!» — Ольга помотала головой, с силой избавляясь от таких крамольных мыслей.

Птица вернулась через десять минут с пучком сухих грибов в клюве и снова обернулась в стариком.

— Держи, Хельга, желчный гриб — он для крепкого сна, суток на пятеро. Волоконница

— для прохода в мир Теней и паутильник — без него не вернуться обратно.

— Лео с дружками за такую коллекцию допинга все отдал бы. — в слух подумала свои мысли Ольга.

— Нельзя грибы давать не ведунам! — запротестовал старик, но быстро смирился.

— А ты будешь резать живого кричащего человека? — Ольга начала уже психовать.

Ей окончательно доконали все эти условности и закрытость к новшествам. В конце концов парень всё равно умрет, если не от отравления галлюциногенными грибами, то от ножа или инфекции занесенной в рану. Чем это лучше разорвавшегося внутри аппендицита? Все всё понимали и, все же, старались стукнуть ей по рукам. Неужели она единственная, кто хочет спасти этого человека, хоть и не знает его?

Еще раз ведун перечить не решился, лишь плюнул под ноги.

— Так, чистоту соблюдаем! — сделала замечание девушка старику голосом прокурора на допросе.

Дедок чуть не подавился и прикрыл рот ладонью.

Ольга взяла глиняную плошку с полки за печкой, накрошила в неё сушеных грибов и залила медовухой. В другую плошку тоже немного налила медовухи для обработки ножа и ниток с иглой. Медовухи девушка потратила малую часть, оставив добрые полбутыля в сохранности.

— Все закончим — вместе разопьем! — подмигнула юная целительница, стараясь сбросить напряжение, которое, словно электрическое поле, витало в воздухе. Она старалась говорить увереннее, нервотрепки ей и самой хватит, нечего старика до инфаркта доводить.

Они помогли Боровику подняться с кровати и дойти до стола. Мужик не сильно упирался, но лицо у него было мертвецкий бледным и покрытым липким потом, словно маслом. Потом лекари положили его на столешницу, устланную чистой тканью.

Мухоморы с медовухой мужик выпил залпом.

Вместо медицинских халатов целители переоделись в чистые исподние рубахи до пят. Притом, Ольга переоделась прямо тут же, непривычно не стесняясь присутствия старика.

— Слышал сказки про мертвую и живую воду? — спросила она у старика-птицы.

Пересмысл мотнул головой:

— Есть сказание, Про хозяйку мертвой и живой воды

— Дак вот, мертвая вода — исцеляет... убивает гниль, затягивает раны, создает эту стерильность...

Пересмысл, конечно, ничего не понял, но видимо сделал в голове какие-то странные заключения.

— Дак ты, стало быть, та самая хозяйка?!

— Хозяйка — хозяйка. Продезинфицировать надо. Вот, что я имею в виду.

— Что сделать?

— Протереть живот надо спирт....медовухой, — опомнилась Ольга. — Дед, слышишь, помогай! Ты у меня за медсестру сейчас.

— За чью сестру?

— Короче, дед делай что говорю, — ворчала недовольно девушка с и примерялась где будет делать разрез.

Пересмысл насупился, сдвинул брови.

— Ты, поаккуратней, я все же уважаемый человек, как-никак...

— Давай, уважаемый, помогай! Если Боровик «отъедет», то уважать тебя будет на

одного меньше! — скрипнула зубами целительница и, наконец, наметила место разреза. Вроде у трупов аппендикс был именно в там. Заодно и проверим...

Пересмысл выполнил поручение со всей ответственностью. Надо сказать, оказался он не из брезгливых. Да уж, решил стать врачом — терпи кровь и дерьмо! Так, кажется, пытался отчим отговорить Олю поступать на медицинский...

Спустя два часа.

Ольга, ничуть не стесняясь старика, уселась по-турецки на пол рядом с импровизированным хирургическим столом, на котором сном младенца спал пациент. У больного на животе виднелся только что заштопанный красными шелковыми нитками разрез.

Между стариком в одной исподней рубаше и розововолосой девушкой стояла бутылка янтарной, слегка мутной медовухи и всего одна глиняная кружка, второй, увы, не нашлось, как и закуски. Поэтому они снимали напряжение «на сухую». И только сейчас Ольгу начало трясти от нервов. Она только что сама сделала операцию. Главное, не искалечила, не разрежала, а именно спасла человека. По крайней мере, он пока дышит.

У Боровика поднялась температура, но его лицо уже не было покрыто тем липким нездоровым потом, и это обнадеживало.

Снаружи дома слышался негромкий, но постоянный гомон. Видимо, несмотря на поздний час, в деревне вряд ли кто-то спал. Сейчас, наверное, половина местных жителей собралась возле дома и обсуждала, что происходит внутри избы. Только вот выходить на улицу не хотелось, было только одно желание — выпить и лечь рядом с пациентом. Сегодня Ольга пережила слишком много.

Не забываем ставить лайки и делать репосты и писать комментарии:)

Если вы читаете и вам нравится — подпишитесь на авторов. Тогда продолжение не заставит себя ждать.:)

Приглашаем пообщаться с авторами

Эдуард Поляков группа автора в контакте https://vk.com/game_books

Варвара Серебро группа автора в контакте <https://vk.com/club136977670>

Ольге пришлось остаться жить в деревне Звериное полесье. За больным нужно присматривать и защищать его от родственничков, которые понятия не имели как за ним ухаживать и словно поставили для себя задачу доконать его. Староста Зоран выделил девушке отдельную избу. И она начала ее постепенно обживать. К ней в дом перенесли Боровика, чтобы был под её присмотром.

Старый ведун Пересмысл не давал Ольге повода соскучится. Навещал свою ученицу и учительницу каждый день, ближе к полудню. Заодно приносил домашней еды, в которой, кстати, у неё надобности не было.

Слишком обеспокоенные комфортным житием Боровика в доме Хельги родственники в упор не слышали её рекомендаций в первые дни после операции не кормить его ничем, кроме костного бульона и нежирного кипяченого молока. Несли в избу целительницы продукты. Притом пытались накормить страдальца самым вкусным, пирогами, сметаной, копченой рыбой. Вот и пришлось девушке отдуваться за него, пока все не испортилось.

Новый дом оказался слишком просторным, с несколькими горницами, сеновалом и двором для скотины, и располагался по соседству с домом Боровика. Потому в окна целительницы часто заглядывали его дети, жена и сам староста, Зоран Горыныч.

Недурно бы обзавестись занавесками! — подумала Ольга, увидев в окне очередное любопытное лицо.

Деревня росомах Звериное полесье была больше Липового дола раза в полтора. Ольге наблюдала в окна, как мимо ее нового жилища то и дело проходила толпа народа в местных колоритных одеждах с зеленой вышивкой и кружевами по воротам рубах или платьев. Пробегали играющие в догонялки дети с соломенными волосами. Они часто носились возле памятных столбов с ликами предков.

Могучие вековые сосны с толстыми стволами и земляками среди корней стояли повсюду. И тени от их вечнозеленых ветвей расползлась по всей деревне. А под ногами и на тропах валялась масса сосновых иголок. Живительное и ласковое солнце заглядывало в обращенные на восток в окна дома целительницы только с утра. Потом в избе снова становилось сумрачно. Иногда даже приходилось пользоваться лучиной. А еще Ольге порой невыносимо хотелось закурить, но табака скивы не знали. Оно может и к лучшему, ведь девушка давно пыталась бросить.

Боровик все время собирался отправиться к предкам, притом по поводу и без такового. Если Ольга осматривала швы и случайно задевала рану, он охал и говорил, что ему, приходит конец. Спустя пару дней, больной и вовсе набаловался донельзя, и собирался на свидания к пращурам даже тогда, когда у него просто портилось от чего-то настроение.

Как говорить, старость не радость...

В Оренбурге, в том мирегде прежде жила Ольга, сорокалетний мужчина не считался пожилым.

Пришлось девушке полностью окунуться в ощущение жительницы давно минувших веков. Самой хаживать за водой к общему колодцу в северной стороне деревни росомах. Обитатели Звериного полесья косились на неё, а некоторые даже откровенно пялились. Чужали чужачку.

Однажды у колодца Ольга встретила странного парня, который сразу выделялся на фоне

остальных мужиков-росомах своей шуплостью и нескладной фигурой. Руки и одежда у него были перемазаны светло-коричневой глиной. Это оказался местный гончар. Он сам носил воду в свою мастерскую, которая располагалась шагах в двадцати от того места, где обычно вся деревня пополняла запасы воды.

Первый раз они с Ольгой чуть не столкнулись на одной тропинке. Оба, видимо, витали в этот момент каждый в своих мыслях. На следующее утро повстречавшись у колодца поздоровались.

— Меня зовут Лан. Я гончар, — несмело представился парень. — А ты — , Хельга — целительница. Я о тебе много разговоров слышал. Удивительно, о таких способах лечения, как резать ножом, я читал у Мадьях, но вот чтобы их кто-то делал...

Ольга почему-то сразу прониклась к парню симпатией. Все местные мужики, обычно на неё посматривали либо с вожделением, либо с опаской, а этот скорее с точки зрения научного интереса. К тому же, странно встретить в этой глуши читающего человека... точнее оборотня.

— Приятно познакомиться, Лан, а у тебя книги есть по медицине? — поинтересовалась девушка.

— Есть, у меня много книг, — похвастался парень, буквально чуть не сияя от радости. — Я каждый год в Китеже на книги почти все заработанное спускаю.

От того, что знаменитая на всю деревню Хельга обратила на него внимание, парень сильно смутился и покраснел.

— Заходи вечером на чай, — пригласила Ольга.

— На чай? — удивился парень слову чай. В этих местах вместо чая готовили отвары с добавлением трав и разных ягод. Парень от такого предложения слегка замешкался.

— Я ведь здесь никого не знаю, составишь мне компанию, поговорим. Мой больной хоть и идет на поправку семимильными шагами, а все же больше молчит и спит все время. Да и по возрасту он мне в отцы годится. Приходи, — приглашала девушка и приветливо смотрела на гончара.

— Приду, — парень покраснелся и засмутился еще сильнее, — сегодня вечером.

Отлично, — обрадовалась Ольга. — Хоть сегодня не придется ложиться спать с заходом солнца

Нет, ну конечно у девушки были и другие варианты с кем скоротать вечер, например, с племянником старосты Сомом. Тупым как полено и здоровенным, словно медведь. Тот просто проходу ей не давал. Чуть свет, и чьи-то знакомые, оттопыренные уши видны в окне и тень от них падал на половицы у окна, напротив которого стояла кровать целительницы. А иногда покажется в окне и морда росомахи с такими же знакомыми ушками торчком. Так и зайкой стать недолго!

И Зоран Горыныч зачастил к любимому свату с племянничком Сомом на пару. И все подозрительно нахваливал его. Что он и добрый, и обходительный, да и вообще мужик крепкий. Сосватать вздумал?

Ольга весело улыбнулась.

— Заходи, обязательно, — настояла она и пошла обратно к своей избе.

Вечером гончар Лан пришел в гости и притащил берестяной короб, наполненный разнообразными книгами.

Ольга совсем забыла, что позвала его в гости: забот за прошедший день у неё было много. Услышав историю об исцелении Боровика, к ней стали приходиться жители деревни

росомах и просить помощи. У кого зуб заныл, у кого ломило ноги. Был один пациент с триппером, но этого она сразу послала куда подальше. Такие болячки она не станет лечить. Поэтому забыла, что пригласила Лана и даже воды для чая не вскипятила.

Это ничуть не смутило гостя. Лан вытряхнул из короба книги в кожаных тисненых переплетах, некоторые с золочеными вензелями по корешкам. Такой книжной коллекции позавидовали бы многие антиквары и любители старинных фолиантов.

— Вот думал, что с собой взять и решил, что это то, что надо! — довольно хвастался гость.

Ольга рассмотрела принесенные фолианты в кожаных обложках, с толстой то желтоватой, то немного голубоватой бумагой. Удивительно, откуда у гончара такая коллекция? [Здесь](#) были труды по медицине, справочник по болезням и лекарственным травам. Да за такое Пересмысл бы руку отдал.

— А зачем ты все это собираешь, Лан?

— Через книги я могу проникнуть в думы великих философов, что жили века назад, или прочесть о странах, куда никогда не попаду.

— Мечтатель, значит.

— А ты не мечтаешь попасть в другой мир, вырвавшись из оков быта, что как кабала и деньщина заставляют проживать жизнь за брэнной рутиной? Горшки эти, к ляду все это...

— Так я и вырвалась. Вернее, вырвали.

— Не туда ты вырвалась, Хельга.

— Везде хорошо где нас нет, — подвела итог Ольга.

— Наверное... — согласился парень.

— Нет, ты не понял, это выражение такое, оно значит, что человеку всегда кажется, что где-то в другом месте ему будет лучше, чем сейчас. Правда это не всегда так.

Так, слово за слово и засиделись они до рассвета. Чтобы не беспокоить больного, перебрались на улицу. Сели во дворе на поленницу с кружками горячего отвара или, как его упрямо называла Ольга, чая. Закутались в шерстяные одеяла — ведь несмотря на лето, ночью прохладно. Лан рассказывал Ольге про мироустройство, что сам знал и что прочитал в многочисленных своих книгах.

Про народы, их религии, особенности и нрав. Сейчас Лан являлся для неё своего рода тверским купцом и средневековым путешественником первооткрывателем — Афанасием Никитиным, который побывал в разных странах и теперь рассказывал о своих путешествиях. Хотя Лан просто много читал.

Ольга узнала о существовании северных демгердов, которые славились своими огненно-рыжими бородами, ростом и были Великими мастерами кузнечного дела и других ремесел. Про довольно надменных аркрумцев, взявшихся обуздать тонкие грани искусства магии, раскрыть и составить витиеватые алхимические формулы и механические схемы. Про южные народы с дальнего и разгоряченного солнцем материка Фашираз, кожа которых цвета мореного дуба. Фаширазцы поставляющих на продажу кристаллы, дающие возможность использовать магию тем, кого обидела природа.

На следующий день, вечером, Лан снова пришел в гости к Ольге, чему она была очень рада. Мало кто мог рассказать ей столько, сколько знал этот парень. И снова они просидели за разговорами до «первых петухов». Боровик иногда крутился неподалеку, слушая чудные рассказы гончара краем уха. Правда надолго его не хватало, и он уходил спать.

Время шло, больной поправлялся, и Ольге уже можно было возвращаться обратно в

Липовый дол. Она сняла с раны Боровика швы и, понаблюдав за ним еще пару дней, сказала, что тот может возвращаться домой. Мужик обрадовался, а вот целительница не очень. Так как за это время в Зверином полесье у неё появился, наконец, верный друг и интересный собеседник.

Когда тесть Зорана Горыныча, Боровик, торжественно отбыл к родне на поруки, Ольга посетила лавку гончара Лана. Мастер как раз раскручивал с помощью педали и какого-то механизма большой гончарный круг и придавал форму огромному кувшину. Пол в мастерской земляной. Лан работал, раздевшись по пояс и босиком.

— Здравствуй, Лан, — поздоровалась девушка, зайдя в мастерскую, где было не так светло, как на улице, и пахло сыростью.

— Хельга, здравствуй, — поздоровался парнишка и вытер пот со лба, перепачкав его красноватой глиной. — Я рад, что ты навестила меня. — Но парень не отрывался от комка глины, обретавшего форму.

— Больной-то мой выздоровел, теперь я возвратиться, вроде как могу. Вот только думаю здесь остаться. В Липовом доле целитель и так есть, а я здесь больше пригожусь. Что скажешь на это?

Парень заулыбался.

— Нечего и раздумывать — оставайся. Мне всё не скучно и староста, думаю не против будет.

— Ко мне теперь народ идет за лечением. Все в основном переломы, да разные порезы. Спирта не хватает.

Лан остановил гончарный круг.

— А это что такое?

— Как, ты не знаешь? Этиловый спирт. Только вот нужен перегонный куб. Сможешь сделать?

— Гончар вытер руки о бока:

— Нарисуешь? И объяснишь зачем, попробую.

Ольга нашла под ногами плоский и продолговатый камушек и стала рисовать прямо на земляном полу мастерской.

— Нужен вот такой сосуд, чтобы его на огне подогреть можно и змеевик, и ещё один сосуд...

Парень подошел к рисунку, почесал в затылке и сказал:

— Два сосуда я тебе сделаю, а вот змеевик...

— Ну это трубочка, изогнутая спиралью, металлическая.

— Тут кузнец нужен. Хороший кузнец, — сделал вывод Лан.

— Есть у вас такой в Зверином полесье?

— Есть, — посмеялся про себя гончар. — Только вот согласится ли...

— А где его мастерская? Сейчас мы у него и спросим, — решительно сказала целительница.

Гончар указал направо:

— Да вон там, немного поодаль от домов у небольшого пруда. Только ты, Хельга, не ходи к нему. Я сам лучше.

Гончар бросил все дела, надел смятую рубаху и отправился к кузнецу. Ольга осталась ждать в мастерской. Заодно рассмотрела и ассортимент посуды. Нет, конечно не венское стекло, но все же у парня руки из «того места». Кроме необходимой домашней утвари,

крынок, кувшинов, тарелок, стояли на полочках и сушились разнообразные вазочки, фигурки, детские свистульки в виде зверушек в женских и мужских одеждах.

Через пятнадцать минут гончар вернулся и расстроено развел руками. После долгих и упорных расспросов Ольги, признался, что увлекся описанием змеевика и случайно обмолвился, что он нужен на одну хитрую штуку, которую он мастерит вместе с Ольгой. Услышав имя девушки, кузнец разозлился и едва не вышвырнул хилого паренька за шкуру прочь из мастерской и сказал, что, если ей нужна какая-то помощь, пусть будет такой же храброй в жизни, как и на словах, и попросит сама. Лан закончил рассказ и замолчал, дожидаясь решения девушки.

— А как звать мастера, Лан?

— Храбр, — ответил гончар и поперхнулся.

Ольга чуть не подпрыгнула от возмущения. Надо же, как судьба распорядилась.

— Свидание, значит захотел! — вслух подумала Ольга, вытерев перепачканные в земле и глине руки о тряпку, которая лежала на одной из полок и решительно направилась к выходу.

Гончар решил не оставлять беззащитную девушку одну и поспешил следом за ней, чтобы, если что, закрыть ее от тяжелых кулаков кузнеца Храбра. Конечно отпор Лан дать не сможет, но все же он должен сделать хоть что-то, если вдруг мастера переклинит, и он решит прибить Хельгу.

Ольга быстро дошла до кузнечной мастерской, влетела в неё, распахнув двери. В ней за верстаком стоял кузнец Храбр в кожаном фартуке и работал над куском металла напильником. Лицо у него было красным от жара кузнечной печи. Он даже не поднял взгляда на пришедшую к нему разъярённую фурию. Волосы Ольги вдруг сделались сами собой из розовых фиолетовыми.

— Если у тебя жабры коротки, пригласить девушку на свидание, то не нужно придумывать нелепых отговорок, — бросила Ольга мастеру, который теперь удосужился одарить её своим надменным взглядом.

Однако через минуту надменный взгляд кузнеца сменился улыбкой, и он потянулся к шее, чтобы дернуть за лямки и снять с себя фартук. Когда лямки были развязаны, а фартук сам упал на пол мастерской, Ольга поперхнулась и отпрянула подальше.

Под фартуком кузнец оказался совершенно голым.

В этот момент в кузню влетел гончар и хотел было защитить девушку и закрыть её собой, но как только увидел Храбра в чем мать родила, невольно сам спрятался за Ольгу.

— Как ты там говорила, отросток с «мизинчик»? Да я им подковы ковать могу! — взревел Храбр, непонятно от чего торжествуя.

Однако у Ольги тоже дыхание перехватило. Она не была знатоком и целительницей мужских форм и размеров. Да и парень у неё был в жизни всего один, это Лео. Но то, что она видела сейчас, не шло ни в какое сравнение с тем, что ей приходилось вообще когда-либо видеть.

Девушка лишь ахнула.

Ольге не нашлось чем ответить на такую провокацию. От увиденного она разом забыла все слова. И это был первый случай в ее жизни. Она просто покраснела и выбежала из кузни на улицу. Внутри все кипело от сильной обиды и от осознания того, что сегодня её впервые втоптали в грязь, и от того, что она впервые проиграла в словесных баталиях. И это она, та, которая могла при помощи пары фраз макнуть любого соперника в бездну его комплексов и

прилюдно вытащить его скелеты из шкафа. Но не сейчас, не сегодня и не в этот момент. Ольга спасовала и от этого ей было особенно обидно и гадко.

Целительница вернулась в мастерскую гончара и, склонившись над бочкой, стоявшей у входа, умылась и тряхнула несколько раз головой, пытаясь выкинуть из головы мысли о нахальном поступке кузнеца. Потом услышала за спиной тихие неуверенные шаги, обернулась и увидела Лана. В руках парень держал две медных трубочки и робко улыбался.

Ольге почувствовала себя немного неловко. Надо же, застал-таки её в минуту слабости. Хватит, размазня, соберись! — приказала она себе мысленно и улыбнулась через силу Лану в ответ. Правда, её щеки все ещё пылали.

— Ну что, Лан, давай вместе постигать азы самогонварения? — произнесла она со лживым задором в голосе.

Увы, задор этот был ловко наигран. Не важно, главное отвлечься от грустных мыслей в своей голове.

Остаток вечера друзья провели в мастерской, а затем, следующие три дня.

Пока гончар Лан работал над сосудами для перегонного куба, Ольга раскулачила старосту Зорана, забрав у него несколько бочонков со второсортной брагой, которой он зачастую откупался от мужиков, за ту или иную работу.

Услышав, зачем ей нужна брага в бочках, Зоран засмеялся и поначалу отмахнулся. Но Ольга не шутила и упорно потребовала брагу в качестве платы за труд лекаря и спасение Боровика, или же она снова переедет к Иволгам. Услышав эти доводы, Зоран неохотно и тихо сдался. Сначала выкатил из погреба только один бочонок, но не стерпев упрека, что он низко ценит жизнь тестя, выкатил и второй.

— Вот и славно, — радовалась Ольга, поглаживая бочонки с ценным продуктом. И, видимо решив поднять самооценку, подманила к себе пальцем сына старосты Сома. — Ты у нас мужик справный, да пригожий, сильный. Не поможешь ли, красавец, хрупкой, маленькой, девушке отнести эти, без сомнения, очень тяжелые бочонки до гончарной мастерской?

От комплиментов Сом разомлел, особенно по поводу его силы. С легкостью подхватил бочонки, каждый из которых весил чуть меньше, чем сама девушка, подмышки и вприпрыжку помчался вслед за виляющей бедрами Ольгой в сторону мастерской Лана.

Не прошло и пары минут, как бочки с брагой уже оказались у входа в мастерскую. За такое старание Ольга решила наградить силача и ласково взяв его за коричневую косматую бороду, притянула его лицо поближе, чтобы поцеловать в щеку.

В этот самый момент она заметила кузнеца Храбра, идущего к колодцу с ведрами.

Ольга, сама от себя не ожидая такого спектакля, рукой резко развернула лицо здорового детины Сома к себе и поцеловала в губы, притворно прикрыв глаза. Кузнец на спектакль увы не отреагировал, а вот Сом расцвел. Черт, теперь спасу от него не будет!

— Это только благодарность, за помощь, — сказала Ольга разомлевшему Сому.

Теперь она искренне надеялась, что детина, как истинный рыцарь в сияющих доспехах, умчится в сторону заката, помогать другим. Но нет, не тут-то было! Он воспринял это иначе и теперь искал, чем ещё может помочь хрупкой девушке, не понимая настойчивых намеков Оли, что ему уже пора идти домой.

— Может, еще чего принести? Мне не сложно, — сказал он Оле и посмотрел так, как обычно смотрят собаки, желая выпросить у хозяина кусочек лакомства.

— Нет, — резко оборвала его Ольга. Такие поползновения надо сразу пресекать, а то

совсем обнаглеет. — Я сильно сейчас занята и мне не нужна помощь.

Сом кивнул, пожал плечами пошёл восвояси.

Ольга и Лан теперь плотно взялись за изготовление перегонного куба. И тут гончар показал, на что он в самом деле способен. Для начала решили сделать качественный и продуманный чертеж. Вот только вместо бумаги пришлось использовать большой кусок бересты. Можно сказать, он стал хоть и неполноценной, но все же какой-то заменой ватмана. Вместо измерительного прибора, по старинке, Лан все измерял при помощи пальцев, вернее, при помощи расстояния от большого до указательных пальцев.

Пригодилось и умение Ольги хорошо рисовать. Да и вообще, преподаватель анатомии Семен Адольфович, хирург по специализации, часто заставлял своих студентов изображать различные органы и системы в специальных учебных альбомах. Студенты все это списывали на старческий маразм и крутили у виска пальцем. Зачем, ведь есть фотографии. Но теперь-то Ольга понимала, что в жизни пригодиться может абсолютно все.

Чертеж делали прямо на улице, где больше света и места. Лан вытащил к порогу мастерской стол, перед этим убрав с него кучу разных фигурок и посуды и стряхнув со столешницы песок и глину. Друзья склонились над столом и принялись за дело.

Краем глаза Ольга заметила, как Храбр уже третий раз идет к колодцу с ведрами. Об этом суровом парне у неё уже складывалось определенное мнение. По сути он не был плохим человеком. Да, грубоват и дик, как зверь, но, если бы не все эти разногласия и обида между ними, Ольга, пожалуй, смогла бы найти с ним общий язык. А так, чем он плох? Ну да, за девками подглядывал. Да как будто никто кроме него из парней не подсматривал!

Когда Храбр появился у колодца еще раз пять, девушка удивилась: — Неужели он себе рядом с кузней прачечную открыл?! Енот-полоскун Храбр!

Да и лицо Сома все время мелькало неподалеку. Детина, как бы невзначай, прогуливаясь по деревне, часто проходил мимо мастерской Лана, но без радости, с какой-то грустью что ли.

В итоге работу пришлось свернуть. Невозможно трудиться, когда столько посторонних глаз украдкой изучают твоё творение и по-хамски останавливаются взглядами и на округлостях женской фигуры.

Вечер с лихвой окупил малую продуктивность дня. При свечах и лунном свете, все на том же столе прямо у мастерской друзьям удалось набросать на бересте чертежи будущего перегонного куба и, что самое главное, рассчитать примерный объём. Правда, при этом обнаружилось несколько технологических трудностей, которые Лан решил на удивление простыми способами. Все-таки у этого парня был неординарный взгляд изобретателя, склад ума гения или творца. Жаль, что ему приходилось день за днем лепить горшки, тарелки, кувшины и прочую ерунду, растрачивая себя на бренности бытия.

Когда друзья разошлись, и Ольга вернулась в свою избу, чтобы лечь спать, небо на востоке, над лесом, просветлело и появилась алая полоса восхода.

Ближе к полудню Целительницу разбудил настойчивый стук в дверь. Она накинула на себя наспех длинную рубаху и открыла. На пороге двое подростков и придерживали под руки третьего, который скакал на одной ноге. Рыжеватый, косматый, в драной одежонке подросток, играя у кузни с товарищами, распорол себе ногу о ржавый гвоздь. Пришлось зашивать. И Ольга снова невольно вспомнила о спирте. Ничего, скоро появится, а пока остатки крепкой медовухи можно не жалеть!

Девушка взяла шелковую нить, иглу и принялась за работу, посадив парня на лавку и

вытянув его ногу вдоль нее. Парень стиснул зубы, но не признавался, что ему больно. И когда милостивая лекарша склонялась к его ноге, чтобы наложить швы, подросток украдкой пытался заглянуть в декольте. Увы, там его ждал розовый кошачий лиф.

Ольге было смешно наблюдать за его невинной робостью. Парнишка то и дело смущенно отводил от нее взгляд, сильно краснел и потом украдкой рассматривал её вновь. Он лет на шесть младше нее, но все-таки поднял ей не только настроение, но и самооценку на сегодня.

За терпение Ольга поцеловала мальчишку в щеку:

— Ты очень смелый, раз не пикнул ни разу во время такой операции.

Парнишка покраснел еще сильнее и умчался, забыв поблагодарить Ольгу.

Сому придется посторониться, от конкуренции нового воздыхателя

Вечером были намечены последние приготовления и пробный запуск дистиллятора. Ольга не успела выспаться как следует. Дела по дому никто не отменял. Хорошо, что она живет одна и не особо требовательна. Вернее, девушка уже стала приспосабливаться понемногу к местным особенностям быта. Топить печь, готовить на ней, стирать на реке. И все сама.

Ольга открыла окно, чтобы проветрить перед уходом. Вечер был наполнен приятным теплом. Кроме того, в тени сосен, которые росли повсюду над домами-землянками, не было жарко даже в полуденный зной. Закат. Только в этом мире Ольга видела такие необычные насыщенно-алые закаты. Из окна ее нового дома открывался удивительный вид на реку и небо, так как изба стояла на высоком месте. По небу лениво ползли персиковые рваные облака.

На улице послышался шум.

— Я тебе покажу, как меня позорить. Сплетни разносить вздумала, как бабка беззубая? Ща я тебе зубы то посчитаю и приданного лишу.

Судя по голосу, ругался явно мужчина, а вот визжала определенно девушка.

Высунув голову в окно, Ольга заметила, как народ стягивался к избе старосты. Вот те раз, что случилось, что за шухер? Она вышла из дома и тоже пошла за народом в сторону шума. Дойдя до места сходимки и растолкав народ впереди себя, увидела, как ее первый и недавний пациент Боровик охаживает розгой свою дочь, намотав девичью косу на кулак.

Девушка выла белугой и извивалась.

Остановись, слышишь! — послышался голос старосты Зорана Горыныча.

Толпа расступилась сама, пропуская сутуловатого и поджарого старосту. Боровик прекратил бить дочь розгой, но косу не отпускал. Так она и стояла, склонив перед ним голову.

— Чем дочь твоя перед тобой провинилась? — поинтересовался староста.

— Дылда эта щеки свеклой мажет и Сома травит: Зря ходишь, Хельга с Ланом ночи проводят да так, что труба избы шатается Сплетни распускает, отца позорит. Я-то в доме Хельги был и знаю, что они науку учат и разговоры умные ведут. А вот моя дочь, неряха, такие сплетни распускает.

— Отпусти ее, Боровик, — сказала Ольга. — Мало ли что кто болтает! Ты мужик языком хоть в жопу лезь, а рукам воли не давай.

— Хельга! — удивился, услышав её Боровик.

— А что? По отцовски-ли это, позорить дочь на всю деревню? Смотрю, весело тут у вас! Боровик отпустил дочь и посмотрел на Ольгу. Хоть и провинилась дочурка, да все же

родная кровь.

— Хельга, я тебе жизнью обязан, а эта хабалка... Как мне загладить такую обиду?

— Приставь ее ко мне в ученицы. Мне часто руки требуются, а заодно и у нее будет опыт в лечении и не будет времени гадости разносить по свободным ушам. — Ольга даже удивилась, походу местный говор и к ней начал потихоньку прилипать. Раньше бы она вряд ли сказала так витиевато и хитро.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Девка вдруг завывала, словно её продолжали лупить розгами, и бросилась к отцу.

— Верно, Хельга, пусть поживет, да ума наберется! — согласился Боровик, хотя в голосе его слышалось некое замешательство.

Так и сговорились. Ася, дочь Боровика, с этого дня должна была поселиться в Ольгиной избе и взяться не только за обучение, но и ведение быта. После того, как выяснились отношения с девушкой, Ольга, как и хотела, отправилась в мастерскую Лана.

Перегонный куб был готов к первому запуску. Гончар смастерил достаточно большой резервуар, водрузил его на небольшую печурку из кирпича, наколот щепы для растопки. Кроме того, придумал он и очень плотную крышку, которую, после того как залили брагу, залепили тестом, чтобы винные пары не выходили в воздух. Под змеевик приспособили корыто с водой из колодца, чтобы пар остужать.

Процесс пошел. Брага забурлила. Лан и Ольга сели на лавочку у своего детища и теперь с нетерпением ждали результата. Результат недолго заставил себя ждать. спустя пятнадцать минут первые живительные капли начали наполнять подставленный под конец медной трубочки кувшин.

И только налили то, что получилось, в красивую кружку, сработанную гончаром. Первый спирт, теперь не придется мыть раны сладкой медовой брагой, на которую слетаются все мухи. В мастерскую влетел полупьяный Сом. Глаза у него были красными от слез, а лицо перекошено от злобы.

Если вы читаете и вам нравится — подпишитесь на авторов. Тогда продолжение не заставит себя ждать.:)

Не забываем ставить лайки и делать репосты и писать комментарии:)

Приглашаем пообщаться с авторами

Эдуард Поляков группа автора в контакте https://vk.com/game_books

Варвара Серебро группа автора в контакте <https://vk.com/club136977670>

— Ты, жаба, все хвостом-то крутишь! — гаркнул он на Ольгу и, сжалкулаки, встал над ней.

Ольга даже бровью не повела.

— У жабы нет хвоста, — подметил неудачно Лан.

Сом схватил его за плечо и сдернул с лавки. Тот упал на пол мастерской и разлил самогон.

— Стоять... — рыкнула на Сома Ольга. — Вышел отсюда, и потом зашел как надо: со стуком и вытерев ноги.

Ее лицо в одно мгновение преобразилось от гнева. Стало жестким, мрачным. Розовые волосы сами собой потемнели и сделались фиолетовыми, в глазах промелькнула голубая искорка.

Сом уставился на Ольгу, онемел, а его хмельной взор стал рассеиваться. Здоровенный детина испугался миниатюрной девушки, но отступить не думал.

— Как ты смеешь заявляться сюда и что-то требовать? — Ольга приподняла одну бровь и надменно посмотрела на разбушевавшегося оборотня. Надо же, откуда только в ней взялось столько смелости? Ведь Сом мог прихлопнуть ее только одним неловким движением.

Лан поднялся на ноги и попытался здоровяка успокоить уговорами:

— Давайте поговорим и решим все спокойно.

— Пошел вон, дрищ! — отмахнулся от гончара Сом. — Все из-за тебя, из-за тебя отец Асю из дома выгнал! — завыл он и весь покраснел.

Лан кажется не понимал, о чем идет речь, и повел плечами.

— Лучше было бы, если б Боровик Асю колотил? Поживет у меня немного! За напрасные наговоры можно и жизни лишиться! — Вот это сказала, да за такое Сом мне голову самой оторвет!

Сом теперь наоборот побелел, а потом присел на лавку и обхватил голову руками.

— Ведь это все не я, мой отец задумал и дядя. Все пилили меня: Хельга девка справная, толковая, в женихи набивайся. Нам лекарь в деревню свой нужен. А я-то что, отца ослушаюсь... А Ася, она же ревнует... А ты...

— О-о-о, как все сложно! — вздохнула Ольга и, облокотившись и дощатую стену сарая, сложила руки на груди. — Не переживай, ничего ей не будет. Лан, подай-ка кружку. У него раны сердечные, а их нужно простерилизовать, — произнесла Ольга и сунула красивую посудину в руки Сома. Сом поднес кружку, наполненную едва ли на треть самогомом к лицу и тут же едва не бросил, скривившись от терпкого запаха спирта.

— До дна! — произнесла тост Ольга и вернула кружку к лицу Сома. — Выдохни и залпом.

Сом снова посмотрел на Хельгу, но уже как-то жалостно. А затем опрокинул в себя содержимое и громко стукнул кружкой по столу, отчего остальная посуда слегка звякнула.

— Это зелье вроде как вино, но намного крепче! — пояснила Хельга.

— Что за дрянь, глаза выворачивает! — ругался Сом, вытирая проступившие слезы. — Ведьма ты! Что это?

— А я, может и есть ведьма, а это — мертвая вода! — усмехнулась на парней Ольга.

— Ты врешь, это бабкины сказки, — не совсем членораздельно проговорил уже засыпающий Сом.

Однако Лан посмотрел на неё с любопытством, если даже не с подозрением.

— Ты хозяйка Мертвой воды? — спросил Сом, осматриваясь мутнеющим взглядом.

— А ты еще сомневаешься? — подыграла Хельга. — Любое лекарство горькое, но действенное. А у тебя тут болит. — Она прикоснулась к его груди, в которой мерно бухало сердце.

Через минуту Сом уснул, а вот Лан смотрел на Ольгу испытующе.

— Скажи, ты и в самом деле хозяйка мертвой воды? — спросил он чуть тише, чем следовало, как будто боялся, что их кто-то подслушивает.

— Не говори, что ты тоже такой наивный, Лан, — улыбнулась Ольга. — Он же не в себе, ему надо было успокоиться. Сом добрый. Нельзя таких обижать, Да, он может гвозди на палец наматывать, но искренне расплачется, когда увидит птицу с перебитым крылом. В нашем мире таких людей мало. — Последние слова Ольга сказала почему-то с грустью, вспоминая свою свекровь.

— Но ты ему дала это... — гончар указал на пустую кружку на столе.

На ней появилась солидная трещина, видимо Сом всё-таки перестарался с усилием, когда поставил опорожненную посудину на стол.

— Я тебя умоляю, это всего лишь спирт! — сказала целительница и смешно сморщила носик. — Скажем так, это концентрат медовухи.

— Концентрат? — переспросил Лан, услышав незнакомое слово.

— Ну очищенная медовуха, вернее та её часть, которая и делает людей пьяными, — пояснила девушка.

Парень кивнул, видимо смекнул, о чём говорит Хельга. А затем провел по трубке змеевика, из которого тонкой струйкой бежал спирт, и сунул палец в рот.

— Гадость какая. Спирт, — произнёс он, поморщившись от резкого вкуса и запаха.

— Хочешь я расскажу тебе про него? — спросила девушка, вспомнив про слабость гончара к знаниям. — В нашем мире его используют не только как алкоголь.

Лан кивнул, но тут же добавил:

— Нет, давай завтра вечером. Я захвачу чернила и бумагу, — последние слова он произнес с каким-то пафосом, видимо и на Ольгу они должны были произвести впечатление.

— Хорошо. А пока, давай готовить новую партию, — сказала хозяйка мертвой воды.

Весь остаток вечера Лан и Ольга провозились в гончарной мастерской, на сегодняшний день старшей винокурней. В работе им помогали разговоры и мнения по поводу произошедшего сегодня и мерный на грузный храп Сома, которому Ольга не удержалась и разрисовала лицо угольком. Здоровенный детина с усами Котовского и в грязной рубаше добавлял своим видом веселья.

Почти уже ночью Лан, как и обещал отправился в избу Хельги учиться, притащив все необходимые для этого письменные принадлежности: карманную чернильницу и кипу неровных листов.

Ольга прихватила из мастерской Лана кувшинчик той жидкости, что у них получилась из медовой браги. Сома разбудить так и не удалось, поэтому его они оставили там, где он уснул.

Ольга с видом заядлого знатока питья спиртных напитков стала учить Лана употреблять

самогон. К лабораторному испытанию все было готово. А именно Ольга подсластила самогон медом и выставила на стол закуску: пироги, соленые грибы, немного сала, хлеба.

Девушка пояснила, что спирт не только можно пить, но и использовать для других важных целей, например, в лекарственных настойках, парфюмерии, для приготовления элитного алкоголя, растворителя и во многом другом.

Лан, хоть и был уже изрядно пьян, но старался все записывать и еще успевал попутно рассуждать о применении спирта в их мире. До чего же гончар оказался любознательным. Иногда задавал Ольге вопросы, на которые она не всегда могла дать ответ.

— Чтобы сохранить целебные свойства трав и ягод, из них можно приготовить настойку. Спирт важен в медицине, как обеззараживающее средство. Не надо прямо в рану спирт лить, а вокруг, на кожу. Да и при операциях инструмент обрабатывать — первое дело... — Ольга ходила по горнице пошатываясь, иногда икая. — И конечно духи... Чтобы приятно пахнуть.

Лан почесал в затылке и вытер пальцем нос, оставив под ним чернильную кляксу, потом выпил еще, сильно сморщился и занюхал рукавом.

— Вот, так и запиши, изготовление духов, — потребовала Ольга, расхаживая неуверенной походкой из стороны в сторону и прикладывала все усилия, чтобы не упасть. Иногда хваталась за кромку стола. Хорошо, что обуви на каблуках здесь не носили.

Лан искренне удивился, когда девушка рассказала ему о вонючем спирте, именуемом духами. Ох, как много он еще не слышал и, как много Ольга могла ему рассказать. Знания Ольге давались всегда легко. Она хорошо запоминала и проявляла не дюжую усидчивость и упорство в усвоении наук. Училась в школе, а потом в институте «на отлично».

— Не проще ли в бане помыться? — усмехнулся парень.

Вспомнив о том, что духи придумали французы, чтобы не вонять, Ольга мысленно согласилась с его доводами. Хотя духи — это вещь для девушки необходимая.

— Спирт можно использовать как элитный крепкий алкоголь. Например, коньяк.

— Коньяк? — поднял помутневшие глаза Лан и попытался записать это слово. Правда руки дрожали и записать становилось все сложнее.

— Это такой напиток, настаивается специально в дубовых бочках. Хороший напиток, король напитков и напиток королей! — Ольга сделала величественный жест.

Конечно в Оренбурге, в магазине могли и «сивуху» подсунуть. Но Ольге посчастливилось попробовать элитный коньяк; отчим предпочитал пить только такой.

— Вот с этого и надо было начинать! — оживился Лан и сжал перо. — Пойду завтра к нашему бондарю за бочками для этого «королевского напитка». Только нечем мне с ним расплачиваться, посуда хоть и бьется часто, но не дорого стоит и большой прибыли не приносит.

Гончар оказался парнем не только смышлённым, но и хватким.

Ольга взяла с тарелки грибок и разлила самогон по кружкам:

— Не мужик, притормози, а то коней загонишь.

— Чего, каких коней. Нет у меня коней... — помотал хмельной головой Лан.

— Ладно, сделаем, как у нас в деревнях принято, расплатимся «жидкой валютой». Отстроим винный заводик, — Ольга мечтательно расселась на лавке и начала излагать думы о светлом будущем, как товарищ Ленин об «Октябрьской революции».

Захмелевший Лан уснул, прямо на своих листках, перемазав щеку о невысохшие на бумаге чернила.

Утром, как только солнце заглянуло в окна избы Ольги, в дверь постучали. Целительница, вздрогнула, проснулась, вышла в сени. Наверное, опять мальчишки приволокли кого-то с раной.

Но нет, она ошиблась, у порога неуверенно топталась Ася, дочь Боровика. Худенькая девушка с мягким, ангельским личиком и покрасневшими от слез большими глазами цвета вечнозеленой хвои. Бедняга вся тряслась и смотрела на целительницу. Еще бы, неизвестно чем заставит заниматься ее грозная Хельга. Ведь она слышала немало историй, про то, как она унизила кузнеца Храбра, да и их родственник Зоран Горыныч прислушивался к словам целительницы.

— Проходи, — сказала Ольга, приглашая свою новую помощницу в дом. — Будешь жить в южной горнице, там не так много места, и окно всего одно, но тебе хватит.

Ася всё топталась у порога, сжимая в руках узелки с пожитками.

— А что я буду делать?

— Для начала, проходи, положи вещи, — немного подумав Ольга более мягко добавила, — пожалуйста.

Девушка прошла в сени, а потом и в общую восточную горницу, где обитала сама хозяйка и спал на столе гончар Лан.

Увидев гончара, Ася снова оробела.

— Что смотришь, Ася? Лан! — Ольга толкнула гончара в плечо. — Вставай бутлегер!

Парень вяло открыл глаза, еле оторвал голову от стола, лист бумаги прилип к его щеке. Лан отлепил его и на коже остались ровные чернильные надписи. Потом горе-пьяница взялся за затылок.

— Ага, как самочувствие, Лан?

— Хреново, — честно признался он.

— Отлично, — строго гаркнула Ольга. — Меньше налегай на пойло.

— Зачем ты так, Хельга? — удивился парень.

Неизвестно, что подумал в этот момент гончар, но сказать что-либо в ответ не посмел. Если бы жили они в мире Ольги, она, возможно, посмеялась бы на сплетни Аси. Мало ли что она себе нафантазировала. Но в этом мире такие подозрения могли здорово повредить репутации. А ей еще жить среди этих оборотней неизвестно сколько.

Ольга подчерпнула холодной воды из ведра в сенях на лавке и, вернувшись в горницу, направилась в угол к зеркалу и небольшому корытцу. Так она умывалась по утрам и даже приспособилась чистить зубы при помощи соли, золы и мягкой тряпочки. Странно, ее волосы оставались розовыми, и краска с них совсем не смывалась, а когда она злилась, становились насыщенно фиолетовыми. Вот тебе и метаморфозы!

Лан собирал листки, разбросанные по всему столу.

Раздался настойчивый и звонкий стук в окно. Ольга открыла створки ипустила внутрь дома желтую птицу, которая, села на пол, подросла и превратилась в ворчливого старика с длинной бородой.

— А вот и Пересмысл пожаловал, — как-то недовольно проворчала целительница. Сегодня она явно не выпалась.

Старик приняхался и поморщился:

— Что-то дух у вас тяжелый, молодежь. Проветривать не пробовали? — он посмотрел на Лана, перепачканного чернилами. — Чем вы тут занимались-то?

— Проветривали, через месяц опять воняет, — хихикнула Ольга.

— Мертвую воду... изучали — сообщил гончар и взялся за голову.

— Мертвую воду? — удивился старик и нахмурился

К ведуну все, кроме Ольги, относились с некоторым трепетом. Она же разговаривала с ним, словно он был ее родным дедом.

Дверь горницы хлопнула и на пороге показалась Ася. Увидев Пересмысла, она поздоровалась и опустила взгляд.

— Уж точно не грибами балуемся. Вот спирт, — указала целительница на несколько плотно закупоренных кувшинчиков, стоявших за печкой на полочках.

В сенях что-то загрохотало и в избу ворвался Зоран Горыныч. и как-то тревожно уставился на хозяйку избы. В глазах Аси мелькнула надежда, что родственничек пришел за ней.

— Асю не верну, — проворчала Ольга на старосту.

Горыныч махнул на Асю рукой.

— Не до пустяков, Хельга, там у деревни дети гному беременную нашли. Очень ей плохо, не может разродиться, кровью истекает. Можешь ли что сделать?

— Гному? — переспросила Ольга. О этих созданиях Ольга читала только в сказках. — Так, мужики освободили мой кабинет и приберите здесь!

— И я? — Повел бровью целитель-иволга.

— Нет, деда, ты останься, — бросила Ольга, — и Ася. Надо все подготовить, чтобы гному лечить.

В свою бытность студенткой мединститута Ольга подрабатывала на скорой помощи, Это была прекрасная практика для будущего врача. Случаи со сложными родами, а именно такой сейчас похоже и представился, тоже повидала. Вот только здесь, в этом мире, не было у неё современных медикаментов, да и она была не совсем готовым врачом. А тут еще и женщина гном! Поначалу, услышав такую новость, Ольга удивилась, но не так, как раньше. Но если учитывать то, что жила она среди оборотней, это не стало для неё сногшибательной новостью.

На улице у дома целительницы Хельги уже собралась толпа любопытных. Дети, крича наперебой, бежали впереди целительницы и показывая ей то место, где они нашли страдалицу. У излучины реки, в высокой траве стояла толпа женщин. Одни утирали слезы со щек, другие склонились над кем-то и подбадривали.

— Сейчас Хельга, придет, целительница.

Детей к этому место женщины близко не подпускали.

Ольга ощутила тревогу и похолодела от страха, когда услышала наполненный страданием голос женщины. В этот момент она даже остановилась на мгновение. Но побоявшись, что ее неуверенность заметят, взяла себя в руки и пошла напрямую к тому месту, где толпились люди.

На траве лежала небольшая коренастая женщина в красно-коричневой одежде с большим животом. Лицо у нее было бледным с каким-то синеватым оттенком. Она держалась за живот, стонала и иногда открывала глаза. Ольга присела и осмотрела её.

— Ну и дела! Сложные роды, ребенок не выходит сам, — только и смогла проговорить Ольга. — Мужики, а ну, давай, помогай. Мужики!

Она вскочила на ноги и без стеснения выбрала из толпы зевак тех кто нужен был для помощи. Женщину требовалось перемещать бережно и аккуратно.

— Ты, ты и ты, и вот ты, понесете ее. Что встали? — бессильно злилась целительница.

Когда Ольга начала командовать, четыре выбранных ею мужика лишь переглядывались между собой, не решались начать слушать бабу. — Неужели не понимаете, она же умрет, ее ко мне надо отнести! Вы что оглохли?!

— Успеем, — проворчал один из мужиков с дурацкими усиками и отмахнулся от нее. — Чего с ней случится, с этой коротышкой?

Мужики стояли в стороне, и никто из них не желал помогать:

— Ишь, шустрая какая пигалица. Командует она тут, — уперся пузатый с маленькими сальными глазками.

Над толпой появилась светловолосая макушка Сом. На лице у него отображались все муки алкоголика на утро после пьянки.

— Сом, — окликнула его Ольга и показала пальцем на четырех не слушающих ее мужиков. — Можешь уговорить этих джентльменов помочь мне, — и, не удержавшись, соорудила ему милую обиженную моську, но тут же взяла себя в руки, не время сейчас для тонкой женской манипуляции. Но как же она была рада его видеть!

— Делайте, чего велит, — спокойно, даже тихо сказал Сом. Но носильщики видимо не поняли.

— Чего, ща, делать больше нам нечего, бабу и станем слушать, — захохотал мужик с жилистой длинной шеей, грызя травинку щербатыми зубами.

— Угу, — помотали, соглашаясь, головами, худые, жилистые братья, с вытянутыми, как крысиные мордочки, лицами.

Гнома, ныла от боли и смотрела на них. Ольга сжала в гневе кулаки.

Сом ничего не ответил, вздохнул и дал мужику с травинкой в зубах в глаз наотмашь. Тот повалился, где стоял. Второго, одного из остролицых братьев, попытался схватить, но парень оказался проворным и вывернулся из его захвата. Еще двое, стоявших в стороне закатали рукава ринулись на племянника старосты и после пары нехилых ударов отлетели, держась за подбородки.

Драку пришлось охладить все той же Ольге:

— Вам проблем мало? Сом, мне нужны четыре живых санитаров, кто носилки потащит? — возмутилась она, глядя на страдающую от боли женщину из расы гномов.

У той на лице уже выступил холодный пот. Она слабела с каждой минутой, и это беспокоило Олю больше всего.

— Пока вы тут рисуетесь, она умрет. Тоже мне, богатыри хреновы! — Ольга плюнула себе под ноги от брезгливости. — Слизняки!

Но пары тычков Сом и последнего уверения Ольги хватило, чтобы мужики наконец зашевелились и соорудили из лапника и двух жердей вполне сносные волокуши. Всем процессом руководил щербатый бедолага с фингалом.

Роженицу плавно уложили на волокуши.

— А теперь идем на счет раз, два три, — проговорила Ольга и пошла впереди носилок, следя за ритмом.

От одной только мысли, что при неловком движении женщину-гнома могут уронить, её бросало в дрожь. К счастью, теперь ее слушались и весомым аргументом для послушания был шагающий рядом с носилками Сом, который уже успел где-то раздобыть внушительного размера дубину. Так, на всякий случай.

Четверо носильщиков тащили свою ношу аккуратно, словно женщина-гном была сделана из ценного стекла. Лицо пациентки искажалось от мук. Она держалась изо всех сил,

кусала от боли губы до крови и костяшки собственных рук. Надо сказать, маленькая женщина оказалась не слабохарактерной.

— Потерпи, — попыталась успокоить ее Ольга, хотя не знала, понимала ли гнома человеческий язык.

Всякие бывали случаи. И коллеги неадекватные встречались, и пациенты с придурью, а то еще и под наркотой или настойкой боярышника. Вот думала ли она, что докатится до такого? Бригада оборотней, тащит к ней в дом, то бишь в местную больницу, пациентку — женщину-гнома?! Галаперидолу мне! Ох, и удивительны же порой бывают хитросплетения судьбы и случая. И все же, Ольга поняла главное: оборотни, гномы — одно что люди, с теми же тараканами, придурью и страхами в головах!

Мужики бережно занесли роженицу в избу Хельги, теперь ставшую главной больницей для всей округи. Но сегодня эта больница превратилась еще и в роддом. Вместо акушерок Ольгу и женщину-гнома встретил бледный, как простыня, но невозмутимый, как могучая скала у моря, Пересмысл. Ася находилась рядом с ним.

Покинуть избу уговаривать никого не пришлось: одних только упоминаний о родах хватило, чтобы мужики побежали в ужасе куда глаза глядят. Да, это все, хоть и вполне естественно, но все же не для шатких мужских нервов!

Помещение быстро освободили от лишних людей, и пациентку уложили на стол. Роженица теперь принялась плакать, хватаясь за живот, и истошно и мучительно кричать.

Ольга немного замешкалась и даже запаниковала. С чего начать? Она не акушер-гинеколог, она просто студентка, волею судеб поставленная в такую патовую ситуацию. Сразу вспомнились разговоры с девчонками с как раз-таки с акушерского отделения. Некоторые рассказывали душеспасительные истории о том, как горе-практикантки, делая кесарево сечение впервые, вредили ребенку. Ходил слух о таком случае, когда молоденькая практикантка рассекла скальпелем лицо новорожденной девочке. Бррр...

От последних мыслей дрожи в руках Ольги только прибавилось. Главное не терять самообладание. Стоит только на секунду перестать верить в себя и все... «Сконцентрироваться и думать о главном — сейчас мы помогаем появиться на свет новому жителю этого мира.»

Ведун смекнул что к чему и сейчас уже готовил усыпляющий отвар и крошил грибы.

— Главное не дать много, — сообщил Пересмысл. — Можно усыпить, а можно отправить к предкам.

Ася уже нагрела воды, приготовила чистые и проглаженные угольным утюгом льняные повязки. Импровизированный скальпель и иглу тоже прокипятила и протерла теперь все это спиртом. Какая же она молодец! Дед уже смекнул, что понадобится им заранее и научил этому Асю.

Ольга, переделалась в чистую рубаху и взялась за инструмент.

Ну что же, кесарево сечение впервые в жизни. Главное холодный разум и никакой паники!

Спустя примерно час все было закончено. Ольга смывала с рук кровь в деревянной лохани. Ася беззвучно плакала в углу, закрыв ладонями лицо и даже не обращая внимания на то, что ее руки по локоть перепачканы в крови. Женщина-гном все еще спала, она благополучно стала матерью. Рядом с ней лежали двое малышей, оба мальчики, и голосили что есть сил. Они совершенно не отличались от обычных младенцев. Розовые, с пухлыми щечками, темными, еще привыкающими к дневному свету глазами.

Ничего — ничего, это часть моей работы! — успокаивала себя девушка-лекарь.

Ольга не сильно помнила курс акушерства и гинекологии, да и проходила его в институте поверхностно. боялась, что сделала операцию не так, правда уже поздно жалеть и что-то менять.

Живот у женщины был зашит. У детей перезана пуповина. Теперь матери нужен покой, чистота. Чистота! В больницах обычно все полы и даже стены хлоркой и антисептиком обрабатывают четыре раза в день, а тут обычная изба, но никак не больница. Может в любой момент сепсис случиться. С Боровиком повезло, да и вообще на оборотнях раны заживали, как на собаках, а тут почти человек, только маленький. Да и младенцы, судя по тому, как они голосят, голодные.

Тут холодное спокойствие покинуло Ольгу. Сейчас целительница была бы и рада выйти и сообщить радость селянам, вот только ноги отказывались слушать её. Как только операция была закончена, она приземлилась на стул и сидела так уже минут десять, не находя в себе силы встать, пыталась унять дрожь в руках и коленях. Сейчас ей хотелось больше всего подойти к Асе, обнять ее и заплакать навзрыд.

Она студентка всего лишь третьего курса. И у них только начали преподавать серьезные вещи, а она уже успела вырезать аппендицит и даже сделать кесарево сечение. И не в какой-нибудь клинике, или стерильной операционной, а в обычной деревенской избе, можно сказать «на коленке»! Ведь могла допустить роковую ошибку, занести инфекцию, или сделала надрез не там, где нужно, тогда роженица через пару дней умрет от внутреннего кровотечения. Да она вообще не хотела становиться хирургом! И ей не хотелось открывать собственное кладбище. И на врача она пошла учиться исключительно из-за истории со своим отцом.

Когда отец заболел, его лечащий врач долгое время не мог поставить ему верный диагноз. Сначала говорил, что у него хроническая простуда, остеохондроз и еще что-то в этом духе. Оказалось, это был рак и если бы диагноз был поставлен вовремя и правильно...

Несколько лет Ольга ненавидела врачей, потом, осознав важность этой профессии и не всегда добросовестный к ней подход, решила сама стать врачом-терапевтом и спасать, а не калечить людей. К тому же, хотелось доказать отчиму, что она не какая-то разнеженная Барби.

Да, она трусиха, но признаться в этом может только одному человеку — себе. Для всех остальных, она сейчас не может быть слабой и хрупкой.

Пересмысл только моргал и чесал лысину, идиот! А как еще охарактеризовать того, кто дожил до почтенных седин, а в медицине, кроме того, как галлюциногенные грибы жрать, знает столько, сколько не очень старательная медсестра. А Ольга, дуреха, думала — Пересмысл знает, что делать. Надеялась на это. Ведун же только и мог помогать ей, если потребуется, но напрочь отказывался брать в руки скальпель или иглу.

Да это не скальпель даже, а просто маленькие овощной нож, заточенный до бритвенной остроты. Раз уж на то пошло, ей пора обзаводиться профессиональным инструментом. Специально изготовленным для того, чтобы оперировать людей, а не чистить картошку с репой.

В дверь постучали как раз в тот момент, когда Ольга готова была расплакаться и послать всех к чертям собачьим. Ей сейчас безумно хотелось домой, к маме и даже к отчиму, убраться отсюда, снова стать простой и беззаботной студенткой.

В дверь постучали снова, теперь более громко и настойчиво. Целительница встала и на

подгибающихся ногах подошла к двери и открыла. За дверью ее поджидал староста Зоран. Он был бледен и чем-то встревожен.

— Гномы пришли. — сказал он не отводя и от Ольги взгляда. — Это Хедвига, жена тана гномов,

Сначала лекарша не поверила своим ушам, но увидев серьезное лицо старосты, поняла, что все это не шутки.

— Хорошо, пусть принесут ей вещи. Здесь ей задержаться придётся. Родилась двойня, нужна кормилица что ли, мамка их вряд ли сегодня проснётся, — произнесла Ольга и присела на порог, стоять сил абсолютно не осталось.

Зоран Горыный молчал некоторое время и покусывал свои тонкие потрескавшиеся губы. А затем всё-таки решился и произнес:

— Они за ее головой пришли. — выпалил он на одном дыхании, словно хотел избавиться от тяжелых слов.

Если вы читаете и вам нравится — подпишитесь на авторов. Тогда продолжение не заставит себя ждать.:)

Не забываем ставить лайки и делать репосты и писать комментарии:)

Приглашаем пообщаться с авторами

Эдуард Поляков группа автора в контакте https://vk.com/game_books

Варвара Серебро группа автора в контакте <https://vk.com/club136977670>

Зоран говорил серьезно и похоже шутить не собирался. Навис над сидевшей на пороге избы Ольгой, словно туча над лесом в погожий денёк. Она чувствовала над ухом его прерывистое дыхание, но просто так не собиралась уступать. Да это какой-то бред! Потратить столько сил и нервов на то, чтобы спасти гномов, и нате: отдай их на расправу ошалелым дикарям из её же народа.

— Что? — произнесла Ольга, поперхнувшись воздухом и привстав.

Зоран уточнил:

— У них не принято, чтобы детям рождаться помогали. Дети, которых кроме матери первым увидел не отец, осквернены.

— Что за бред собачий? Они на самом деле дикари? — возмутилась лекарша. Неужели она зря так рисковала, чтобы спасти жизни этих малышей.

— Я бы не был так скор на язык, Хельга, — предостерег староста Ольгу. — Тан Аин, сын Яхнта, не стерпит таких слов.

— Так что, ее муж ещё и титулованная задница? Вот повезло!

— Я же прошу тебя, не выражайся так о Аине Яхнте — навлечешь беду! — снова повторил свои предостережения староста росомах, обернувшись посмотреть не услышал ли кто. — У гномов не только жестокие и жесткие традиции, но и к тому же они весьма злопамятны. Шутки гномы не понимают и иногда воспринимают все, как личную кровную обиду. Бывали случаи, когда правнуки мстили деревьям, за обиды, причиненные еще их прадедам. Притом, этой обидой могло быть когда-то неосторожно сказанное слово.

Зоран похоже сейчас готов был отдать женщину-гнома, лишь бы избавиться от проблем. Ольга встала в дверях.

— А у нас говорят, «на обиженных воду возят», — усмехнулась целительница.

Но Зоран не отступал ни на шаг.

— С гномами лучше не ссориться, Хельга. Они не великие бойцы и не имеют больших армий, зато прекрасные рудокопы и снабжают нас всех на поверхности металлом и его сплавами, — Зоран вел себя как чиновник, которому главное уладить все без лишних проблем, чтобы все дело «шито-крыто». — Это тебе не шутки, Хельга!

О гномах Зоран рассказал Ольге еще не мало, приводя доводы отдать им жену тана и разойтись по-хорошему.

— Нет, позволь поговорить с ними, Зоран.

Старик колебался некоторое время. Она понимала, что сейчас он пришел на самом деле по-хорошему поговорить, не взял с собой мужиков, чтобы без спроса забрать ее пациентку и младенцев. Кто она, Ольга, здесь, среди оборотней? Пигалица, пришелица и чужая.

И староста Зоран оказал удивительное великодушие, повел ее к оборонительному частоколу. Возможно, надеялся всю вину спихнуть на целительницу.

Ольга собрала последние силы в кулак и пошла вслед за Зораном Горынычем, желая посмотреть в глаза тому, кто хотел убить беззащитную женщину с двумя младенцами.

Ворота в деревню были плотно закрыты, на стенах и собрались вооруженные мужики, готовые в случае чего дать отпор.

Целительница не зря выбрала бойницу на частоколе с дальней стороны, на ближней уже стоял Храбр в остроконечном шлеме и с двумя мечами наготове. Сом последовал за дядей и

Ольгой на дальнюю бойницу

Выглянув за частокол, Ольга увидела, как пояснил староста, гномий хирд.

Он ничем не отличался от построения черепахой, которое Ольга видела в учебниках по истории Древнего Рима в пятом классе. Абсолютно то же самое: стена из квадратных щитов со всех сторон закрывала находящиеся в своеобразной «коробочке» коренастых гномов. Отличие лишь в том, что в гномьем хирде бойцы в Авангарде скованны цепями. Зачем и для чего это было сделано — непонятно, но наверняка у этого какой-то свой замысел. Эти подземный народ выглядел не менее внушительно, чем скивы. Ростом гномы не выше полутра метров, руки и плечи хорошо развиты, как у ярых рудокопов. Густые бороды, длиной до пояса. У некоторых молодцев аккуратно стриженные или густые бакенбарды, кому как нравилось носить. О их выносливости, преданности и жажде надоедать расспросами, слагали легенды. Если гном твой друг, значит ты почти ему родня, а стало быть жди в гости не только его, но и всех родственников до пятого колена. И упаси тебя Боги, стать гному врагом. Учитывая то, что тоннели Подгорное царства распространялись почти на весь материк, и все гномы состоят между собой в ближним, или дальним родстве. В случае обиды, будь уверен мстить тебе будут на всём материке.

И вот сейчас получается, что жена местного тана не смогла разродиться сама. И нет бы ей, как порядочной женщине умереть в родовых муках в одной из дальних пещер. Нет, она вышла на поверхность к людям-оборотням, где ее нашли местные жители и спасла Хельга. И ладно бы, если она была простой бабой, не высокого положения и не главы гномьего клана. Возможно, тогда бы ей ничего не грозило, кроме осуждения от старейшин или запрета на хороший брак для ее сыновей. А вот жена тана не имеет права нарушать традиций.

Как утверждал Зоран Горыныч, среди гномов встречались и знаменитые герои, не боявшиеся сражаться с подземными чудовищами. Да и упорства этому народу не занимать. А как иначе искать руду и копать длинные тоннели?

Так что, сейчас перед закрытыми воротами под палящими лучами солнца стояла «коробочка» из двух дюжин сердитых гномов, которые ждали одной лишь команды.

— И что вы хотите делать? — Ольга испытующе посмотрела на старосту.

— Хельга, ты пойми, деревня без металла не выживет, это их дело, — староста как бы оправдывался, ещё даже не огласив своего решения.

— Нет, ты серьёзно? — возмутилась она.

— Повежливей, не тыкай мне тут, — у Зорана всё-таки начали сдавать нервы.

— Отдайте нам Хэдвигу из рода Агата, — перебил их перепалку громкий и на удивление низкий басовитый голос из-за частокола.

Не далеко от хирда стоял мужчина-гном с топором в коротких и толстых пальцах. Лицо у него было широким, как и у многих гномов, густая борода закрывала половину лица и во взгляде угадывались решимость и ум. Остальные гномы безмолвствовали и посматривали на этого молодца с каштановой бородой. Сомневаться не приходилось — это был тот самый тан чья жена сейчас мирно спала у Хельги в избе на обеденном столе. Чёрт, после такого она, хоть убей, не сядет за него обедать.

— Нахрена вы им сказали, что она тут, раз знаете их обычаи? — зашипела Ольга на стоявшего рядом Сома, который только и смог, что посмотреть на старосту и пожать плечами.

— А мы и не сказали, — ответил за него староста.

— То есть, они не уверены и точно не знают, что она здесь? — вслух произнесла свой

вывод Ольга, боясь спугнуть удачу.

— Знают, — ответил староста. — Куда ей и ещё деться? Неужели в берлогу Медведица пойдёт? — видимо старик подумал, что у него вышла довольно удачная шутка.

— Нет, не знают. Да, хорошая мысль, пошла к медведице! Так и скажем, — настояла Ольга. — Тоже мне, пришел тут бородатый хрен с горы!

Сом хмыкнул, а Зоран поджал губы.

— Что ты задумала, Хельга, да разве это наши дела. Пусть сами со своими бабами разбираются. И хватит указывать, твое место у печи с ухватом! — злился глава деревни.

Сом снова хмыкнул. Ольга скрестила руки на груди и четко ответила: - Что же ты, Зоран Горыныч, бабе бестолковой жизни своего дома доверил, особенно тестюшки любимого Боровика, что же не оставил его подыхать с аппендицитом? Не отобрал его, ау меня жить оставил. Не я ли дерьмо из-под него потом выносила, выхаживала? Если отдашь этому хрену с горы Хедвигу и детей, ноги моей на этой земле не будет! Сам будешь врачевать! — поставила целительница Зорана перед фактом. — И дед Пересмысл со мной уйдет. Пусть народ Росомах благодарит тебя, Зоран. Долго и с пристрастием.

— И я с Хельгой уйду, — заявил молчавший до этого момента Сом и поправил на светловолосой голове шлем. — Да не один зверь свое дитя не обидит, а эти рудокопы каменноголовые что придумали?! Детей и женщин своих убивать! Разве звери не прародители нам, а? Это что же выходит: отдадим им младенцев на растерзание, да какие мы потом, звери нам прародители, да мы змеи подколодные! Червяки!

Делать нечего. Росомахи, Иволги, Клесты, Лесные коты, и многие другие скивы со всей округи, прознав про удивительную целительницу Хельгу, примут ее с великим удовольствием. А Зорана Горыныча на смех поднимут и ославят недобрым словом.

Староста громко и тяжело вздохнул и выкрикнул ожидавшему его ответа тану Аину из рода Яхнта:

— Нет у нас никакой Хедвиги из рода Агата. Нет и не было никогда. Убирайтесь обратно, если не желаете войны!

Гномы не торопились развязывать войн и конфликтов со скивами. Ведь скивы так же многочисленны, как и гномы, да и торговые связи между двумя этими народами очень крепкие и жизненно необходимые. Скивам нужен металл, а гномам, блага земные, особенно дерево и пища

— Хорошо, мы верим тебе, староста Зоран. Ты никогда прежде не обманывал нас, — ответил, чуть прищурив правый глаз, гномий тан и демонстративно воткнул свой топор в землю.

Гномы вроде мирно договорились с росомахами, но уходить не собирались. Жители недр окопались недалеко от Звериного полесья, построили земляной лагерь, накопили нор; не нужны шатры и палатки, если есть мотыга и сноровка. Гномов в этом лагере становилось все больше. Хоть и прятались эти низкорослые обитатели подземелий в своих норах. Но то и дело на лесной поляне мелькали их широкие спины.

Зоран Горыныч послал в соседние деревни скивов вести, о том, что творилось у Звериного полесья что стояли они, Росомахи, хорошее. Иволги были ближайшими соседями, но их не так много, а вот до других деревень и родов, не менее двух дней ходу.

Гномы прибывали, и прибывали и складывалось такое впечатление, что теперь под каждым ближним к деревне кустом непременно сидел один из них или была вырыта гномья нора. Так и до штурма недалеко.

Вечер наступил медленно в нервных переживаниях, ожиданиях. Ольга была уверена, что ни один мужик не спал сейчас в Зверином полесье, готовился, точил оружие и звериные когти, либо патрулировал по периметру деревню, ворота и бойницы, наблюдая за тем, что происходило вокруг.

Ночь — время гномов. Время, когда жители подземелий обретали особую прыть и проворность. Кому, если не гному, лучше всех видеть в темноте.оборотни хоть и имели звериное чутье, все же в мраке видели плохо, напрягая зрение, чтобы хоть что-то рассмотреть среди скудного лунного света. А вот если луна за тучами скроется — все, считай ты слеп как щенок!

Ольга стоять против гномов вместе с мужиками и браться за оружие не собиралась. Все же она целитель и доля её теперь врачевать, а не калечить. Поэтому вместе с Асей постаралась обезопасить избу. Словно чуяла, может что-то случиться. Закрыла плотно ставни и двери на замки и для надежности подперла спинкой деревянного стула двери.

Вместе с ней в доме закрылся и старый ведун из рода Иволг, который чтобы скоротать беспокойную ночь, да и нервы успокоить, растирал в ступке сушеные травы и щедро забивал душистым порошком тростниковые трубки и раскладывал рядом на столе.

Сначала послышался шум на улице и гомон мужских голосов. Судя по звуку, гномы пытались попасть за ворота.

— Напали, крысы подземные. — прислушался обеспокоенный Пересмысл и отложил в сторону только что начиненную порошком ведовскую трубочку. Он не обращался к кому-то конкретно, скорее сказал это самому себе.

Ольга, пожала плечами. Что тут сказать, она впервые оказалась в такой ситуации. Сидела рядом со стариком за столом и вздрагивала от любого шума. На всякий случай, припрятала в рукав нож для операций. Вряд ли она хрупкая девушка могла устоять против воина, но с хоть каким-то оружием спокойнее. Ася, Хедвига и младенцы сидели за занавесками на печи.

В какой-то момент пол под ногами вздрогнул, раздался гулкий хруст а затем, разошлись половицы.

— Дубекар! — прозвучал боевой клич гномов.

Молодая мать и девушки вскрикнули от страха. А вот ведун Пересмысл схватился за ведовские трубки.

Из-под пола выскочили темные фигуры гномов в стальных доспехах. Эти землекопы никогда не плели кольчуги, только ковали своеобразную броню. Широкие топоры были чуть ли не шире плеч каждого из них.

Струсил ли в этот момент Ольга? Конечно струсил. Спряталась за печку, как маленькая девочка и зажмурилась.

Однако старик Пересмысл не струсил, приложил к своим устам одну из недавно начиненных порошком ведовских трубочек и выдул из неё прямо в гномов целое облако едкой желтой пыли. Затем взял еще две и выдул из них облачка другого голубоватого цвета.

Двое гномов, будто ошпаренные, начали кататься по развороченным половицам избы и бились словно в эпилептическом припадке. Из рта у них капала вспененная слюна. Трое остальных, что вломились через лаз в полу чуть позже и попали под облака последних двух ведовских трубок, остервенело царапали свои лица толстыми пальцами с грубыми ногтями, отчего их лбы и щеки покрылись кровью от царапин. Но это их не останавливало и они продолжили расчесывать лица и тереть глаза. Что же это за злой порошок изготовил ведун,

сваливший целых пять гномов-диверсантов?

Ольга схватила хват для горшков, так, на всякий случай, и вышла к ним навстречу. Она боялась до дрожи, колени ослабли. Впервые в жизни девушка почувствовала так остро смертельную опасность. Никогда прежде не испытывала таких острых ощущений. Что уж говорить она — слабый пол, это давало возможность для словесных вольностей, за которые бы мужик не ушел целым. Но сейчас все иначе. Она понимала: если встанет у гномов на пути, они зарубят её топором, словно курицу для супа.

Руки тряслись вместе с хватом. Ольга с ужасом смотрела на поднимающегося на ноги с пола гнома с топором и каштановой бородой. Пересмысл увидел это, выхватил у неё кухонное приспособление, а затем ловко, подцепил им шею гнома и припер к стене.

В этот момент дверь в избу с хрустом распахнулась, приставленный к ручке стул сломался. Все старания Ольги и Аси ее баррикадированную избу остались тщетными, вместо двери на частично развороченном и грязном полу теперь лежала еще одна груда досок. В горницу влетели двое храбрецов. Ольга и Пересмысл не сразу узнали Сома и кузнеца Храбра.

Сом сгреб с пола и подхватил под подмышки двоих довольно больших гномов, намеревающихся напасть на Хельгу и ведуна Пересмысла, которые, впрочем, в сравнении его богатырским ростом, были как маленькие пивные бочонки. Так он и держал их у себя подмышками.

Храбр не отличался исполинским ростом и крепостью как Сом, но был крайне ловок и верток. Неизвестно откуда в его руках появилась простынь, которую он накинул на гномов, все еще пускавших пузыри на полу и крепко спеленал их ею и присел верхом на одного из них и крепко держал второго. Гномы на земле сопротивляться не стали, стоило их только придавить росомахе, попытки вырваться закончились.

Дикий страх отступил от Ольги. Она не смогла сдержать чувств и залилась слезами. Да это ужас какой-то, только что ее отделяло несколько шагов от неминуемой гибели, а теперь, когда здесь появился Храбр и Сом, она спасена. Ведь в избе некому было дать отпор гномам, кроме старика-ведуна Пересмысла.

Ольга считала себя сильной, способной постоять за себя и даже за других, но на деле оказалось...

Она посмотрела на двух смельчаков, пришедших на выручку. С Сомом все понятно, он удивительно добрый и невероятно сильный, хоть и не очень умный. Но вот Храбр — Храбр, который ее ненавидел?!

Кузнец сидел на гноме и посматривал на Ольгу исподлобья, но не злобно. Девушке хотелось поблагодарить его, ведь Храбр вбежал в избу первым, не смотря на все обиды между ними, но не стала. В памяти сразу возникла исполосованная в кровь розгами спина парня, и стыд за сказанные ею обидные слова. Особенно ярко вспомнилась и совсем недавняя их встреча, когда Храбр оскорбительно смеялся над ней в своей кузнице и из одежды на парне был только фартук из грубой кожи.

И тут на Ольгу накатила злость. Теперь им предстояла беседа с теми, кто посмел ворваться в дом.

— Я боялся, что эти рудокопы выкинут что-то в этом духе. Подкоп под домом, что может быть лучше для гнома, — рассуждал вслух Храбр, иногда пихая задниками сапог пытавшихся шевельнуться под простыней двух гномов и поглаживая свою темную короткую бороденку.

Персмысл, удерживающий ухватом у стены одного из гномов, заметил его необычный пояс. Шириной не менее тридцати сантиметров, расшитый особым образом.

— Тан Аин, — узнал гнома Храбр.

— Тан? — усмехнулась Ольга. Она уже пришла в себя и теперь гневалась на всю эту ситуацию, а розовые волосы стали приобретать фиолетовые оттенки.

Целительница подставила к печи приступок и отдернула занавеску. Там сидели две перепуганные женщины. Молодая гнома обхватила колени и плакала. Отличалась Хедвига от обычных женщин только лишь своим малым ростом и широкой фигурой. Ходили легенды, что у женщин гномов растет борода, как у мужчин. Но ничего подобного Ольга не заметила. Гнома оказалась очень даже симпатичной: аккуратный носик пуговкой, густые волнистые волосы, благородного золотистого цвета, глаза, как у всех гномов, карие, светящиеся в темноте, удивительно крупные, словно два драгоценных камешка-агата. Не удивительно, что выбрал в жены сам тан, а не просто знатный гном.

Ася сидела рядом с молодой матерью, держала двух крохотных мальчиков и качала их, успокаивая. Дети голосили.

Ольга взяла близнецов у Аси и, несмотря на протесты их матери, поднесла их прямо к тану, которого до сих пор удерживал ухватом Персмысл.

— Их ты хотел убить? Папаша, — произнесла Ольга. Новорожденные близнецы уставились на бородатого сурового гнома своими темно-кариими глазками, которые светились в темноте. Именно этим они и отличались от обычных младенцев. Один из близнецов протянул к Аину крохотную ручку и ухватил его за густую бороду. — Посмотри, это твои сыновья, тан! Твои?

Хедвига еле спустилась с печи, шов после операции болел, и она была слаба. Ася поддерживала ее за плечи.

— Как, двое? — побелел тан Аин, его губы предательски дернулись, но он смог удержать себя в руках.

Рождение близнецов большая редкость у подземного народа, особый знак судьбы и благословение богов. Особенно, если это сыновья.

— Да, двое сыновей! — подтвердила Ольга и, увидев на лице сурового воина выступившие слезы, сама чуть не растрогалась и указала на бледную мать, которая стояла позади ее. — Это твоя жена, которая подарила тебе двух мальчиков. Не ее ли ты хотел убить?

Тан взялся сильными пальцами за деревянную ручку ухвата и сломал его в том месте, где начиналась металлическая насадка, отбросил остатки кухонной утвари в сторону, развязал пояс тана, означающий его статус, и подойдя к одному из своих соучастников, которого держал подмышкой Сом, отдал ему. Это оказался один из его братьев.

— Возвращайтесь и передайте, я отрекаюсь от звания тана клана в пользу своего брата Дорта, — громогласно сообщил он и взял своих детей на руки.

Осчастливленный братом Дорт вцепился в пояс, покраснел и заревел:

— Аин, да ты одурманен этой злой ведьмой! — указал он на Ольгу.

Но счастливый отец уже не слышал его, он смеялся, держа на руках сынишку, который сейчас пустил звонкую струю на кирасу отца... Сом и Храбр отпустили гномов. Конфликт похоже перешел в русло переговоров.

— Ты сошел с ума, Аин! Нельзя нарушать традиции. Нельзя, — брат тана отряхнул одежду и смотрел на пищавших младенцев враждебно. Сейчас он наверное сожалел, что не

оказалось у него острого боевого топора.

В избу вошли еще люди с факелами и оружием в руках. Среди них был и староста Зоран Горыныч.

— Вы воровать вздумали, придется ответить! — заявил он гномам.

Мужики-росомахи держали оружие наготове. Гномы народ отчаянный, мало ли что могут задумать. Но не тут-то было. Новоназначенный тан посмотрел на старосту и лукаво спросил:

— Вы говорили, что ее нет у вас? — отвечал вопросом на вопрос Дорт.

— Говорил... — нехотя ответил староста.

— Значит мы не воровали! — ответил Дорт, и он был прав.

Староста после таких доводов отступился от гномов.

С рассветом бородатые лазутчики покинули Звериное полесье. Семья Аина осталась у Росомах.

Ольге пришлось устроить семью Аина в своей избе. Нелегко гномам жить на земле, а не в ее недрах. Солнце то и дело щиплет и слепит привыкшие к тьме глаза. Кожа первое время краснеет и даже покрывается волдырями. Но со временем гномы привыкали к жизни земной и появились даже те, которые полностью переселились на поверхность, и жили в городах, по соседству с человеком. Например, были такие вот гномы в Акруме.

Аин мужиком оказался деловым. Не зря же он из рода танов. Сколько раз убеждалась Ольга в том, что наследственность — важная штука. Вспомнила, в институте на лекциях по генетики говорили, что характер и склад ума передается по наследству от родителей. И если этот гном уродился таном, значит его предки имели к этому все способности.

Гномья семья поначалу ютилась в третьей, самой маленькой горнице. Потом Аин решил расширить жилплощадь. Идея эта пришла в его крупную гномью голову, когда он помогал чинить половицы в горнице у Хельги.

— А почему бы не обустроить нам под домом неплохую гномью нору? К тому же она почти уже готова, — предложил он Хельге, и та согласилась. Уютная нора для гнома, что для человека изба.

На помощь Аину пришли его недавние противники Сом и кузнец Храбр. Удивительно, как иногда странно происходит знакомство. Еще буквально на днях готовы были друг друга поубивать, а тут нате, строят вместе и общаются как добрые соседи. Даже медовуху по вечерам распивают.

Ольга с Храбром виделась теперь каждый день, кузнец навещал гномов, но беседы вести не торопилась. Обычно здоровалась, уходила в сторону, в другую комнату, и, если не было пациентов, незаметно наблюдала за ним. В душе еще свежи были воспоминания о прошлых обидах и пока они были рядом с воспоминаниями его помощи. И Ольга не могла решить, что для неё сейчас важнее: прошлые обиды или благодарность кузнецу.

Мужики ловко отремонтировали развороченный пол избы, сделали широкий люк в лаз под пол, в который спускалась удобная широкая лестница, вставили новые двери, а однажды Сом приволок под мышкой новую широкую люльку для близнецов Аина, которую Храбр мастерил с особым старанием. Осталось гному обустроить нору и перетащить туда все свое немалое гномье семейство. И отблагодарить кузнеца за столь щедрый подарок.

Маленькие гномята не давали спать по ночам. Кричали, плакали, смеялись и требовали внимания. Если родители близнецов приспособились к дневному образу жизни, то гномята просыпались исключительно по ночам, просились на руки.

Ночи на пролет Хэдви́га качала сорванцов на руках. Помогали ей и Ася, и Ольга.

Когда прошли пара недель и пришло время, по обычаю гномов, дать детям имена, Хедвига и Аин попросили Ольгу оказать им честь и наречь сыновей. Ведь именно юная целительница спасла жизни их и их матери и защитила от расправы.

— Вот никогда не думала, что стану крёстной и нянькой у гномов, — рассуждала Ольга.

Имена малышам она дала необычные для этого мира и вполне распространенные в том, из которого она попала сюда — Ялин и Лой из рода Аина.

Гончар Лан серьезно увлекся самогонованием. Парень оказался не только начитан, но и хваток в делах выгоды. Забросил свои поделки и чашки из глины и принялся экспериментировать со спиртом. Сначала гнал его понемногу, в убыток себе. Добавлял в разные ингредиенты и составлял рецепты. Ведун Пересмысл советовал парню лечебные сборы трав и ягод. Лан записывал за ним и потом уединялся в гончарной мастерской с самогонным аппаратом.

Так появился целый ассортимент лечебных настоек, духов, притинок. И теперь Лан задумал поехать на праздник в Китеж и продавать там не посуду, которая приносила мало прибыли, а настойки и сам самогон. Даже не поленился слепить целую партию глиняных кувшинов для "продукта".

Как говорил отчим Ольги, бизнесмен и депутат Валерий Петрович Сидоров: "Чтобь продать — вложись!" И в этом случае требовались значительные вложения на покупку бочек, небольших бочонков и кадок.

Вспомнила Ольга и то, как начинал ее отчим строить свою «денежную империю», брал займы, на свой страх и риск, в счет дальнейшей прибыли. А выгода от продажи спирта без сомнения была. Девушка и сама являлась инициатором этого предприятия. Где взять в займы? Самый богатый оборотень во всем Зверином полесье- это, конечно, староста Зоран. Тут главное привести весомые доводы.

Рассчитав время, которое потребуется на закупку сырья, на изготовление пратии товара, на заказ бондарю, товарищи немедленно отправились навестить богатую, высокую избу Зорана Горыныча.

Староста поначалу встретил ходоков-просителей не очень ласково. Время близилось к обеду, и его жена уже суетилась у печи и избу покинули последние просители и работники. Когда в избу без стука и церемоний вошла Хельга и Лан, староста устало сидел на лавке у открытого окна. Увидев незваных гостей, он потупил взгляд и как-то отчаянно вздохнув спросил:

— Что снова задумала, Хельга? Или мало тебе того, что из-за тебя ввязались мы всей деревней в гномьи семейные дразги?

Девушка прошла в горницу и улыбнулась.

— Да, и что? Разве ты с этого и выгоды не поимел никакой? Знаю я, ко мне люди ходят, многие рассказывают. Метал-то теперь для деревни подешевел.

Зоран задумался ненадолго, похмурился и потом, как бы нехотя пригласил:

— Проходите, раз пришли.

Лан и Хельга уселись на лавку. Гончар, по привычке, стал осматривать посуду, стоявшую рядком на резных полках.

Изба у старосты хорошая, подметила Ольга. Высокая, в два этажа. С резными наличниками и ставнями. Печь большая, широкая, выложенная из ровного белого камня, украшенная цветными плитками из белой глины, раскрашенными изображениями

необычных птиц. Да на такой печи могла поместиться вся семья старосты и гости придачу. Подивилась Ольга и тому из каких толстых бревен были сложены эти хоромы. Деревья в срубке в три обхвата не меньше. Да в частоколе и то бревна поскромнее. В углу у печи сидела одна из дочерей старосты и чистила вареные яйца на крошево с каким-то местным квасом.

— Нам, Зоран Горыныч нужны деньги, — Ольга начала издалека. — Вот у тебя мы эти деньги и хотим попросить. Дело выгодное и прибыльное.

Ольга знала, какие слова нужно говорить, чтобы заинтересовать.

— Юлишь ты Хельга, ой юлишь. — прищурился Зоран.

— Дело надежное, Зоран Горыныч, если будут у нас бочки и сырье, да и деньги лавку арендовать в Китеже подороже, все с лихвой окупится, — подтвердил Лан и положил перед старости пачку исписанных мелким подчерком листов.

— А что же тогда, раз умный такой, раньше не разбогател? — как ему казалось, резонно спросил староста.

Лан глянул на Ольгу.

— Не юли староста. Не ты одолжишь, так найду в другого старосту в другой деревне более сговорчивого. Всё-таки, я у тебя не подаяние прошу а заём, — Ольга решила взять в свои руки переговорный процесс в виде как Лан поплыл.

Зоран нахмурится, по тому, как дрогнули у него губы, целительница поняла, старик у них на крючке, но пытается набить цену.

— Ну и что вы там варите? Слышал я, как охал Сом от того что голова у него болела. Должен же я знать, на что деньги своей семьи отдаю?

— Спирт незаменим для обработки ран и гнойников. Для целебных настоев, — бросился перечислять Лан полезные свойства.

— Если все сложится, ты, староста, получишь долг обратно, да еще и с процентом. Если прогорит, останусь в этой деревне на пять лет, долг отрабатывать. — Ольга не стала ходить вокруг да около, а зашла с козырей.

Вот эти слова похоже согрели душу старосты больше всего.

— И много денег вам потребуется?.. — спросил старик, почуяв выгоду любом случае.

Миры разные, в люди, даже если они не совсем люди, везде одинаковы. Все хотят кушать хлебушек да с черной икрой, да из белой муки. Из избы старосты друзья вышли с кошельком денег.

Лан остановился на крыльце и похлопав Ольгу по плечу спросил:

— Хельга, а если не получится ничего... вот не выйдет.

— Я в любом случае здесь задержусь, но лучше уж жить в своем доме, трехэтажном и каменном. Когда всё получится, думаю это староста будет приходить к нам с просьбами и вспоминать былые времена? — сказала Ольга и улыбнулась.

На самом деле ей ужасно хотелось вернуться домой, к маме, к парню Лео и даже обнять своего отчима Валеру. Ведь он на многие годы заботился о ней как умел.

Постояв еще немного на крыльце дома старосты, она распрощалась с Ланом, отдала ему все деньги и пошла домой. Девушка уже привыкла ходить босиком по прохладным сырým тропинкам Звериного полесья, засыпанным желтеющей хвоей. К обеду солнце в зените. Теплый воздух волнами поднимался от земли. От жары затихли кузнечики, а в Зверином полесье, под тенью вековых сосен, исполинской высоты, всегда приятная прохлада.

У своего дома, под окнами девушка еще издалека заметила два человеческих фигуры. Подойдя ближе, Ольга узнала Асю и Сома. Они тайком обнимались. Ася держала

букетик полевых колокольчиков.

— Кх, — покашляла Ольга в кулак.

Сом и Ася подпрыгнули на лавке и выпустили друг друга из объятий. Сом побагровел до самых кончиков немного оттопыренных ушей.

— Что хочешь делай со мной Хельга, а Асю я люблю. Ведь я чего сюда ходил, меня дядька Зоран завоевал. Иди, говорит к Хельге, девка красивая, справная, целительница, женись, чтоб не сбежала. А ведь никому не говорил, что Асю люблю, дочку Боровика. Ведь он меня за этот ух... — Сом сжал кулак и показал жестаи как староста скручивает ему голову, словно цыпленку.

Ася сидела рядом с Сомом опустив взгляд.

— Что вы как пятиклашки по углам жметесь? Я на пару дней переезжаю к Лану, Здесь буду только днём принимать больных.

Ольга подмигнула покрасневший Асе и распахнула дверь приглашая парочку в свой дом. Она на самом деле, и не договаривалась с гончаром, что будет жить у него. Эта мысль пришла ей в голову только сейчас. Ведь у них с Ланом впереди минимум полторы недели подготовки. Гончар башковитый парень, но все-таки куда он денется без ее совета. Тем более, именно она рискует головой в случае неудачи. А молодой парочке наверняка приятней будет на теплых простынях, нежели на зеленой траве, комаров кормить.

Лан новость о том, что Хельга будет ночевать у него, воспринял с радостью. Дом у парня оказался небольшой, немного покосившийся, внутри тесно и уютно по своему: все завалено книгами, исписанными листами, гончарной утварью. Печка крохотная и закопченая. Но вот стряпня, в этой печи получалась на удивление вкусная, а может и парень умел хорошо готовить. В любом случае, полторы недели в доме гончара пролетели незаметно. Спать парню приходилось в мастерской или на сеновале возле дома, в его небольшом доме всего одна комната и Хельгу смущать ему не хотелось.

Как только староста выдал деньги, Лан поторопился закупиться сырьем. Хорошей пшеницей, медом, фруктами. В ход шли и ягоды, и разнообразные травы. В мастерской стояли бочки с брагой. Вечерами Ольга с Ланом запускали перегонный аппарат, экспериментировали, добавляя в спирт разнообразные ингредиенты. Засыпали только лишь под утро, а потом Ольга бежала домой, где её ждали пациенты, притом некоторые стали приходить из дальних селений.

Последнюю ночь перед отправлением в Китеж Ольга долго не могла уснуть. Перед дорогой все же решила ночевать в своей избе. И все пыталась в уме представить мифический и загадочный город, мечтала туда попасть, представляла будущее молодой парочки, которая отправится туда, чтобы создать новую ячейку общества обратной и не мыкаться больше по углам.

Если вы читаете и вам нравится — подпишитесь на авторов. Тогда продолжение не заставит себя ждать.:)

Не забываем ставить лайки и делать репосты и писать комментарии:)

Приглашаем пообщаться с авторами

Эдуард Поляков группа автора в контакте https://vk.com/game_books

Варвара Серебро группа автора в контакте <https://vk.com/club136977670>

Удивительное человек создание, ко всему может привыкнуть, везде ужиться и даже найти единомышленников и друзей. Вот и Ольга все время ловила себя на мысли, что теперь Звериное полесье для нее вроде как не просто деревня, а место где живут ее друзья и в какой-то степени близкие люди. И теперь совсем ей не безразлична судьба любого жителя этой деревни.

Она привыкла, что все звали ее исключительно Хельгой. Люди, хоть они и оборотни, шли теперь к ней не только за исцелением, но и за советом. Так что врачевать приходилось и тело, и душу. Удивительно, почему приходили именно к ней, к молодой неопытной девушке.

Праздник Дня летнего солнцестояния или именины Ярилы — важное событие в жизни каждого скива. На каждый большой праздник народ со всей округи съезжался в столицу. Три дня в Китеже — это целая маленькая яркая жизнь. Туда отправлялись целыми семьями от мала до велика. Каждый искал в этом городе свое: ремесленники везли разнообразный товар, парни и девушки искали свою судьбу. Парень не мог жениться на девушке, не пройдя все испытания на празднике в столице.

Мужики из Звериного полесья готовили лодки для отправки в Китеж. Сплавлялись обычно по Звенящей реке целыми семьями, молодежь компаниями, торговцы и ремесленники собирались в речные караваны.

Лан и Хельга готовились к дороге. Весь самогон, настойки, растирки, лечебные капли погрузили в широкую, плотную лодку, которая называлась «Карасем», из-за широких бортов, неповоротливости, но в нее без труда убралось больше ста пятидесяти литров бочонков, множество глиняных бутылок. Гончар решил ехать на этой лодке, а Хельга на другой, вместе Сомом и Асей и ведуном Пересмыслом. Старик ведун знал много интересных истории и с ним путь не покажется ей таким длинным.

Звенящая река — одна из главных дорог скивов. Вдоль берега толпились разнообразные лодки: быстроходные, но маленькие «Плотвички», неповоротливые широкие «Карасы» и «Карпы», плоскодонные и юркие «Щуки». Народ нетерпеливо и тревожно шумел, укладывал в лодки вещи, товар, размещался сам. Некоторые спорили из-места у берега. А по серебристой водной глади, под палящим летним солнцем уже плыли разнообразные суденышки и лодки. Народ с берега перекликался с путешественниками, знакомцами и родственниками из других скивских деревень.

Хельга поудобнее устроилась в длинной лодке Сомы рядом с Асей и ведуном Пересмыслом. Ее новый сосед гном Аин решил плыть на «Карасе» с Ланом.

Ася плела венок из трав и полевых цветов и напевала какую-то незамысловатую песенку. Ее жених любовался своей девушкой, которая сейчас напоминала речную зеленоглазую русалку.

Дед Пересмысл дремал на носу лодки, прикрыв от солнца голову широким лопухом. Кустистые брови полностью прикрыли веки старика. Хельга сидела на курдюке. Для поездки в Китеж, Ася смастерила ей новое летнее платье, более приталенное, с каймой василькового цвета по вороту.

— Поехали, — крикнула Хельга Сому, оторвав его от любования своей невестой.

— Подожди, еще одного забыли взять, — сообщил Сом и нахмурился.

Ася улыбнулась ему и одела только что сплетенный венок на голову. Теперь девушка

еще больше напоминала речную мифическую жительницу вод.

Они стали ждать. Лодки других семей росомах уже отчалили и отравились в путь. Солнце пекло голову и хотелось пить. Среди бортов порхали зеленоватые стрекозы. На прохладную водную гладь плавно приземлялись одуванчиковые пушинки. В крутом песчаном противоположном берегу чернели норки крикливых ласточек-береговушек, которые раздражали своими голосами чуткий слух оборотней.

Из-за поворота реки показалось несколько плотов из толстых рыжих бревен. Это оборотни из малочисленного рода выдр тащили на продажу в Китеж редкую золотую липу. На последнем плоту стоял кряжистый моложавый мужик и рулил с помощью шеста. Остальные его товарищи в ипостаси выдр толкали бревна по течению. На плоты были загружены бочки, в которых плескалась живая рыба, она как и бревна являлась ценным товаром.

Уже минуло около получаса, Хельга забеспокоилась, да и устала ждать:

— Чего твой человек опаздывает? Не может в своей избе носки в найти?

Сом промолчал в ответ. Пересмысл, до этого мирно дремавший на носу длинной лодки, открыл один глаз и проговорил:

— Успеется, да и не люблю я в толпе путешествовать.

— Вот и не успеется, — забеспокоился Лан, ожидавший отправления на соседней широкой лодке «Карасе». — Все хорошие торговые места на ярмарке выкупят!

— Успеем, — проворчал Сом, — знаю я тут одну протоку...

Когда отчалили почти все лодки соседей, и берег реки почти опустел, на тропинке, ведущей к реке, появился Храбр с мешком вещей в руках, в кожаных штанах и льняной широкой рубахе с зеленым обержным пояском.

Хельга вдохнула, знала бы она, кого ожидал Сом!

Парень увидел издали знакомые лодки, махнул Сому и Аину, сбежал к кромке воды. Заметив в лодке Хельгу, спрятал улыбку. Закинул мешок на нос и помчался помогать грузной лодке Лана отчалить от берега. Потом подсобил и лодке Сома.

— Поехали, — сказал Сом, радуясь товарищу. Вместе с Храбром ему и путешествовать веселее и грести легче.

Юркая «Щука» с легкостью рассекала островатым носом прохладные речные волны.

Лан с Аином, которые плыли на «Карасе», порядочно отстали. Хельга опустила руку за борт и иногда протирала лицо прохладной водой.

На берегах реки, через некоторое отдаление друг от друга, стояли деревушки других скивских родов. Первой на пути встретилась уже знакома Хельге деревня Иволг, родная деревня ведуна Пересмысла. Несколько девиц, заметив в лодке целительницу и старика. Закричали им вслед. Одна из девушек обратилась желтой птицей и сделала над «Щукой» несколько приветственных кругов.

— Ариша, — узнал неизвестно как птицу ведун. — В следующем году и ты поедешь в Китеж.

Иволга издала певучий крик, приземлилась на лодку, обратившись в девушку-подростка. Деда, я вас провожу, — сказала Ариша.

— Не летала бы ты одна по реке, Ариша, Ивара не боишься, так о родителях подумай, — погрозил девчонке Пересмысл.

— Что еще за Ивар? — заинтересовалась Хельга.

— Это долгая история, — нахмурился старик. — Неприятная история.

— А времени у нас много, — подметила Ася. — Не так давно на двух противоположных берегах Звонящей реки жили два рода Воронов и Ворон и между ними всегда шли споры и неурядицы.

— И хоть были они в дальнем родстве, но то и дело ссорились. Не находили общего языка. — добавил Пересмысл, приподнялся на лавке. Его пышные брови заколыхались от набежавшего ветерка.

— В деревне Воронов жил Ивар, найденыш. Ивар не имел благословения духов, на ипостась зверя — прародителя, но, слыл умным и могучим, — продолжил Сом налегая на весло.

— Ивар — обычный мальчишка из демгердов. — Перебил его Пересмысл. История эта его сильно, похоже, занимала и он хотел рассказать ее как можно правдивее. — Вот только проклятый. Почему его и вышвырнули свои же, отвезли подальше в лесную глушь, а Вороны подобрали. Баба у них была бездетная, нашла мальчонку и пригрела. А зря.

Хельга верила в эту историю все меньше.

— Может и проклятый, или еще какой. Но почему вы его вспоминаете. Аришу пугаете, словно это «бабайка» какой? — проворчала она, вспоминая, как ей самой в детстве рассказывали разные небылицы.

Сом Пересмысл Храб и Ася переглянулись, а Ариша пожалала плечами.

— Он силу имеет. Люди за ним уходят. Иногда ушедших встречают, но они не признают знакомых и родных, а глаза их горят одержимостью. — ответил Сом.

Они миновали еще несколько деревень и теперь по берегам стоял лишь дремучий лес. Стало тихо, даже слишком тихо. Птицы замолкли, кузнечики в траве перестали стрекотать и ветер пропал.

— Деда, ты не так рассказываешь, — припомнила Ася какую-то часть истории про загадочного человека из деревни Воронов. — По слухам, Ивар обезумел от любви к красавице Снежке из деревни Ворон, — начала рассказывать Ася, осматриваясь, словно кто-то мог их подслушать. — Снежа считалась самой красивой девушкой во всей округе. От одного её взгляда мужчины теряли дар речи. — Ася подчеркнула эти слова указав на свои сомкнутые губы. Храбр сдержанно посмеялся на ее жест. Девушка, любила рассказывать истории о любви. — До чего Снежа была хороша собой и не похожа на других... Случаи были, когда обезумевшие от любви к этой девушке парни накладывали на себя руки или убивали друг друга. Красота ее — это проклятие! Вот и встретились два проклятых Ивар и Снежа. А когда встречается два проклятых, камня на камне не останется! Билось за Снежу немало мужчин на празднике в Китяже и Ивар, чужеземец, выиграл.

— Выиграл, удалой, парень был — у стольких выиграть! — подмигнул Храбру Сом.

Ася посмотрела на Сома, улыбнулась и продолжила:

— Вот только вороны пошли против всех традиций и Снежу Ивару не отдали. Враждовали с воронами и чужаку девушку отдавать не хотели. Вот так. А Ивар об этой девушке грезил наяву.

— Тогда парень пустился во все тяжкие, стал адептом Чернобога и изничтожил две враждующие деревни Воронов и Ворон. Повелевает Ивар тенями и духами, темной ворожкой владеет, — добавил ведун Пересмысл и посмотрел на Аришу, которая слушала рассказ раскрыв рот.

— Чернобогу?.. Чернобог душами питается, деда! — вспомнила Аришка, присев рядом с Асей. — А с девушкой-то что? Что стало? Неужели и её Ивар убил со всеми воронами?

— Пропала, — ответил ей дед. — Слух был, утопилась.

— Ты прости, Пересмысл, слухи-слухами, а пропадает народ. Ивар, всяких там пернатых не жалуется, ему кто посильнее нужен. Недавно мужики и парнишка из Звериного полесья пошли охотиться и не вернулись. Возможно Ивар забрал, — вдруг подал голос молчаливый Храбр и сморщил широкий лоб

Хельга никак не ожидала, что парень в эти сказки тоже верит.

Сом хлопнул веслом по воде и басовито загудел во весь голос:

— Ивару, пять мужиков скрутить, как раз плюнуть. И лицо у него череп мертвецкий, а тело из тьмы соткано. Говорят, даже солнцу его саван тьмы не развеять.

Хельга улыбнулась, история одна, а в устах каждого рассказчика она звучала по-своему. Ариша, испугавшись долгой обратной дороги и историй про Ивара, вновь обернулась иволгой и издав протяжный свист, полетела обратно до Ивового дола.

Дальше на их пути встречались удивительные и разнообразные селенья оборотней, некоторые названия говорили селений давали представление о их жителях: «Медвежьи холмы», «Волчье логовище», «Клестовая роща».

Звенящая река безмятежно несла свои воды вдоль покрытых зеленью и лесами берегов. Запахло дождем, птицы стали летать низко перед надвигающейся непогодой. Вдалеке виднелась вторая широкая лодка, откуда путешественникам со «Щуки» иногда кричали и подавали разные сигналы Лан и Аин.

— Вот подумай, Хельга, ведь именно в тот, а ни в какой иной день я решил с духами беседовать. И спасение детей Аина тоже не случайно, — вдруг начал рассуждать ведун Пересмысл, видимо История Ивара навела его на эти мысли.

— Глупости, — отмахнулась от ведуна целительница. — Глупости ты дед говоришь. Еще скажи, что я мир должна спасти.

Ведун как-то загадочно посмеялся в усы, прислонил голову к носу лодки и задремал.

"Вздор!" — подумала Хельга. — Бред собачий!"

Налетел ветер и тучи плотной серой пеленой покрыли небо.

— Сейчас польёт, как из ведра! — принялся Сом.

Ася достала из тюка плотную ткань, ведун проснулся, и теперь все путешественники стали разворачивать материю, чтобы накрыться от дождя.

Сом и Храбр направили «Щуку» к правому, более отлогому берегу реки.

— Вот и передохнем, — сказал Храбр, втащив весло в лодку и выкинув за борт увесистый якорь.

Вскоре их догнали их друзья на неповоротливом «Карасе». Лан вразумлял гнома поучительными речами. Аин не слушал его, живо разворачивали из мешка ткань и накрывали товар от дождя.

— Смотри, аккуратнее тут по лодке шастай. Разобьешь, убытки... — ворчал гончар, и сверлил карими глазами ширококостного и низенького Аина, который без особых церемоний перешагивал небольшие бочонки и глиняные бутылки, фляжки и колбочки.

На «Щуке» уже давно все укрылись под тканью. Ася перебралась поближе к Сому. Храбру пришлось перебраться и устроиться рядом с Хельгой. Возникла неловкая ситуация.

Пересмысл заметив это, заулыбался в усы. О мог бы потесниться и пустить парня к себе, но не стал. А Хельге сразу вспомнилась неприятная встреча с Храбром в кузне от этого воспоминания её передернуло. А потом припомнила она и то, как парень защищал ее от нападения гномов. Девушка еще не решила для себя прощать ли заносчивого кузница, но

теперь всё равно относилась к нему более сдержанно.

Храбра такое соседство ничуть не смутило. Он поскреб покрытые щетиной щеки, уселся рядом с целительницей.

— Не мешаю? — нахально поинтересовался он.

— Нет, — ответила Хельга, стараясь не смотреть на него.

Согласилась Хельга, наверное, слишком поспешно, от голоса Храбра вновь нахлынули эмоции. И снова эти чувства были слишком сложны для того, чтобы понять их.

Дождь не заставил долго себя ждать и стремительно брызнул, покрывая мелкой рябью поверхность реки.

— Вот скажи мне, Лан, а ты веришь в предназначение? — громко спросила Хельга друга сидевшего в соседней лодке, стараясь перекричать шум дождя.

Ей хотелось заполнить тишину. И отвлечься от ванильного сюсюканья Сомы и Аси. Как только эта парочка выбрались за пределы деревни, сразу отбросила былую робость и сейчас Ася сидела у Сомы на коленях, полностью игнорируя присутствие остальных попутчиков.

— Конечно, — приподняв край ткани, прокричал ответил гончар. — Каждый человек играет в жизни другого человека определенную роль. Мы все ниточки одной паутины, стебли в одном поле и части одного целого. Вот если бы я тогда за водой не пошел на колодец и не встретил тебя — никогда бы не узнал, как болит голова по утру после попойки, — улыбнулся парень.

— А вот что я думаю, Хельга, — обратился к девушке ведун. — Все же ты не просто так сюда попала. Значит здесь ты оказалась нужнее. Предназначение твое здесь находится среди нас.

Хельга не поверила своим ушам и пожала плечами:

— То есть, меня свекровь моя будущая не зря грибами отравила. Не зря хотела убить — так получается?

— Так, она тоже свое предназначение выполняла, тебя к нам отправить, — пояснил старик.

— Ах, сука, предназначение! — привстала от возмущения Хельга. — Значит, если я человека захочу убить — это я свое предназначение выполню!..

Пересмысл немного задумался, кустистые брови его слегка приподнялись.

— Да, выходит выполнишь. Если суждено человеку погибнуть — погибнет. От меча, хвори или оступится на ровной дороге — не важно. Суждено жить, чтобы с ним не случилось — жив останется. Представь, Хельга, скольких ты спасла, пока здесь находишься. Нет, не зря сюда тебя предназначенье забросило!

Хельга присела обратно на лавку. Пересмысл оставался все в том же расслабленном состоянии на носу лодки. Придерживал над головой кусок ткани и иногда проваливался в думы.

— Думаю, ты еще не выполнила свое предназначение до конца, — сделал он вывод.

Хельга умыла лицо прохладной водой из реки. Сом, Храбр и Ася притихли. Дождь продолжал идти, барабанил по пропитанной дегтем и ещё каким-то составом непромокаемой ткани.

От шума дождя и видимо пригревшись рядом с девушкой Храбр задремал, опустив темноволосую голову ей на колени. Целительница ругала его за это про себя, чувствовала его запах, совсем не похожий на человеческий, но будить не стала.

Сквозь серые тучи выглянуло солнце и позолотило все вокруг. До чего же это было

необычное зрелище. Капли блестели от солнечных лучей, падая на поверхность реки.

— Солнце при дожде — хороший знак! — подметил ведун. Он выставил суховатую руку из-под ткани под живительные струи дождя. — Сегодня особый день и такая вода имеет особые, целебные и колдовские свойства.

— Обычная вода, — выпрямилась Хельга и положила ладонь на голову Храбра. Тот проснулся, закашлялся и поднял голову с колен девушки.

Пересмысл ничего не ответил Хельге, только улыбался как-то хитро. Лан, услышав старика бросился набирать солнечную воду в кувшины и почему-то очень этому радовался. Никак придумал что-то?

Дождь закончился, снова все вокруг ожило, защебетали птицы, зажужжали надоедливые комары. А деревья трава и кусты покрывала искристая дождевая влага.

Путники сложили ткань в лодки и поплыли дальше.

Хельга опустила запястье в воду и наблюдала за расходившимися от борта лодки волнами. Вдруг кто-то коснулся её запястья и звонко захихикал. Она дернулась подскочила и повалилась на Храбра, который работал теперь веслом на соседней лавке. Парень не ступешался, ловко подхватил ее, придержал одной рукой и не дал упасть за борт.

— Меня кто-то из реки за руку схватил! — сердце вздрогнуло от страха и в кровь Хельги моментально поступила приличная порция адреналина. Уж она-то об этом догадывалась наверняка.

Но спутники её совершенно не удивились этому. Молчаливый Храбр скупно улыбнулся на удивление девушки. Ася начала смотреть за борт, видимо хотела там что-то или, скорее кого-то увидеть.

— Да это водяные шалят, — успокоил целительницу ведун. — Ты руку-то опустила в воду, вот и решила один из них с тобой поздороваться. Говорил же, вода сейчас особые свойства приобретает. Лесные и водные духи пробуждаются.

— Да меня чуть удар не хватил! — хваталась за сердце целительница.

Путешествие их продолжалось еще несколько дней. И все это время Хельга не переставала удивляться.

Разновидностей оборотней в этих местах превеликое множество. Казалось, что каждая птица или зверь мог оказаться и человеком. Теперь понятно, почему с таким уважением скивы относились к животным. Притом настоящий это зверь или скив ее спутники различали сразу, и Хельга каждый раз этому удивлялась.

— Ничего, — подсмеивался над ней ведун Пересмысл, — и ты научишься, нас отличать.

Леса в землях скив совсем не такие, как в её родном мире. Да в них росли знакомые Ольге деревья, но вырастали они до исполинских высот. Вот уж воистину дремучие леса скивские.

Все больше Хельга осознавала, что от Оренбурга она не просто далеко, а очень далеко. Где же вы, русские леса, пусть и есть в них вековые сосны, но совершенно нормальные. Не такие огромные и ветвистые. И в начале лета поют совершенно нормальные соловьи и варакушки. Точно не оборотни.

Еду взяли с собой. А к концу пути остановились у поселка Барсуков и пополнили ее запасы. Для ночевки приставали к берегу Звенящей реки. Сооружали из непромокаемой ткани что-то вроде палаток: подпирали ткань кольями и на землю постилали сухую траву. Спали всем скопом, бок о бок. По одному или двоим сторожили. Девушкам парни миссию охраны лагеря не доверили. Впрочем, девушки не сильно расстроились.

К концу четвертого дня добрались до небольшого городка Приречье, серого и унылого, пропахшего сыростью и помоями с немощеными улочками и низенькими деревянными домиками. Хельга высадилась из лодки, осмотрелась по сторонам и немного поежилась. В городе можно было остановиться на ночлег или нанять телегу, чтобы от реки перевезти товар до Ярозера, на котором и появлялся славный град Китеж.

Все путники единогласно решили, что оставаться в Приречье надолго не станут, к тому же, до Ярозера всего день пути, а там можно и на берегу подождать. Лан торговался с хозяином речной пристани. Пузатеньким мужичком с пухлыми пальцами и коричневыми сальными кудрями. Тот грыз кедровые орехи и выплевывал мелкие красноватые скорлупки на сырые мостки причала. За его спиной, прямо на тех же мостках, торговали свежей рыбой несколько женщин. Толкался прибывший на пристань по реке люд.

— Послушайте, уважаемый, десять монет неплохая цена, — упрашивал Лан. — Ведь раньше, когда я торговал горшками мы сходились и на трех монетах. — Лан улыбнулся. — Что изменилось?

Толстяк вытер пальцы о засаленные бока длинной рубахи.

— Теперь товар-то другой, подороже, значит и цена другая, — он выплюнул на сырые мостки порцию ореховой скорлупы. Его красный нос облупился.

— Горшки и пара бочек? — уточнила Хельга, — Ничего не изменилось, уважаемый.

— Хе, не надо меня за идиота считать, а что в бочках-то везете? Вино? А вино дорого стоит.

— Какое вино, так лекарства. Мы тебе за постой платим, а не за товар, — хитро прищурилась юркая девушка и указала на Пересмысла, за спиной у которого переминалась с ноги на ногу живой и подозрительно улыбочивый Храбр и возвышавшийся над ним Сом. — Мы целители, везем лекарство в Китеж.

— Что, все целители?

— Да, мы, например, костоправы, — улыбался Сом, словно кот после порции валерианки, — Я мастер Сом. Э-э-э... — он обернулся и с удивлением обнаружил, что юркий Храбр куда-то пропал.

Толстопузый оказался не из робких.

— Таких костоправов я и здесь найду, — спокойно ответил он. — Только свистну.

Мужик долго упирался. Тот еще выискался прохвост. Но и Хельга спуску не давала и тоже упрячилась, не хуже местной ослицы:

— Ты что, сука, цены за постой такие заваливаешь. У тебя что пристань золотом вымощена?

— Пятнадцать монет! — заявил хозяин пристани.

— Ну ты и торгаш... — покраснела целительница и сжала кулаки.

— Двадцать пять. Или плывите туда, откуда приплыли!

Лан дернул Хельгу за руку, давая понять, что лучше больше не упираться.

— Хорошо, мы заплатим, — согласился он.

Храбр все это время крутился неподалеку от толстяка, гладил его мохнатого ослика, рассматривал рыбу у торговков

Получив от Лана кошель с деньгами, мужичок направился к ослику и гаркнул злобно на Храбра:

— Пшёл вон!

— Простите за неудобства, — надел на лицо лисью улыбку Храбр.

Толстяк поставил ногу в стремя, крикнул и попытался взобраться на ослика.

— Пшел вон! — снова рявкнул на него толстопузый и пришпорил осла.

— Ты еще в зад его поцелуй! — разозлилась на парня Хельга.

— Сколько он с вас взял? — спросил росомаха, проводив взглядом удалявшегося от них вдоль мостков хозяина пристани. Рожа у Храбра в этот момент была подозрительно довольная.

— Двадцать пять монет, за каждую лодку, — ответил ему Лан.

— Мда, ободрал вас по полной!

Парень хлопнул себя по боку. Раздался звон монет. И все увидели на его поясе довольно увесистый кошель, притом намного больше того, что отдали за лодки.

— Где-то убыло, где-то прибыло, — подмигнул плут и махнул Лану, — Пошли нанимать ослов и тележки.

Тележки с приозерскими осликами, что может быть лучше, для перевозки груза. Особенно такого хрупкого и ценного, как бутылки с самогоном. Выносливые, сильные животные с косматыми длинными ушами, которые не боялись оборотней и могли перевозить до пятисот килограмм.

Ослы перебирали копытами, поднимая облачка пыли на высохшей и потрескавшейся от жары дороге. Всего наняли три телеги. В одну сложили вещи из лодок, в две остальные товар.

Телега с вещами мерно покачивалась, подпрыгивала на выбоинах и кочках. Лан сидел спереди и управлял парочкой осликов, телеги связали гуськом. Девушки устроились на сиденьях телеги сзади. Храбр развалился у девушек почти в ногах. Прилег, положив голову на свой мешок с вещами и пересчитывал добычу. Монетки звякали и поблескивали в его ловких пальцах. На лице молодого плута сияла улыбка. Он отдал Лану все, что было уплачено за построй лодок и теперь пересчитывал остатки. А остатки, похоже, были очень недурными. Пересмысл устроился в следующей за ними телеге вместе с Сом. Сел на один из бочонков. Аин горлопанил песни в замыкающей третьей телеге.

Путешественники отделились от городка Заречье, миновали по дороге рощицу молодых деревьев и выехали на луг. Высокая трава колыхалась от жаркого ветра, ходила зелеными волнами. Пьянящий аромат трав наполнял легкие, теплый летний ветер трепал розовые волосы Хельги. Стрекотали кузнечики. вслед за телегой по пыльной колее бегали, покачивая длинными хвостиками желтые и белые трясогузки, ловко хватая потревоженных насекомых.

Сейчас волосы Хельги приобрели нежно-розовый оттенок, потому, как у их хозяйки было хорошее настроение.

— Красиво, — грустно произнесла она и глубоко вдохнула аромат трав. — Как мне нравятся полевые цветы.

Сом услышал её почесал свою светлую макушку, обернулся зверем и нырнул в зеленые волны ароматного разнотравья. Утоп в них минут на десять и потом выбежал впереди телег, которыми управлял Лан, с букетом ярких полевых цветов в зверинных лапах и протянул их Асе.

Ослы, завидев зверя, громко закричали Иа-а-а! и встал как вкопанные. Ведун Пересмысл чуть не свалился с бочонка, Аин заругался отборной гномьей бранью и пригрозил кулаком здоровенной росомахе.

— Романтик! — только и смогла сказать Хельга, рассматривая удивительный букет полевых цветов: пахнущий медом ивлин-чай, белоснежные с ярко-желтыми сердцевинами

ромашки, нежно-голубые васильки и ярко фиолетовые колокольчики.

Косматый, когтистый зверь стоял на задних лапах у телеги и протягивал Асе ароматный букет, выставив красный язык из пасти и иногда облизывая им черный, влажный нос.

Ася погладила мягкий, покрытый желтоватой пылью мех оборотня. Хельга в этот момент вспомнила о Лео.

Лео тоже дарил ей цветы. Дорогие сортовые розы. Много роз. Иногда до безобразия много! Она ворчала на парня и его расточительность и втихаря выбрасывала цветы на помойку или раздавала подругам и знакомым.

Телега продолжала стоять. Пересмысл сел на край и прикрыл голову от солнца найденным у дороги лопухом. Любил старик лопухи. Ася жадно смотрела на цветы в лапах Сома, Хельгу и улыбалась.

— Ты чего, Хельга!?! — заметила она влагу в уголках глаз целительницы.

— Цветы жалко, завянут, — ответила Хельга. — Мне теперь никто цветы дарит.

Она покосилась в сторону Храбра. Тот все так же с азартом пересчитывал блестящие желтые монетки, не обращая никакого внимания на пытливые взгляды девушки.

Росомаха, плюнула себе под лапы, снова обернулась в высоченного здоровяка со светлыми волосами.

— Надо поторапливаться, — Лан приставил ладонь ко лбу и посмотрел на небо. — Времени в обрез, вечер скоро.

Сом оставил цветы Асе и вернулся к телеге.

Проскочив луг, они погрузились во мрак исполинского леса. Хельга посмотрела на небо. Его почти не было видно среди ветвей сосен.

К вечеру путешественники добрались до Ярозера. Огромного, с прозрачной водой, несколькими отлогими песчаными берегами. Солнце незаметно скатилось к горизонту, окрасив его в алые цвета.

На берегу уже толпились люди и нелюди. Кого тут только не было. Кроме разнообразных оборотней, по песчаному берегу прохаживались огромные трехметровые орки, небольшими компаниями у костров сидели остроухие аслау. Народ похожий на эльфов, только с маленькими рожками на голове.

Темнокожие фаширазцы проверяли товар. Их торговые караваны, состояли из паланкинов. Среди южан встречались и рабы с ошейниками. Не очень приятное зрелище. Еще больше удивило Хельгу то, что Пересмысл утверждал, что эти рабы волшебники.

Все держались «своих». Так поступили и жители из Звериного полесья: устроились на ночлег рядом со знакомыми и соседями. Здесь их отыскалось немало. Развели очаг и почти до утра проговорили о славном городе Китеже. Старики вспоминали его, как самое яркое чудо из чудес, молодежь хорохорилась перед предстоящими праздничными обрядовыми играми и соревнованиями. Женщины готовились приобрести в Китеже разнообразные диковинные товары. Подростки с нетерпением ждали чуда появления города. Лан и Аин устроились на ночлег прямо в телеге с товаром. Храбр и Сом подкладывали дрова в общий костер. Ася слушала их рассказы и иногда смеялась.

Хельга сидела в стороне от всех и слушала разнообразные истории, рассматривала с некоторым удивлением других обитателей этого мира. Ну и дела, разве могла она себе представить, что все эти создания существуют на самом деле? Живут себе, здравствуют и не подозревают, что есть место, в котором о них слагают легенды, сказки или выдуманные истории. А вдруг некоторые из историй являлись правдой!

Рассвет не заставил себя долго ждать. Густой туман покрывал воды Ярозера. И только первые лучи солнца озарили землю, все ожидавшие на берегу оживились и стали готовиться к появлению чудо-города.

Туман медленно отступил, оголяя гладкую поверхность воды. Действительно, сейчас озеро стало похоже на огромное зеркало, в котором отражалась заря. Потом вода забурлила, словно вскипела, и из неё показался радужный купол.

На берегу началась суeta. Торговцы торопились занять очередь ко входу в город. Лан приготовился еще затемно и чутко стоял на стреме. Хельга и все ее спутники живо заняли места в телегах.

Город медленно со дна поднимался озера. Когда стены и постройки Китежа показались полностью над поверхностью воды, купол лопнул, словно мыльный пузырь и от острова с городом на берег перекинулся широкий мост.

Телеги и торговые караваны выстроились на мосту. Телеги Лана выстроили гуськом и сверху накрыли тканью от любопытных глаз, привязав ослов друг за другом. Гном Аин дремал во второй телеге под тканью.

Через широкие ворота они въехали в город Дома Китежа украшали деревянные кружева, а на широких улицах путник чувствовал себя уютно и одновременно празднично.

Лан направил телеги к рыночной площади. Навестил избу урядника, оплатил торговое место. И тут произошло то, чего никто не ожидал.

Лан увидел торговую лавку дворфов — гномов, которые населяли Акрум и в отличии от своих собратьев, полностью переселились на поверхность земли.

Гончар притормозил телеги, спрыгнул с сиденья и как зачарованный направился к лавке. Его встретил дворф, с пышными рыжими бакенбардами, на его крупной голове возвышался цилиндр. Сам механик и продавец одет был в жилет со множеством карманов и кожаный плащ, тоже со множеством карманов. Глаза наземного гнома прикрывали круглые очки на тесьме с набором увеличительных линз с правой стороны.

Крыша у лавки стала медленно открываться, пропуская солнечный свет на разнообразные механические вещицы: часы, музыкальные шкатулки, шарманки. Дворф капал из масленки на механизм, который отвечал за движение крыши.

— Опять скрипит, гайку мне в ухо, — ворчал торговец.

Лан подошел к нему, поздоровался и стал рассматривать часы.

Хельга, Храбр, Сом с Асей и Пересмысл устремились вслед за Ланом к лавке.

— Постой Лан, а как же «дело»? — спросила Хельга. Она знала Лана не очень давно, но его слабость к книгам и механизмам понимала прекрасно. Да и самой ей не терпелось взглянуть на удивительные механизмы.

Храбр с любопытством рассматривал ассортимент дворфа.

— Какой же кузнец, делает у вас такие штуковины, — поинтересовался он.

— Кузнец, хм, — с некоторой иронией посмотрел на него широкоплечий гном. Был он хоть и ниже ростом мастера по металлу из Зверинного полесья, но смотрел на него немного свысока. — Кузнец? Это тебе не плуг ковать, парень. Работа тонкая, почти как у ювелира. Мастера-механики это тебе не какие-то там кузнецы-самоучки.

— Самоучки, — рассердился Храбр. — Это я самоучка? Моя семья держит молот и клещи уже девять поколений!

Дворф не стал спорить и тут же нашел чем занять внимание парня.

— Мастер, говоришь, — загорелся казалось искренним интересом к Храбру торговец и

опустил на правом глаз линзу побольше. — Для мастеров у меня есть очки.

Дворф указал на прилавок в углу лавки. Там были разнообразные круглые очки, с желтыми, красными и синими стеклами. С наборами накладных линз, таких же, как у самого хозяина лавки.

— Самое главное, для нас, мастеров, защита глаз от искр — помпезно сказал наземный гном. — У нас все мастера такие носят.

Храбр хмыкнул и взял очки с синими стеклами и посмотрел сквозь них на свет.

— Берите с коричневыми линзами, самые лучшие. И так можно от солнца носить и работать.

Храбр примерял очки. Выглядел он в них как сварщик. Хельга не удержалась от улыбки.

— Баловство для городских, — оценил Сом.

— Таких ни у кого в Зверинном полесье нет, — подивилась Ася.

— Возьму! — согласился кузнец и достал мешочек с монетами.

Услышав звон монет, дворф оживился и снял с головы цилиндр.

— А если синие возьмете, то и зимой можно в метель ходить, — гном бросился перебирать товар. — И с линзами берите. Пригодятся, для мелкой работы. А вот эти желтые в серебряной оправе — можно как монокль использовать. Хорошо вдаль все видно... — торговец нахваливал товар и предлагал Храбру все померять.

Сначала от такого разнообразия у парня разбегались глаза. Он померял очки, спросил о каждом. В конце концов, купил пару. Одни для работы, вторые просто для красоты.

Лан осматривал часы и издавал восхищенные вопли. Особенно любовался карманными с серебряным корпусом и гравировкой. Но денег на такую дорогую покупку у гончара не имелось, от этого он громко и грустно вздыхал.

— Ничего, с первой выручки золотые купишь! — подержала его Хельга.

Пересмысл диковины рассматривал с некоторым недоверием. Хмурился, о чем-то под нос бранился. Хельгу товары дворфа забавляли. Но когда она вспомнила о цели их приезда в Китеж и обернулась, посмотреть на повозки, ее лицо моментально побледнело.

Их вещей и товара возле лавки не было.

— Лан, Лан, где телеги? — одернула она гончара за рукав осматриваясь по сторонам.

Если вы читаете и вам нравится — подпишитесь на авторов. Тогда продолжение не заставит себя ждать.:)

Не забываем ставить лайки и делать репосты и писать комментарии:)

Приглашаем пообщаться с авторами

Эдуард Поляков группа автора в контакте https://vk.com/game_books

Варвара Серебро группа автора в контакте <https://vk.com/club136977670>

Вся компания выбежала из лавки дворфа. Телег нигде не наблюдалось. Как будто и не было их никогда.

— Лан, ну как так-то? — только и смогла сказать Хельга.

— Телеги не монетка, сами не потеряются, — рассуждал Храбр. — Увели.

— Ну, если постараться, можно и целого мамонта спрятать, — не согласился с ним ведун Пересмысл.

— И дернул меня какой-то леший, зайти в эту лавку! — убивался Лан и хватался за голову.

— А еще говорят, что мы, женщины, любим побрякушки, — подковырнула гончара Ася.

Так, что же делать? — рассуждала Хельга, — Возвращаться обратно в Звериное полесье. Нет!

— Давайте поделимся и пойдем в разные стороны. Храбр прав, телеги так просто не спрячешь, — предположила целительница.

Так и поступили. Разделись парами и пошли искать. Сом с Асей, Пересмысл с Храбром, Хельга с Ланом.

К полудню в городе стояла жара. Хельга бродила на пару с Ланом, изнывая от жары. Они обошли почти каждый поворот и закоулочек восточной части базарной площади.

Найдем ли? — рассуждала Хельга. — Сом и Ася сейчас о другом думают. Сом парень добрый, но тупой, а сейчас, когда Ася рядом, особенно. Пересмысл с Храбром найдут скорее приключений на жопу, но не телеги. Каким богам молиться?

Люди и нелюди расслабленно сновали по улочкам Китежа, даже подозревая о печали, которая обуревала сейчас друзьями. Они добрались до сенного рынка, который примыкал к рыночной площади. И сели для отдыха на лавочку рядом с конской привязью.

— Пить хочется, — совсем раскис гончар. — Может телеги уже...

— Ты Лан сбегай за водой, а еще поищу. Как там говорится? Дорогу осилит идущий. — Не собиралась сдаваться целительница. — Нет, так просто я свои и твои труды отдавать не собираюсь. Давай шевели ногами, а я еще вон там гляну.

Лан помчался вылавливать водоноса, а Хельга решила заглянуть в довольно широкий переулок слева от рынка между домами. Если бы она увела телеги — точно бы там и припрятала.

Каково же было удивление, когда она заметила в начала переулочка знакомых ослов и три телеги покрытые тканью. У телег, расположенных гуськом, топтался человек в длинном плаще. Лицо вора от солнца прикрывал широкий капюшон. Жулик взял поводу осликов, запряженных в первую телегу.

— Стоять! Руки за голову, ноги на капот! — крикнула командным голосом Хельга.

Она рассчитывала, что ворюга испугается и оставит повозки в покое. Но тот увидев перед собой хрупкую и не слишком высокую девушку лишь посмеялся.

— Исчезни, женщина! — презрительно отмахнулся от человек в плаще сверкнув из складок сталью кинжала.

— Женщина? — разозлилась Хельга, ее волосы стали менять цвет. Она упрямо встала на пути у жулика. — Мне двадцать лет всего, ублюдок!

Услышав крики и ругань вокруг телег начала собираться толпа. Кто-то из торговцев

успел сбегать за городской стражей.

— Что за шум? Почему ты кричишь девица? — поинтересовался подоспевший страж, довольно внушительной внешности, может быть чуть менее здоровее Сома. Правда у этого и взгляд был поосознаннее.

— Это мои телеги! Мои. — заявила стражу Хельга. — Он вор и хамло.

Вор не испугался стражи, наверняка рассчитывал, что девушке никто не поверит.

— Какие у бабы могут быть телеги? — Повторил он. — Твои тут только сиськи, дура, а не телеги.

Толпа оценила шуточки вора и стала посмеиваться. По лицу стража, Хельга поняла, что он скорее хочет поверить вору, чем ей. Стало не по себе.

— Его телеги, пусть скажет, что в них! — потребовала она.

Мужик потянулся к ткани. Хельга схватила его за руку.

— Если он хозяин и так знает!

Человек в плаще снова усмехнулся, улыбка у него была хитрая не натуральная. Он играл свою роль и играл пока неплохо.

— Бутылки, бочки, склянки разные... — ответил поддельный хозяин телег.

— А что в бутылках и бочках? — не отставала девушка.

Вот тут-то мужик замялся, но потом нашелся.

— А тебя это не касается!

Теперь Хельга усмехнулась.

— Дубекар! — прокричала она боевой клич гномов.

— Дубекар!

На второй повозке ткань сначала заходила ходуном, потом затрещала, разрезаемая боевым гномьим топором и в прорез выскочил разъяренный гном Аин. Карие заспанные глаза его сверкали от ярости, всклоченная борода топорщилась. Воры не заметили, что под материей кто-то спал и увели телеги вместе с гномом впридачу.

— Дубекар, — отозвался бывший тан и стал искать, кого ему следовало порубить на куски.

Стражи оцетинились копьями. Подставной хозяин телег в одно мгновение куда-то испарился. Пока выясняли что да чему, вору успел далеко убежать. Гнома стражи расспросили, а потом оставили покое.

К этому времени подросли и остальная компания Хельги. Лан взялся пересчитывать бутылки и осматривать добро. Храбр и гном побежал вслед за бравыми стражами, которые теперь намеревались точно арестовать вора. Сом тяжело вздохнул, глянул на свою девушку.

— Догонят сами, — предугадала его намерения Ася. — Лучше помоги лавку обустроить.

— Верно, дела надо делать. — Подбодрил Пересмысл.

Путешественники забрали, наконец, телеги с товаром и отправились к арендованному торговому месту.

Место им досталось неплохое, почти что у самого входа на рынок. Когда сом и Лан стали разгружать телеги и раскладывать товар, сразу явились любопытные соседи-торговцы и стали интересоваться.

— Чем торгуете, ребята? Вином? — напрямую поинтересовался лисеватый мужик, что продавал не соленья в соседней лавке.

— А нет, не вином. — Распылялся Лан. — Мертвой водой.

Лысый оттянул губу и крякнул, как гусь. Хельга даже не поняла смеётся он или дивится.

— Чего? Какой водой?

— Мертвой водой.

— Ну-ну, — теперь точно посмеялся на них торговец соленьями. — Торгуйте.

Время близилось к полудню, а покупателей не находилось. Люди и нелюди интересовались, подходили, но потом любезно отказывались тратиться. Ведун, скучая, сидел на стуле возле лавки и грыз баранки, запивая их отваром из трав. Всю эту снедь старик приобрел в лавке, в которой торговали вареньем и разнообразной выпечкой. Отвар разливала по кружкам крупная розовощекая баба в платке. Сом и Ася отправились гулять по рынку и городу. Будущий невесте хотелось присмотреть и примерить наряд на свадьбу.

— И тишина... — рассуждала вслух Хельга, с некоторым недоумением рассматривая пустую лавку.

Лан морщился и с тоской смотрел на небо, рассчитывая по солнцу время:

— Лавка всего на три дня арендована, если торговля и дальше так пойдет... — расстраивался гончар.

Хельга встала у лавки и стала громко зазывать:

— Подходи народ, только три дня в Китеже продается целительная Мертвая вода. Подходите, покупайте.

Широкая трехметровая фигура орка закрыла гончару вид на небо. Орков в Китеж прибыло немного. Торговали зеленокожие ездовыми и тяговыми носорогами, поделками из кости и прочими редкостями из диких степей Мельхиор. Этот, похоже, являлся главным из их группы.

Не смотря на жару, на орке была одета отороченная мехом жилетка. На торчавших из пасти нижних клыках — золотые, инкрустированные гранатами кольца. Вместе с ним всюду следовали двое орков-воинов с богато украшенными саблями в рост человека и висевшими на поясах палицами. Цвет их кожи был не таким зеленым как у купца. Как объяснил потом Хельге ведун Пересмысл, цвет кожи орка, говорит о его принадлежности к определенной касте.

Например, эти воины были серокожими, то есть являлись воинами и охраной для более знатных собратьев.

— Что это за Мертвая вода такая? — громко прорычал орк. — Что она делает?

Лан при виде этой зеленой твари побледнел лицом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— В малых количествах лечит, а в больших и носорога свалит, — как-то очень нервно улыбнулась Хельга, в крови у неё ещё играл адреналин от недавней стычке с вором и нервы требовали выплеска эмоций.

Так что сейчас этот хамоватый зелёный орк, одетый как какой-нибудь кочевник, откровенно нарывался на пару ласковых.

— Для вас, маленьких человечков, вообще много не надо. Вы ведь не дикой крови, закаленной суровыми степными ветрами. Что с вас взять, для вас и один рог норкора* на дюжину разводить надо.

*(Норкор — сброженное носорожье молоко, являющееся слабым алкогольным напитком; Рог — мера жидких; сыпучих продуктов равная примерно 11,5 литра.)

Хельга не стала ничего доказывать поставила на прилавок маленький бочонок спирта.

— Рог — это, наверное, много, — подмигнула ему девушка с розовыми волосами. —

Больше чем этот бочонок?

— Больше, — усмехнулся орк. — Раза в три больше.

— А как зовут уважаемого? — голос Хельги приобрёл елеинно-ласковый тон, тот, который она сама до смерти не любила в людях и с таким обычно разговаривают торговцы, коими они сейчас и являлись.

— Батар, сын Бадмы, клан Арвай. — с гордостью голосе произнес орк, который был едва ли не в три раза выше девушки.

— Сначала мы выпьем по чуть-чуть из этого бочонка. Так ты убедишься, что у меня нет злого умысла тебя отравить. А потом, уважаемый Батар, я предлагаю тебе пари.

— Пари? — недоумённо произнес орк.

— Спор, к примеру... — девушка сделала лёгкую паузу притворяясь, что думает, какой бы спор предложить орку. На самом деле она всё давно уже придумала. — К примеру, что ты, Батар, сын Бадмы из клана Арвай, не сможешь выпить вот этот самый бочонок. Как ты сказал, он ведь маленький. В три раза меньше обычного рога, из которого пьют орки.

Тут в разговор вмешался маленький, и довольно шуплый, эммм....орк? Выглядел он слишком худым невысоким для представителей его расы. Облаченный в яркие одежды и не имевший оружие Если не считать за таковое бубен и колотушку, сделанную кажется из человеческой кости.

— Батар, не спорь с этой женщиной. Ты же знаешь, что все их женщины шулам*. Она обманывает тебя, притупляя твою бдительность своими сладкими, как отравленный мед речами.

*(Шулам — с наречия орков ведьма.)

— Молчи шаман. Батар никогда не боялся ни одной женщины. Тем более человеческих. Что ставить будешь красавица. — Орк будто плевал словами, так они были неестественны для него.

Хельга заметила на руках шамана глубокие порезы, края которых нездорово опухли и были покрыты желто-зеленой коркой засохшего гноя.

— Ставлю на спор весь спирт, а это больше двухсот литров.

— Сперт? — Орк снова коверкал незнакомые слова.

— Мертвую воду. — пояснила для не сильно сообразительного орка Хельга.

Услышав её слова, Лан сокрушенно выдохнул позади, однако, спорить не стал. Пересмысл, как обычно, лишь загадочно улыбнулся. Он знал больше многих и не всегда своими знаниями делился или высказывал. не зря есть одна мудрая поговорка «Молчание — золото».

— Юксэн усс*, говоришь. — Дивест литеров?

— Десять с лишним рогов. — Девушка ловко перевела в уме объём огненной воды в понятные для орка меру. — А что ты готов поставить, Батар сын Бадмы из клана Арвай, если так уверен в себе?

*(Юксэн усс — на орочьем наречии мертвая вода).

Орк призадумался. Любопытная толпа, окружившая лавку, тоже молчала, смотрела взглядами полными немого вопроса на представителя орочьего племени.

— Если выиграешь ты, выполню любую просьбу. Поверь, это не мало! — ответил зеленокожий.

— Лан, тащи бочонок. — махнула девушка гончару. Тот снова тяжело вздохнул и силясь поднял и притащил к орку, то что у него потребовали.

Батар легко открыл бочонок, взгромоздился на маленький для орочьего зада стул. Хельга поставила перед ним кружку на прилавок.

— Не все сразу — опасно. Вот кружками лучше.

Батар только хмфыкнул:

— Так и быть, давай кружками.

Батар стал пить глотками, как обычно пьют кумыс или некрепкое вино. Естественно глотку у него зажгло, но купец не сдавался. Слишком высоки были ставки.

Бочонок опустел не сразу, пришлось орку постараться и испытать своё терпение. Орк кряхтел, кашлял, морщился, притом рожа у него была такая, словно ему в глотку заливали огонь:

— Ядрено поило!

Хельга стояла рядом:

— Мертвая вода свалит и быка. — Девушка говорила эти слова громко, чтобы их услышало как можно больше людей.

Праздничный народ, который как раз в большом количестве прогуливался по торговой площади мимо лавок, останавливался посмотреть на то, как огромный орк на спор выпьет целый бочонок нового напитка.

Орк пил. Упорно глотал из кружки напитков и старался не морщиться.

Хельга заметила, как Лан с тревогой смотрит на Батара. Неужели придётся отдавать добро.

Купец хотел что-то сказать, но вдруг пошатнулся, подняв ногу, и упал со стула мордой прямо на мостовую. При этом полностью перегородил вход в лавку. Его охрана растерянно смотрела на хозяина и не знала как поступить.

— Вот! — ликовала розововолоса девушка. — Заберите его! — Обратилась она к сопровождению Батара.

Но по каким-то там обычаям или правилам, орки не могли без дозволения прикасаться к своему хозяину.

Спор и всё это представление возымело должный эффект. Храпевший орк служил приманкой для зевак и потенциальных покупателей. В лавку стали подтягиваться люди и нелюди. Им приходилось перешагивать прямо через зелёного знатного орка, который теперь храпел чуть ли не на всю торговую площадь. И своим храпом привлекал новых зевак и потенциальных покупателей.

— Мертвая вода, настойки целебные, от разных хворей и недугов, — рассказывал покупателям о товаре гончар и добывал полог плавки разнообразные в бутылке и склянки.

Никогда прежде Лан не улыбался настолько приветливо, как сейчас. Да, парень понимал, как важно быть вежливым к тем, кто, возможно, купит у тебя товар.

Не зря отчим Ольги говорил, что быть торгашом — это такой же талант, как, например, играть на скрипке. И это талант парень начал сейчас оттачивать.

Правда спиртом интересовались в основном мужчины.

— Лан, не плохо было бы привлечь не дам, — Обратилась к своему компаньону Хельга. — Что мы можем предложить им кроме настоек и лекарств?

Лан протянул своей подруге два маленьких глиняных пузырька.

— А может это попробовать? Благовония.

Целительница взяла пузырьки, открыла пробки, понюхала, ощутила нежный запах луговых цветов.

— А ничего пахнет. У нас это называется духами

Заметив у лавки двух любопытных молодых особ в пышных платьях, Лан чуть стушевался но все-же подошел к ним и очень сказал:

— Не желаете ли посмотреть благовония, — и пригласил в лавку. При этом они, как и все остальные покупатели, перешагнули через спящего прямо на мостовой зеленого орка.

Ведун наблюдал за серыми орками. Те обречённо и растеряно топтались около своего храпящего господина:

— Ваш хозяин теперь так до самого вечера пролежит. Возьмите да перенесите его подальше от прохода, по его клыкам уже мухи роем ползают. — Сочувствуя советовал старик.

Серокожие его слова словно пропустили мимо своих огромных ушей. Они и сами всё это понимали, однако, боялись притронуться без дозволения к телу своего господина.

Храбр и Аин вернулись в лавку ближе к обеду. лица и были в ссадинах. Храбр держал в одной руке разбитые новые очки.

— Допрыгались, — иронично посмеялась на них целительница.

Да, похоже, они всё же смогли найти воров и даже подраться. Хельга не знала как и реагировать на это, то ли смеяться, то ли сочувствовать: теперь эти двое сами выглядели как работники ножа и топора. Обработала их ссадины спиртом, на всякий случай.

Гном перенес дизенфекцию ран очень стойко. Храбр шипел сквозь зубы, как дикий кот, и хватал стал девушку запястье. Делал он это очень осторожно, даже с какой-то нежностью и не отводил взгляда от прекрасной целительницы.

Через полчаса забияки и думать перестали о всех своих ссадинах и теперь очень живо рассказывали о том как ловили по всему городу вора. И, как полагается, вор действовал не один.

К вечеру торговля наладилась. Особенно пользовались популярностью благовония Лана.

Храбр с Аином постоянно отвлекались от охраны лавки и денег. Гном добыл из своего достаточно вместительного кармана кости и начал играть с Храбром.

— Так, мало вам проблем, мужики. Хотите, чтобы снова товар сперли? — строго приструнила их Хельга.

Храбр нахально ухмыльнулся Хельге. А гном Аин, ворча что-то себе под нос, спрятал кости обратно в карман. Гном не мог позволить себе перечить той, кто осчастливила его спасением сыновей. Аин теперь ведь должник крови.

Духи закончились еще в первые три часа торговли, хоть и было их немалое количество и разнообразие. Лан проявил себя как хваткий торговец. Сначала дня духи стоили всего пять грошей, а через час цена их поднялась до двух золотых, а через два до целой серебрушки*.

(*Денежные единицы скивов 10 железных грошей = 1 железному куну; 1 железный кун = 1 золотому грошу(золотой); 1 золотой кун = 1 серебряному грошу (серебрушке))

Вечер опустился на землю неожиданно. За работой друзья не заметили, как солнце уже почти скрылось за деревянными смотровыми башнями Китежа. Пора бы уже и сворачивать торговлю и отдыхать. Да и поужинать Хельга тоже не отказалась бы.

А вот Лан, похоже простоял бы за прилавком до утра, пока не исчезнут с них последние бутылки и пузырьки.

К концу трудового дня, последние задержавшиеся посетители лавки были распуганы внезапно проснувшимся зеленым орком. Батар громко заревел, зашевелился.

— Шулам сироп... чөтгерийн охин* — простонал он, хватаясь за голову.

(*Шулам сироп... чөтгерийн охин — на оргском наречии Ведьмино зелье... дочь черта)

Хельга улыбнулась орку который все еще плохо стоял на ногах.

— Усс, усс...* — потребовал орк-купец у своих прислужников. Те, бросившись выполнять его просьбу незамедлительно, чуть не стукнулись лбами.

(*Усс — на наречии орков вода)

— Проспорил ты Батар, сын Бадмы из клана Арвай. А воду пить не стоит, от нее еще больше развезет, лучше чая или молока.

Орк поднялся с мостовой и отряхнул запыленный мех на жилете. Мелкий орк, тот что назвался шаманом, напомнил непредусмотрительно.

— Человеческие женщины — шулам!

— Именно! — Хельга всдернула бровку и хищно улыбнулась услышав упоминание о колдунье. — Так что Следи за языком маленький орк, а то пошепчу против солнца, и отсохнет у тебя то что ниже пояса и выше колен.

Орк-советник сразу прикусил язык и заторопился уйти, зачем-то прикрывая руками пах. Ну и что что Хельгу теперь считают колдуньей, зато относятся вполне серьезно. Пусть боятся, лишь бы уважали.

Вечером компания завалилась на постоялый двор Перегрызенный кнут. Вполне уютное и недорогое местечко и почти в центре Китежа. Публика заселялась вполне приличная. Внутри пахло луком и пирожками. Мимо них пробежала женщина в белом чистом фартуке и поинтересовалась не будут ли гости ужинать. Приветливая женщина, похоже сама хозяйка, за стойкой тут же заулыбалась и поздоровалась. И чуть ли не с порога оповестила торговцев, что о их благовониях теперь весь Китеж обсуждает. Надо же, — подумала Хельга, — похоже, путь к славе и процветанию лежит через желания женщин, понравиться мужчинам. Везде мы одинаковы!

Лан знал эту гостиницу хорошо и говорил, что в ней практически нет клопов, белье чистое и даже вполне сносная кухня — что еще надо путнику или торговцу.

Услышав упоминание о духах новоиспеченный торгаш печально призадумался о том, что в первый же день торговли духи закончились, а желающих купить их, даже за большую цену находилось предостаточно.

Остальные стали осматриваться в гостинице и высказывать Лану, а именно он всегда все организовывал, свои претензии на бытовые удобства. Аин просил выделить ему место потемнее и обязательно накормить супом с галушками, Храбр, звеня монетами в кошельке, спрашивал не играют ли в этом заведении в кости, ведуну, похоже было все равно, а Хельга хотела снять одну комнату.

Расплатившись за все, Лан о чем-то обстоятельно побеседовал с Пересмыслом и вскоре, сославшись на большую загруженность этой ночью, оба покинули постоялый двор.

Что эти двое задумали? — рассуждала про себя Хельга. Мысли и догадки в голову приходили разные, даже, иногда неприличные.

Пришлось всей честной компании ужинать без старика и гончара.

Храбр сел за стол прямо в своих новых очках. Да даже пока они все добирались в темноте до гостиницы в полутьме, парень упорно не желал их снимать, даже спотыкаясь без конца о булыжники мостовой.

Сейчас они ужинали втроем в гостинице постоялого двора. В камине алели угольки, свечи горели неярко, лишь слегка разгоняя тьму в зале. Храбр еле попадал ложкой в тарелку,

иногда приподнимал на переносице очки, чтобы рассмотреть, что плавало в похлебке из бараньих ребрышек и трухи.

Аин пил домашнее пиво, обтирая толстыми пальцами пену с усов и бороды. Хельга так оголодала, что почти не жуя глотала кашу с мясом. Блюда оказались давно остывшими, и хозяйка заявила, что разогревать не будет.

Друзья сильно устали от насыщенного дня и пережитых впечатлений и были настолько голодны, что никто и не заикался про такие блага цивилизации как тёплая пища. Тут их и подловили давно уже заселившиеся в постоялый двор Ася и Сом.

— Вот вы где, а мы уж и не надеялись дожждаться, — радостно сказала Ася. она держала своего жениха за руку. Сом стоял за ее спиной и тоже улыбался от того, что рад был встретить товарищей.

— Завтра ждем вас на состязаниях и отказы я не принимаю, — весело оповестил Сом.

Состязания женихов в Китеже — это важная часть обряда перед бракосочетанием с невестой и отказывать в приглашении одно, что нанести кровную обиду.

— Куда же мы денемся из подводной лодки, — пошутила Хельга. Правда ее шутку никто не понял. да и вообще эта новость весьма смутила ее. Насколько она помнила, родители Аси очень не хотели отдавать свою единственную дочь Сому.

— Мои родители согласились на брак и, хоть и запоздали, прибыли в Китеж. Кстати, Хельга, мама будет ночевать с нами в одной комнате. — сообщила радостно невеста. — Уже устраивается на ночлег.

Хельги ничего не ответила, но новость не принесла особого восторга. Но ради Аси можно немного и потерпеть.

Матушка Аси Лада оказалась довольно строгой. Хотя строгость эта скорее всего была напускной. женщина скорее являлась излишне дотошной. Хельге это сразу бросилось в глаза, как только она вошла в комнату. Женщина навела казарменный порядок, перезаправила кровати, даже цветы в глиняном горшке стояли ровно посередине подоконника, так, словно их местоположение вымеряли линейкой.

Ася была полна впечатлений и торопилась поделиться с мамой. Мама таяла от одних только мыслей увидеть доченьку в свадебном наряде. Так они и проговорили бы до самого утра, если бы Хельга не уснула, поудобней усевшись на свою кровать и облокотившись о стенку.

Лан не спал всю ночь. Потерял покой и плотно занялся изготовлением благовоний илил кк их называла Хельга духов. Вместе с Пересмыслом они готовили новые порции духов на продажу. Старик согласился помочь Лану ради эксперимента, а еще имел некоторый меркантильный интерес — процент с продажи.

Среди ночи парфюмеры завалились в дом давнего товарища Пересмысла, лекаря Дуба, мало того, что разбудили, дак еще спросили поработать в его лаборатории и отдать им все пустые пузырьки из-под лекарств.

— Что случилось? — раздраженно спросил Дуб выйдя на крыльцо в одной рубахе и протирая заспанные глаза. Жил уже не молодой лекарь рядом с местным лазаретом в двухэтажном уютном домике.

— Лаборатория до утра нужна. сдай в аренду, — нервно потребовал Пересмысл, даже не поздоровавшись с товарищем.

— У вас что, помешательство? Помутнение рассудка? — зло пробурчал лекарь и съежился.

— Мы заплатим и скидку сделаем на лекарства, — предложил Лан, которому не терпелось приступить к изготовлению духов.

Услышав про скидку на лекарства и плату Дуб смягчился. И надев на себя штаны и сапоги проводил Лана и Пересмысла к облупившимся дверям лечебницы. В некоторых окнах здания виднелся тусклый свет. Скорее всего около тяжелых больных дежурили сиделки. Лаборатория оказалась в небольшой комнатке.

Духи — товар выгодный во всех отношениях. Баночка пятьдесят миллилитров теперь стоила полновесную серебряшку, тогда как бутылка спирта, из которой получалось больше дюжины флакончиков, стоила чуть меньше золотого.

Дело было за малым замочить на ночь травы в теплом спирте и как можно чаще перемешивать настой, для более быстрого раскрытия аромата. Пришлось выкупить у лекаря и несколько мешков ароматных лечебных трав, отложить несколько бочек и попросил отдать все пустые пузырьки от лекарств на которых уже ранее были наклеены странные названия разных составов: Настой полуденницы, Язь-корень, Барсучья струя и много других неблагозвучных вещей. Все это напоминало набор ядов какой-нибудь ведьмы, а не на лекарства. Поэтому Лану пришлось в том числе сидеть всю ночь и отскрести ножом бумажки.

Утром Хельга заметила, что Лан выглядела так, словно неделю ехал в плацкарте вместе с цыганами и на верхней полке. Он было хотел прилечь отдохнуть перед торговлей, но друзья его обрадовали приглашением на массовый гуляния в честь предстоящего дня солнцестояния.

Торгаш, ей богу, торгаш! — усмехнулась Хельга, — Настоящий барыга. А ведь совсем недавно Лана интересовали только книги да горшки, которые он лепил дни на пролет

Сейчас ее друг даже держался как-то по-дворянски что ли. Походка уверенная, в глазах искра, а на лбу появлялась складка от активного мыслительного процесса.

Храбр и гном Аин явно собирались поразвлечься. Ася примеряла праздничный белоснежный сарафан с зеленой вышивкой по вороту. Ее матушка заботливо плела для дочери венки из свежих полевых цветов.

Ася волновалась перед состязаниями. Ходил из стороны в сторону около стойки постоянного двора.

— Да не волнуйтесь, вон он какой, разве не отстоит невесту? — подбадривала быстрая на язык хозяйка Перегрызенного кнута.

После завтрака вся честная компания отправилась к месту проведения соревнований между женихами. Найти это место оказалось совсем несложно. Народ целыми семьями съезжался на посмотреть на это зрелище, а кто-то и поучаствовать.

Место соревнований обустроили заранее. Сколотили деревянные трибуны на которых самые лучшие места были отведены старейшинам скивских родов, главам мастеровых гильдий и, конечно девушкам, ради которых и затеяны были все эти соревнования и игрища. Невесты переоделись в белые сарафаны, похожие на асин, с парадной вышивкой по вороту и венки из июньских полевых цветов.

Если вы читаете и вам нравится — подпишитесь на авторов. Тогда продолжение не заставит себя ждать.:)

Не забываем ставить лайки и делать репосты и писать комментарии:)

Приглашаем пообщаться с авторами

Эдуард Поляков группа автора в контакте https://vk.com/game_books

Варвара Серебро группа автора в контакте <https://vk.com/club136977670>

Место для игр возведено было всего за одну ночь.

Ничего себе, — подумала Хельга на берегу Ярозера насыпанный всего за одну ночь холм и трибуны с лоджиями. — Вот бы и у нас так быстро строить научились!

Для дорогих гостей и старейшин родов построили на верхних рядах что-то вроде ложи. Простой люди и небогатые гости города сидели на обычных лавках по всему периметру. Те, кому никакого места не досталось, собрались вокруг холма и наблюдали за всем действием стоя.

Народу пришло так много, что некуда было ступить. И все без конца передвигались с одной стороны в другую, ища более удобное для обзора место. Правый берег Ярозера, где насыпали холм, заполнился людьми до самой кромки воды.

Местные торговцы и торговки, ходили между людьми, проталкивались в самую гущу с удивительной ловкостью, продавали сладости из меда, засахаренные яблоки, калачи и пирожки.

Первое испытание для женихов называлось Царь горы. Невесты взошли на вершину холма и оттуда, звали своих женихов. А у подножия возвышенности готовились к штурму охранники невест. Старшие братья, дядья или, если девушка была сиротой, наемные бойцы, из числа городской стражи.

Мужики уже закатывали рукава и разминали кулаки перед дракой. Правила соревнования были простыми — достойный жених должен отбить свою возлюбленную у родни. Эта традиция уходила вглубь времен, и смысл ее был весьма прост: если будущий муж сможет одолеть преграду и отбить свою невесту — то кто как ни он достоин ее.

— Ну и толпень, — проворчала Хельга, когда их компания перешла китежский мост.

Сом и Ася покинули Постоялый двор раньше остальных, чтобы подготовиться к состязаниям. Родители молодых Лада и Боян, Аин в компании Храбра и конечно ведун Пересмысл.

Ничего, выкупим места и будем как люди сидеть, — с каким-то надменным тоном заявил Хельге Лан. — Что мы босяки какие!

Похоже, внезапно свалившееся на гончара богатство жгло ему ляжку. К тому же, парень испытывал эйфорию, предвкушая и дальнейшие неплохие продажи духов, и доход. А теперь решил «выпендриться» перед Хельгой, изображая местечкового барина. Да и попытаться добиться от нее некой благосклонности.

— Места, это хорошо, — нарочито громко одобрил Храбр и остальные с ним без колебаний согласились.

Лан весьма удивился тому, что и остальная компания тоже не захотелось стоять вместе с простым народом. И на лице у него отразилось растерянность и недоумение.

Ничего, Хельга ему это еще припомнит, ведь парень похоже забыл, что деньги на самом деле их общие.

Лан подхватил Хельгу под руку. Друзья все вместе прошли ближе к трибунам. Там дежурил юркий человек, напоминавший Хельге одесского бандита. Во всяком случае он постоянно шмыгал носом, смотрел исподлобья держа руки в карманах. Лан отсыпал ему серебрушек, с таким видом, будто покупал не лучшие места на ложе, а стул в харчевне. Сделал это бывший гончар так наигранно, что Хельга не удержалась от смеха.

Распорядитель мест радостно шмыгнул и кивнул страже охранявшей вход.

Места на ложе и в самом деле оказались лучшими. Вся их компания сразу привлекала внимание своими недорогой одеждой и диковатым видом. Остальные знатные покупатели мест седобородые и богато одетые мужички надменно посматривали в их сторону. Некоторые открыто посмеивались. Но похоже никого, кроме Хельги, это совсем не задевало.

Сейчас Лан задирает нос и пытался галантно и ненавязчиво ухаживать за Хельгой.

Места оказалось предостаточно. На просторной ложе находилось две дюжины резных деревянных стульев с бархатными подушками и круглыми столиками. По одному только желанию любого из тех, кто оплатил здесь места, на эти столики подавался квас, чистая вода и всевозможные закуски. Ох, наверное в копеечку встали эти места. Спросит потом Хельга с Лана за такие траты.

Гончар в самом деле чувствовал себя в не своей тарелке. Его щеки порозовели. Сам он суетился и мял край своей рубахи.

А вот ведун Пересмысл вел себя так, словно каждый день проводил в таком обществе. Приветственно кивнул сухому старику в серебряной маске в дальнем углу ложи, одетому вычурно бедные одежды. Если эти лохмотья вообще можно было назвать одеждой. Тот улыбнулся и кивнул ведуну в ответ. Затем, ведун отвлекся на беседу с довольно живым и упитанным дяденькой, который теребил его за холщовый рукав и оживленно что-то рассказывал.

Аин посмотрел на слишком высокий для него стул, сгреб расшитые золотом бархатные подушки с соседних, сложил стопкой и взобрался за них грязными сапожищами, чтобы взгромоздиться на слишком узкое для его зада сиденье. В этот момент выражения лиц тех, кто был поставлен сюда наполнять вином бокалы власть имущих, перекошились. Виночерпии пребывали в полной растерянности и шоке от поведения косматого обитателя подземелий.

Таким же пренебрежительным взглядом гнома смерили и родители Аси, но учтиво промолчали.

Храбр устроился на соседний с Хельгой стуле, развалился в нем по-домашнему и с некой издевкой посматривал на Лана, который сел от них с Хельгой подальше и старался изображать из себя выходца из высшего общества.

Когда Аину было предложено вино, он лишь презренно посмеялся на виночерпиев:

— Пива или наливки покрепче, — пренебрежительно потребовал он. — Чтобы гном пил эту кислую мочу. Хе!

— Мне того же, что и гному, — добавил Храбр и с издевкой глянул на прислужников сквозь свои желтоватые очки.

Вокруг холма собрались женихи и охранники невест.

— А вон и наш Сом, — заметил Храбр и опустил одну из линз, как раз ту, что могла заменить монокль.

— Где? — с любопытством всматривалась в даль Хельга.

— Возьми очки, — предложил ей парень и сняв их с головы протянул ей.

Хельга взяла очки и глянула сквозь линзу. Храбр склонился над ее ухом и притронулся к плечам. Его колючая щека коснулась ее гладкой кожи.

— Ну как, видно? — мягко спросил он.

У целительницы вдруг сперло дыхание. Она почувствовала как он прижался к ней, так, вроде случайно. Ощутила его крепкое и сильное тело и немного вспотела, хотя утро было не

очень жарким.

Интересно было бы за ним по подглядывать! Какой он...эээ — от этой шальной мысли девушка улыбнулась и громко прокашлялась.

— Видно, — твердо ответила Хельга.

Очки Храбра действительно помогли. Она все прекрасно теперь рассмотрела.

На фоне остальных женихов и охранников Сом выглядел, как взрослый в младшей ясельной группе. Парень возвышался над ними на целых две, а то и три головы. Жених Аси решительно смотрел на тех бедолаг, что по традиции собирались встать на его пути к его невесте.

Остальные женихи почувствовав мощь деревенского детины вились вокруг него и распределялись по периметру, чтобы найти лазейку во время его сокрушительной атаки.

Рассмотрев такую разницу в силе и весовой категории, организаторы праздника сняли одного из защитников девушек. А через пару минут это место занял другой боец. Выглядел он крупнее остальных, но все же не дотягивал до размеров Сома. Да и чувствовалось, что это не просто какой-то там мужик из ближайшего поселка, а настоящий воин. И он чуть ли не смеялся над такой разницей в силе с противником.

— Похоже не все так гладко, — с сомнением подметила Хельга.

— Дай глянуть! — просил с нетерпением Храбр очки.

Отстань, — огрызнулась на него целительница и дернула плечом отстраняясь от приставучего и нетерпеливого парня. Уж очень хотелось все рассмотреть в подробностях.

— Не зря тебя орк ведьмой назвал. Дай, кому говорят! Дай посмотреть! — начал выхватывать свои очки росомаха.

Хельга сразу почувствовала как мышцы под курткой парня напряглись и стали твердыми как камень, сколько в нем дикой силищи. Жаль, что не всегда хватало тормозов.

— Тебе не дам, — съязвила симпатичная целительница.

Храбр зарычал сквозь сжатые зубы, но отступился на время. Она снова посмотрела вниз на столпившихся у холма женихов.

Обычно такие мероприятия, как поведал Пересмысл, носили скорее ритуальный характер, ну поборются парни, померятся силой. А иногда, если женихи не в силах прорваться сквозь ровные ряды охранявших и поддадутся. Никто не собирался стоять на пути счастья молодых.

Звук рога пронесся над поляной и его подхватила ликующая толпа. Женихи сгруппировались и двинулись к земляному валу. Но родственники невест не собирались так просто отдавать девушек.

Сом не собирался осторожничать и рванул вверх по крутому склону. Остальные парни пристроились за ним и закатали рукава рубах желая внести свой вклад в победу и намять на память бока своим будущим родственникам. Больше случая угостить тумачами кого-то из родни невесты и при этом не нажать врага, может не представится. Да и хотелось померяться силой молодым парням.

Команда удалцов, которые защищали невест, тоже приготовилась встретить подбирившихся к ним женихов. Сом пер как бульдозер. Когда до противников осталось метра три по крутому склону, над головами бегущих впереди пролетел чей-то силуэт. Им оказался тот самый страж, которого поставили, чтобы уравнивать шансы. Облаченный в кожаную броню воин оттолкнулся от плеч стоявших впереди и прыгнул на Сома, сгруппировавшись «бомбочкой». Сильные ноги с гулом ударились в широкую грудь парня.

Жених потерял равновесие и повалился на спину.

Все кто был позади него разлетелись в стороны и кубарем покатались вниз по земляному валу. Толпа зашумела, не ожидая такого отпора от защитников. Всего воин-удалец смог отбить атаку одним ловким прыжком. Досталось и ему самому. Приземлившись на жесткую земляную насыпь, он ударился локтем и теперь держался за него. Но смог подняться на ноги и скрыться в строю защитников. Которые, одобряя, хлопали его по плечу.

Сом поднялся на ноги и теперь двинулся напролом еще упорнее, исподлобья глядя толпу разлетевшихся от него защитников. А вот остальные женихи, после сокрушительной атаки, поднимались не так быстро. Некоторые получили не только шишки, но и переломы. Но сдаваться не собирались и держались позади.

Сом не привык проигрывать в кулачном бое. То, что кто-то сбил его с ног, он расценил как личную обиду, а за это кому-то придется расплатиться. И судя по сжатым до побеления костяшек кулакам, богатырь из рода росомах больше не будет никого жалеть или сдерживаться.

Когда до ровного строя осталось метра четыре, он встал на четвереньки и начал помогать себе руками, не отводя взгляда от напрягшихся защитников. На этот раз никто не стал выпрыгивать из строя, пытаясь сбить его второй раз. Видимо тот воин понял, что дважды такой трюк не пройдет.

Сом немного замедлился и теперь его смогли догнать остальные женихи. А это значительная прибавка. Парни рассредоточились по склону, ища брешь в обороне. Один ловкий звериный рывок вперед и в руках Сома оказался ближайший, не успевший отскочить защитник. Другие всем скопом бросились на Сома. Парню ничего не оставалось, как только одной рукой отбиваться от града ударов и при этом стараться удержаться на склоне.

Увлечшись потасовкой, защитники упустили несколько парней и те прорвав первую линию обороны, помчались к следующему строю и уже вовсю дрались там. Четверо человек пытались сбросить Сома со склона, но казалось он врос в него словно дерево корнями.

Кувыряясь и матерясь на скивском, со склона летели защитники и женихи. В основном конечно женихи падали из-за того, что им посчастливилось встретиться с тем бравым легионером, которого поставили в строй защитников в последний момент перед боем. Ловкий и жилистый боец казался был, самой главной преградой для штурмующих. Остальные защитники скорее пришли сюда для массовки.

Воспользовавшись хаосом и предоставленным преимуществом, Сом умудрился схватить за ноги стоявших над ним защитников и словно мешки с зерном, стащить их по крутому склону, отправив в кратковременный полет с холма.

Те кто пытался не отдавать невест, не выстояли перед Сомом. Вернее сказать, выстоял только один. Тот легионер, вытирая разбитую губу и свернутый набок нос, стоял намертво, озираясь взглядом хищника на подступающих к нему, но не решающихся напасть женихов. Парней было шестеро на его одного, но признавать своё поражение он не собирался.

Не в традициях скивов бить всемером одного, поэтому парни отошли благоразумно, уступив право поединка богатырю из селения росомах. Такое решение принято было без слов. Когда Сом шагнул вперед, вытирая об грязную испачканную рубаху содранные до крови ногти, которыми он цеплялся за покатый склон.

Все было уже решено, женихи победили, как того и следовало ожидать. Невесты бросились к ним, чтобы осмотреть раны и обнять. Нерешенным остался лишь один вопрос — кто выиграет в поединке?

Легионеру у защитников следовало бы отступить и признать, что парни достойны и могут за себя и своих невест. Но нет, этот сдаваться просто так не собирался. Неведомо почему, он твердо решил биться с Сомом до конца. Ну а росомахе не позволяла отступить уязвленная гордость.

За свою жизнь Сом не помнил такого, чтобы кто-то не то что победить, а просто мог его свалить его с ног. Никого, кроме отца, но и то лишь потому, что на отца он не мог поднять руки, как бы тот его не охаживал его с самого детства коромыслом или широким ремнем.

Хельга не отрывала взгляда от сражения. Храбр все еще ругался и пытался отобрать у неё свои очки.

— Лан, тебе не кажется, что Сом может и проиграть? — спросила она гончара. Ответа не последовало.

Повернувшись к сидевшему неподалеку другу, она заметила, как тот уснул, пригревшись на летнем солнце обнимая подушки. С его губы прямо на золотую вышивку бархатных подушек тянулась вязкая и прозрачная ниточка слюны. Девушка улыбнулась, парень не спал всю ночь и его просто разморило.

— Не мешай, Пусть поспит, — сказал ей сидящий рядом с Ланом Пересмысл.

Желание отомстить Лану у Хельги было велико, но по просьбе старика, она отложила его на потом. И снова вернулась к созерцанию поединка и поеданию засахаренных яблок.

Асю силком отвели в сторону, освобождая пощаду на холме для красивого боя. Сейчас решится дилемма, кто может именовать себя истинным «царем горы».

Сом могуч и крепок, словно медведь в самой поре, а его противник ловок и быстр, словно дикая рысь. Даже глаза ярко-желтого цвета. Оба бойца пострадали в предыдущих схватках. У Сома был разодран в кровь локоть и кровили содранные ногти. А на груди, сквозь разодранную рубаху, виднелись лиловые синяки. У легионера был неестественно свернут набок нос, рассечена губа и бровь.

Сом встряхнул руки и начал наступать. Его противник пошел к нему на встречу крадущимися шагами кошки. А дальше, рывком сократил дистанцию и попытался схватить неприятеля, но того в одно мгновение не оказалось на месте. Атлетичный боец одним резким рывком ушел за спину, а затем ударил под колено локтем. Сом зашипел от боли и упал, загребая руками воздух там, где находился неприятель. Но того снова уже не было.

Его противник, боец в кожаной броне, украшенной стальными накладками, уже стоял с другой стороны, а через мгновение пнул в плечо, потерявшего равновесие жениха Аси. Сом не упал только благодаря тому, что успел подставить под удар мускулистую руку.

Бой прибавлял обороты. Все выглядело так же как в старинной притче про Давида и Голиафа. только вот с одним отличием. Голиаф был из рода росомах и хоть и стоял на одном колене и опирался одной рукой о землю, второй успел ухватить за пояс верткого и ловкого противника. И этого оказалось достаточно. Юркий, как черт, но все же зажатый в стальную хватку боец старался разжать и вывернуть пальцы Сома. Богатырь из Звериного полесья разминал ушибленную ногу, не обращая внимания на град ударов по своей руке.

Наконец твердо встав на обе ноги, Сом медленно, отвел кулак, больше походивший на молот и что было сил ударил в грудь своего оппонента.

Локач проиграл еще в тот самый момент, когда позволил Сому схватить себя и сейчас открывал рот, пытаясь вдохнуть обратно выбитый из легких воздух стоя на четвереньках.

Но Сому этого показалось недостаточно. Схватив за шиворот и штаны своего обидчика, он спустил его с горы.

Упав в начале штурма с холма Сом потом сильно припадал на одно колено и прикладывал руку к груди. Он улыбался Асе и ликующей толпе.

Тут же на площадку был вынесен стул для победителя, которым он пренебрег и уселся прямо на сырую и прохладную землю. Ликующие люди подходили и хлопали храбреца по спине. Тот морщился и иногда улыбался своей искренней и глуповатой улыбкой.

Хельга сняла очки вернула их наконец Храбру. Краем глаза она заметила, как тот богато одетый старик, что очень живо беседовал с ведуним Пересмыслом, сейчас выговаривал что-то к поверженному и сидевшему у подножия холма противнику Сома. При этом он совсем не смущался смотревшей на него толпы и сильно жестикулировал, явно выражая свое недовольство. Вот только почему, не понятно. Мужик бился достойно, не смотря на проигрыш. и если бы не счастливый случай, наверняка победил бы росомаху.

Хельга бесцеремонно ткнула локтем спавшего Лана. Тот встрепенулся, открыл глаза и вытер вязкую ниточку слюны, которая дотянулась до самых бархатных подушек.

— Просыпайся, Спящая красавица. Тут твой друг победил, а ты как бульдог все подушки обслюнявил. — сейчас Хельга наслаждалась насмешкой над парнем.

— Да я это... — замялся парень, а потом, осмотревшись, увидел изрядно помятого Сома и повернулся к Хельге. — а кто его так сильно? Ты главное не говори им что я всё проспал. Сом мне этого не забудет?

В его голосе чувствовалось разочарование и некоторая опаска. Видимо вспомнились Лану старые детские обиды.

Аин спрыгнули со стула, прошелся по бархатным подушкам грязными сапогами и направился к выходу из лоджии. За ним следом лоджию покинула и вся остальная компания. Богачи и знатные особы проводили их надменными взглядами, но сейчас это было не важно. Главное приободрить и поздравить с такой тяжелой, но от этого радостной победой молодых.

Подойти к Сому оказалось не так просто. Обступившая его толпа не давала подобраться к нему ближе. Несколько тысяч скивов болели всей душой за простого парня из селения росомах. И теперь горели желанием пожать ему руку, похлопать по плечу и просто сказать пару теплых слов. И при этом всем было абсолютно плевать, на то, что сейчас в первую очередь именно друзья хотят справиться о его самочувствии.

Друзьям помогла Ася и ее семья. Девушка разыскала в толпе мать и отца, подозвала их. и такое толпа не могла проигнорировать и расступилась, способствуя воссоединению семьи. Друзья вместе с родителями тоже добрались до будущих молодоженов.

Когда подошли к парню, то увидели, что он не просто сидел на земле, а на резном стуле с кружкой пива в руке и невестой на коленях. Притом вид у Сома был весьма потрепанный.

Прошло еще больше получаса прежде чем гости столицы и китежане отпустили от себя молодого героя отдохнуть и попарится в бане. Лан забыл о торговле и вместе с Сомом и гномом отправился в гостиницу и баню.

Хельгу остановил Пересмысл, взяв за локоток порушив ее планы на хорошую пирушку:

— Не нужно девице с мужиками задницу парить. Да и в город ты приехала не пировать, а уму учиться и великому мастерству.

— Ну, да.

Целительница разочарованно поморщилась, но про себя признала, что все же старик прав.

Сначала девушка и старик направились в одну сторону с остальными. А на полпути

повернули на неширокую улочку. Идти пришлось долго, около получаса. Блуждая по праздничному городу, они прошли несколько площадей, на которых шла такая же бурная торговля, как и на той, на которой арендовал лавку Лан.

Наконец, повернули на широкую чистую улицу, которая упиралась в площадь на которой стоял трехэтажный серый особняк. Здесь не было торговых рядов или лавочников. Да и этот дом выглядел весьма уныло, без излишних украшений.

Тюрьма краше! — подумала Хельга, осматривая серые стены.

Она почти угадала. Оказалось, это был местный хоспис. Место, куда приносили умирать неизлечимо больных или тяжелораненых. Иногда люди приходили сюда сами. По крайней мере так пояснил старик.

И целительница не усомнилась в словах ведуна ни на секунду. Она и сама почувствовала, насколько тяжела была аура у этого здания. Здесь в этом месте уходила жизнь из бранных тел. Почувствовала она и то, что будто это самое место само по себе высасывает энергию жизни. Суровый и гнетущий вид этого места отпугивал и простых прохожих, заставляя обходить это нехорошее место стороной, желательно по соседним улицам.

Пересмысл попросил девушку подождать, а сам направился к деревянным воротам со ржавыми скобами в форме драконов и постучал в них медным молотком, который висел перед входом вместо звонка.

Ответа не было несколько минут. Пересмысл ждал некоторое время и при этом его густые брови удивленно приподнялись.

— Может не слышит?

Хельга уже подумала отговорить старика идти в это здание. Но возмущаться открыто вслух от такого довольно долгого ожидания не посмела. Её в этот момент словно что-то остановило.

Наконец тяжелая дверь слегка приоткрылась и к ним навстречу вышел совсем еще молодой парень в таких же одеждах, которые она видела на человеке, который сидел в ложе для знатных особ и с которым спешил закончить беседу полный богато одетый горожанин.

Вернее, это были лохмотья, серые, как и само здание. Половину лица парня прикрывала серебряная маска, из-под которой видно было только его зеленые глаза.

— Мы к орнату Гефею, — произнес Старик. юноша поклонился ему и снова запер дверь.

— Чего он странный какой? Дедушка, а кто это? — спросила целительница.

Он прокаженный. В Ордене Красной орхидеи большинство таких.

— Что, и твой друг?

— И он тоже.

Налет гордости и спеси слетел с Хельги, обнажив скрытую личину кроткой девушки. Она бы и сама удивилась такому преображению, но мысли ее были заняты другим.

— Орнат, это тот, кто заведует этим заведением и только он может прервать муки неизлечимо больных. — пояснил старик роль и сан человека к которому они пришли.

— Эвтаназия? — переспросила девушка не поверив своим ушам. Она приложила ладонь к губам, — Ноготь врач, когда такое позволяет? — Хельга не критиковала, ей просто было немыслимо, что тот, кто по идее должен спасать, наоборот обрывает жизни своих пациентов.

— Если так ты называешь убийство из милосердия, то да. Разве заслуживает

неизлечимо больной диких страданий и предсмертной агонии? Не лучше ли подарить ему быструю и легкую смерть, не обрекая на долгие часы или дни беспросветных мук? — старик поджал и без того тонкие губы, видимо этот разговор доставлял ему никакого удовольствия, как и у Хельги.

— Просто у нас не принято делать так, нас самого начала учат бороться до конца за жизнь каждого пациента.

— Даже когда шансов на его выздоровление нет? — старик приподнял бровь.

— Даже когда шансов нет, — кивнула Хельга.

— Глупое учение и жестокое, — сделал вывод старик, но Хельга не собиралась с ним спорить, по крайней мере не сейчас.

Ворота снова приоткрылись и теперь к ним вышел тот же старик, которого девушка видела в ложе для богатых и знатных особ во время соревнования женихов. Она узнала его по еще более чем у Пересмысла кустистым бровям и большим старческим пятнам на той половине лица, которая не была прикрыта серебряной маской.

— Гифей, мы к тебе. Не устроишь ли мне и моей ученицы экскурсию по твоей обители. — Произнес ведун как-то очень грустно, словно произносил последние слова на чьих-то похоронах.

— А мы знакомы? Простите старика не узнаю сослепу.

— Право Гифей, я не заглядывал уже сколько? десять зим или пятнадцать? И вот итог: ты не узнал старого друга! Да я не один а с ученицей?

— Ну заходи, старый друг.

Хозяин заведения произнес эти слова с усмешкой хоть и его губы были скрыты за металлической маской. При этом он поступил в сторону пропуская внутрь неожиданных гостей.

— Странно, проказа поражает тело, но не мозги, — прошептал Пересмысл Хельге, пока они шли следом за стариком по коридору.

Комнат в сером здании было много и в каждой по семь или восемь коек. Больных делили по симптомам и тяжести болезни. Здесь не было того праздничного настроения, царившего повсеместно в городе. Здесь смерть была не гостьей, а полноправной хозяйкой. На окнах некоторых комнат стояли решетки. В коридорах слышался надрывный кашель, хрипы, стенания от переносимых неизлечимо больными мук.

Экскурсия проходила безмолвно. Они периодически останавливались у палат и Гифей озвучивал диагноз. Лихорадка, опухоли, сумасшествие, неизлечимые раны и многое другое. На койках лежали разные люди. Старики, женщины, юные девушки и совсем несмышленные дети. Все они ждали своей кончины. Тошнотворный запах смерти пропитал стены.

— Я хочу уйти, — Хельга произнесла это старику только сейчас, заметив что сжимает его теплую старческую руку до боли.

— Хорошо, — ответил ведун таким же шепотом, почти заглушаемом истошным кашлем из ближайшей палаты. — Гифей ты извинишь нас за столь краткий визит? — произнес старик своему знакомому.

Хозяин серого особняка не стал возражать. Ему прекрасно была знакома реакция посетителей впервые перешагнувших порог этого дома, пропитанного болью и отчаяньем. И хельга была благодарна ему за то, что он не стал размениваться словами, считая их бесполезными.

— Вот, — Пересмысл протянул хозяину серого дома корзинку накрытую сверху

простенький платком.

— Что это? — спросил с удивлением старый и полуслепой хозяин и посмотрел на своего друга.

— Лекарство, здесь всех которые есть по одному флакончику. — пояснил Пересмысл.

— Ты разве не знаешь зачем люди приходят в этот дом? — хозяин не спешил брать подарок.

— Знаю. В любом случае, хуже не будет. Странно, что ты отказываешься от подарка.

— Не отказываюсь! — неизвестный Хельге друг ведуна сразу протянул сухую и покрытую старческими пятнами руку к корзине.

— Ну тогда держи, вот это настойка календулы от гнойников в горле, настойка полыни от разных кожных воспалений и заразы, настойка из цветков сирени от гнойных ран, а, настойка любистка от почек помогает и водянки. Много разных составов. Спасибо, за то, что показал нам свою обитель.

Хозяин взял подаренные спиртовые настойки и заглянул в корзину. Даже спасибо сказать не успел, как Хельга почти бегом бросилась к выходу из серого дома.

Обратная дорога до гостиницы показалась очень быстрой. Стоны тяжелобольных и умирающих людей все не выходили из головы и в носу долго стоял тяжелый дух этого места. Девушка наслаждалась теперь дуновением легкого летнего ветерка, проносившегося по запыленным улицам Китежа.

Они вошли внутрь постоялого двора. Здесь царила атмосфера праздника. Пахло пивом и жареными домашними колбасками, хохот постояльцев, которые обедали в зале. Столы в честь праздника составили в длинный ряд и прикатали целый бочонок пива. И насколько Хельге сейчас все это показалось отвратительным. Ведь не так далеко отсюда доживают в муках свои последние мгновения жизни больные люди.

Хельга уселась за стол и отобрала у раскачивающегося на стуле от хохота Лана кружку. Старик не стал садиться за стол. Проследовал наверх в свою комнату.

Целительница была благодарна ему, что он не рассказал остальным о их неприятном приключении. И не пытался ее успокоить или отвлечь. Хотя отвлечься ей сейчас бы ой как не помешало.

В этом ей помогли присутствующие в зале товарищи. Во главе длинного стола восседал сам хозяин заведения. Его супруга и другие девушки, прислуживающие здесь, разливали пиво и разносили угощения.

Хозяин рассказывал занятную историю о названии своего заведения Перегрызенный кнут Кнут и в самом деле висел на стене над стойкой приделанный на лакированную дощечку.

История увлекла Хельгу, которой сейчас отчаянно хотелось выпить.

— Много лет назад это заведение принадлежало моему покойному батюшке, пусть земля ему будет... кх-кх, — подавился пивом полупьяный хозяин и утер красноватый нос. — И была здесь только корчма, без постоя. В дверь вошел молодой человек. Но хоть и был он молод, в волосах у него белела седина, а лицо во множестве шрамов. И пришел он сюда не просто поесть или надраться винища в усмерть.

— Как же, надерешься твоим винищем, — рассмеялся Аин. — Ты, собака, его разбавляешь!

Слушавшие рассказ хозяина постояльцы зашикали на бородоча, который устроился намеренно поближе к бочонку с пивом.

— Пришел этот мужик за работой, — расхохотался зачинщик истории. — Вот только какая работа для того, кто выглядит, как висельник?

— Людей пугать! — захохотал вместе с ним Храбр.

— Почти так и было. Взял его батюшка мой вышибалой. И у этого гостя была черная летучая мышь, которая не летала и все время у хозяина на плече сидела. Вот только место вышибалы уже занято было. Увы. Поэтому, чтобы работу получить, отец поставил задчу этому висельнику его победить. Доказать, что он достоин этого места. — хозяин многозначительно выдержал паузу и отпил из кружки пива.

Хельга себе тоже наполнила кружку.

— И что дальше-то? — не удержался и спросил полупьяный Лан.

Хозяин снова обтер красный нос и усы от пивной пены и продолжил:

— Бой закончился, так и не успев толком начаться.

Аин чуть не захлебнулся пивом и толкнул Храбра в бок. Тот улыбнулся и посмотрел блестящими от похмелья желтыми глазами на красивую целительницу с розовыми волосами.

— Гости не успели даже устроиться поудобнее, чтобы посмотреть на хорошую драку. А прежний охранник заведения уже лежал мордой в пол, придавленный сапогом нового вышибалы. С тех пор два месяца к ряду ходили к нам каждый день люди и хотели выгнать из кабака нового вышибалу. Вот только ни у кого этого не выходило. Парень оказался крут, как склоны гор, где живут аслау, — хозяин снова преднамеренно выдержал паузу и теперь вгрызлся желтоватыми зубами в запеченную с чесноком ножку барашка.

— И что, дальше-то что с этим висельником произошло? — на этот раз не вытерпел Храбр.

— Что-что, — проглотив кусок баранины продолжил мужик. — У одного из таких ходяков был с собой вот этот самый кнут. Хозяин кнута, как полагается, получил тумачков от вышибалы. Кнут вышибала отобрал. А его, эта, мышь набросилась на это орудие надсмотрщиков и тюремщиков. И долго грызла мелкими зубами грубую кожу каната, пока не перегрыз напололам. Видимо у зверька и его хозяина были непростые отношения с теми, кто, кто носил вот такие кнуты. Ну это лишь догадки... Кто его знает?

— Вранье! — отмахнулся Аин. Его борода уже изрядно вымокла в пиве. — Мышь — кнут перегрызла! Вранье!

— Вранье, не вранье, а кнут вот он висит, и люди эту историю помнят. Закончив свои дела, этот парень, говорят он был из рода Серых псов, ушел вместе со своей мышью. И никто его более не видел. А отец мой, пусть земля ему будет...кх-кх, решил переименовать заведение в Перегрызенный кнут. Какое название раньше было — пес его знает!. — Хозяин снова гордо указал на кнут над стойкой, что являлся многие года символом заведения.

— Чего-то знакомая история? — на душе у Хельги потеплело.

Рассказ отвлекла ее от скверных мыслей, настолько хорошим рассказчиком был хозяин постоянного двора. Потом он извинялся перед Сомом за вчерашние слова, когда им не захотели разогреть еду. Слух о том, что сегодняшний герой дня остановился в его корчме, Хельга была уверена, уже разнятся по всем улочкам приглашаю зевак посмотреть на силача, а заодно и потратить свои кровные в заведении хозяина.

— А если будешь платить герою серебряный кун в день, — вмешался в их разговор Храбр и хитро подмигнул Асе, которая сидела рядом с женихом и не отходила не на шаг, — То он будет меряться силой на руках с любым гостем заведения. Представь, какая выгода и известность для заведения.

Кочмарь запустил пятерню в бороду, обдумывая предложение. Уж он свою выгоду не упустит. Но все же Храбр цену излишне заломил. За серебряный кун пусть не коня, но быка купить можно точно. Хоть даже не взрослого, а маленького трехмесячного. Идея хозяину понравилась, осталось договориться о цене. И он знал, что лучше договариваться не с Храбром а с более простым Сомом. Так и сошлись на трех серебрушках, но даже эта цена была не малой, но кочмарь не стал дальше сбивать цену, боясь потерять столь выгодное предложение.

Лан тоже подсуетился и нашел в этом заведении и свою выгоду. Предложил закрепить успех друзей новым напитком, а именно «Мертвой водой». А чтобы хозяин убедился в том, что это не кисленький компотик, принес и с шумом поставил на стол пятилитровый бочонок из запасов.

Началась дегустация нового напитка, долгая и вдумчивая. Дегустаторами стали Сом, Храбр, Лан, который не вписывался в эту компанию, но был инициатором и конечно хозяин заведения с двумя сыновьями.

Хельга плюнула на все приличия и пила вместе с мужиками, правда не крепкий спирт, а вино. Она почти отпустила от себя все негативные чувства. Целительница жалела тех бедолаг из серого особняка и в то же время признавалась себе, что ничем не могла здесь помочь. И от этого своего бездействия ей становилось невыносимо противно.

Дегустация «Мертвой воды» со временем переросла в банальную пьянку. Кормач уже давно обнимал почти пустой бочонок и что-то шептал во сне. Жена кормача бросала суровые взгляды на своего мужа и компанию, однако вмешиваться не спешила. А вот парни сейчас во всю обсуждали свою жизнь. Вспоминали старые обиды и строили планы на будущее. Именно так, как это делали люди в подпитии в том мире, откуда прибыла сюда Хельга.

Ася появилась в середине вечера. Пришла из своей комнаты, проведать, чем занимался Сом. И увидев своего изрядно пьяного жениха, уперла руки в боки, смерила его суровым взглядом. Тот виновато улыбнулся и хотел было пригласить девушку к ним в компанию. Но она схватила богатыря за ухо и поволокла за собой в комнату отсыпаться.

— Ишь, чего удумал, — ругалась она. — А ну спать!

Милые бранятся — только тешатся.

Теперь за столом остались только спавший кормач, спорившие между собой Храбр и Лан. Хельга с улыбкой наблюдала за этими оболтусами.

Храбр не рассчитал силы и как-то слишком быстро опустил руку на плечо вставшего, но довольно пьяного Лана. Парень не ожидал, и под тяжестью пятерни Храбра, охнув, опустился на скамью.

— Ладно, что ты на меня дуешься то? Ты же понимаешь, Ты мне с-сука как брат. — Храбр замялся, пытаясь собрать мысли в пьяной голове в кучу. — Да, и не ухмыляйся, как младший брат. Вредный, противный, падла, но сука брат!

— А братьев, если бы они у тебя были, в детстве ты бы также гонял, как и меня? Я тебе твоих шуточек никогда не забуду! — Лан спихнул с плеч ладонь Храбра.

— Ой, ты такой же обидчивый, как Хельга. Аж блевать тянет, ей-богу! — Сом налил себе ещё из глиняного кувшина.

— А ты смотри не влюбись! — ответил осмелевший Лан.

Изрядно захмелевший Лан тоже потянулся к кувшину с хоть и разбавленным, но спиртом. Сейчас он отчаянно не хотел ни в чём уступать своему другу, который в живой

массе был раза в полтора больше него самого.

Девушка хихикнула и попросившись оставила парней и дальше выяснять отношения, а сама отправилась наверх, в свою комнату. Спать. Завтра у неё очень много дел, к которым нужно подходить с ясным рассудком.

Если вы читаете и вам нравится — подпишитесь на авторов. Тогда продолжение не заставит себя ждать.:)

Не забываем ставить лайки и делать репосты и писать комментарии:)

Приглашаем пообщаться с авторами

Эдуард Поляков группа автора в контакте https://vk.com/game_books

Варвара Серебро группа автора в контакте <https://vk.com/club136977670>

— Хельга, проснись, — Ася трясла сонную девушку за плечо.

Та открыла глаза и с сожалением обнаружила, что все еще находится в Китеже. Вчерашний хмель вышел из головы еще не до конца. Нет, голова у неё не болела, но сумбур в ней точно присутствовал.

Хельга посмотрела заспанным на подругу и попыталась собраться мыслями.

— Там Пересмысл тебя зовёт! — девушка начала нервно наматывать на палец край ночной рубахи. Было заметно — она волнуется.

Лада, мать Аси, уже одевалась и как-то странно посматривала на Хельгу. И это волнение совсем не было связано с предстоящей свадьбой ее дочери.

Накинув на себя длинную рубаху вместо халата, целительница вышла из комнаты. Хельга открыла ее и подпрыгнула от неожиданности. Под дверью ее ожидали Пересмысл и тот неприятный старик в серебряной маске из китежского хосписа. И они тоже как-то странно на нее смотрели. Потом, управитель серого дома начал трясти ее за плечи и не отрывая взгляда идопрашивать:

— Скажи мне девочка, только правду скажи, это ты Хозяйка мертвой воды.

Глаза при этом у старика в серебряной маске горели огнем фанатика, который увидел бога во плоти. И этот взгляд мог напугать кого угодно гораздо больше, чем нож в руке бандита из темного переулка.

Даже наркоманы и те смотрели как-то осмысленнее что ли...

Холодные и пальцы в перчатках сильно сжали предплечья девушки.

— Оу оу, старый друг, отпусти девушку, ты ее пугаешь! — в руки хозяина серого дома вцепился Пересмысл и попытался остановить его. — Хельга, тебе нечего бояться. Всё хорошо, правда Гифей?

Ведун с нажимом посмотрел на своего друга, который хоть и убрал руки, но все еще пожирал взглядом девушку. Пожирал это, наверное, правильное слово. Не раздевал, как это любил делать Храбр, а именно пожирал, как хищник.

Кузнец парнем был хоть и отчаянным. Но с ней в последнее время вел себя кротко и сдержанно. Возможно, даже зауважал. И даже рассматривал ее только украдкой, когда думал, что она этого не замечает.

— Так, сейчас мы спустимся и сядем за стол, там и поговорим. — Пересмысл попытался успокоить встревоженного Гифея и ошарашенную его странным поведением Хельгу.

Они прошли в обеденный зал. Через окна в темноватое помещение врывались первые лучи восходившего солнца, нагревая воздух и согревая темные и влажные после уборки половицы. День обещал быть жарким.

Хозяйка заведения недобро покосилась на раннего гостя и даже слегка скривила недовольно губы, когда Пересмысл попросил у нее принести им всем весьма ранний завтрак. Она что-то проворчала под нос, но все же подала им яичницу с укропом и пенный и слегка теплый квас.

Старики и девушка уселись за стол у окна и некоторое время над ними повисла тишина. Хельга с жадностью принялась пить тепловатый ржаной напиток, который с каждым глотком возвращал ее к нормальному мироощущению.

Гифей, кажется пришел в себя от временного помешательства рассудка. Во всяком случае взгляд у старика в маске стал более осознанным, таким, каким его помнила Хельга при первом знакомстве. Лекарь извинился перед ней за столь ранний визит и за свое странное поведение и неторопливо, по-стариковски, начал рассказывать причину своего столь странного поведения.

Хоть и выглядел Гифей теперь вполне нормально, но Хельга заприметила, что Пересмысл поглядывал на старого товарища несколько настороженно. Все же его временные помутнения разума друга, для него были неприятным сюрпризом.

То, о чем рассказал лекарь, звучало действительно невероятно. В сером доме было много больных малярией. Малярия — частый гость в Китеже и частая причина смерти. Болезнь не забирала сильных и здоровых. Она косила слабых: стариков, доживающих свой век, малых детей, которые только еще стали познавать этот порой жестокий мир, особенно безжалостно косила болезнь тех, у кого не было своего угла и теплого очага, чтобы согреться в сырую ночь.

В этом году больных в сером доме умирало много. Не хватало коек и несчастным приходилось встречать костлявую прямо на полу, на набитых сеном матрасах. Больные занимали своими телами в комнатах все пространство пола. Иногда еще полуживых людей располагали на первом этаже, поближе к выходу, потому как тяжело было таскать тела каждый день с других этажей. Притом труп вместе с матрасом, испачканным слюной и другими выделениями несчастного, для того, чтобы сжечь несчастных в специальной погребальной печи в подвале, вход в который был отдельно со стороны внутреннего двора. Этот бесконечный круговорот смерти продолжался в этих стенах бесконечно, если бы не чудесный подарок Пересмысла и его ученицы. Тогда они протянули старику корзину из травяных настоек на Мертвой воде.

Гефей все таки решился, как он считал, безнадежный эксперимент и применил настойку из ивового цвета на мертвой воде: закапал ее несколькими пациентам, которые уже пребывали в предсмертной агонии и умирали от малярии. Закапал и потом пошел почивать.

Вот только утром вместо остывших трупов в комнате он обнаружил вполне живых людей. Те кто еще ночь должен был испустить дух, испражняясь под себя от невыносимых приступов боли или кашля, стали чувствовать себя гораздо лучше. Пациенты были еще слабы, но выглядели определенно лучше тех, которых сжигали в печи, покрывая неприглядным саваном вместе с матрасом и вещами. Все они просили теперь воды, пищи и похоже совсем не собирались умирать.

И как говорил старик, это было его лучшее утро в этом унылом месте за последние десять лет. Объяснение этому чуду он нашел только одно — целебная мертвая вода в настойке.

Гифей закончил рассказ и теперь видимо ожидал от Хельги, что она, словно плохой фокусник, расскажет секрет неожиданно сработавшего трюка. И раскрытие этого секрета ломает всю атмосферу волшебства. Вот мол, это ловкость рук и никакого мошенничества. Объяснит доходчиво необъяснимые вещи.

Но она сама была весьма удивлена.

— Бред какой-то! Простой спирт. Ничего не понимаю! — только и произнесла девушка, отвечая на вопрос — вопросом.

Эти настойки, мази, капли применялись и применяются и на Земле, но таким излишне чудодейственным эффектом не обладали и не обладают. Мертвецов на ноги точно не

поднимают!

Гомеопатия и сейчас очень популярна и помогает бороться с болезнями, но не буквально воскрешать.

— Кто тут упоминает мертвую воду? Желаете купить мертвой воды?

Лан появился, как черт из табакерки. Он непринужденно подошел к старикам и девушке. Плюхнулся на стул, рядом с ведуном и внаглую стащил у Хельги тарелку с глазунью и принялся завтракать. Несмотря на вчерашнюю попойку, вид у него был бодрым.

Лан! — Хельга нашла Спасение от старика с тяжелым взглядом. — Вот он вам все про мертвую воду расскажет.

Сам виноват, что появился так кстати и перевел на себя стрелки. Теперь Гифей смотрел на гончара, который чавкал и с набитым ртом рассказывал крайне чудодейственные свойства мертвой воды, о духах на ее основе и алкоголе, который позавчера свалил с ног огромного орка.

Лекарь из местного хосписа внимательно слушал хвалебные речи Лана о своем товаре и не перебивал. А тот и рад был по самые уши. Он надеялся найти еще больше выгодных покупателей. Хельга решила, что с нее хватит и, допив квас, попрощалась, ссылаясь на женское недомогание.

Вернувшись в свою комнату, она вздохнула с облегчением. Дел и без этих странных разговоров было невпроворот, все-таки не каждый день Ася замуж выходит: сходить в баню, забрать у швеи свадебное платье, сходить к ведунье, чтобы та нагадала девушке счастливую семейную жизнь и дюжину малышей и обязательно мальчиков. Ведь многие мужчины мечтают о наследниках.

Подождав полчаса и приведя себя в порядок, Хельга тихонечко спустилась по лестнице со второго этажа и заглянула в общий зал. Странного утреннего визитера там не было. За их столом теперь сидела компания парней. Пересмысл будто растворился вместе со своим странным другом. Есть не хотелось, но девушка с радостью составила Асе, ее низкому и коренастому отцу и строгой матери.

Парни, как друзья жениха, тоже имели планы на день. Еще бы, ведь им стоило подготовить жениха, наверное, к самому важному событию в его жизни. Это легко было понять по выражению лица Сома. Он улыбался, глаза светились от счастья, смотрел на невесту, которая, отводила взгляд и робко краснела.

Подкрепившись яичницей, колбасками и овощами, компания собралась в баню. Хельга выцепила Лана на лестнице. Сейчас ей нужны были вещи, которые в этом мире отыскать большая сложность, да и требовалось некоторое количество денег, на все это.

— Лан, мне нужен прибор, такой эээ...которым мужчины бороду бреют — спросила она.

Парнишка сильно удивился.

— И давно ты таким пользуешься? — с некоторой иронией простил гончар.

— Лет с пятнадцати, кажется.

Хельга смутилась, когда парень начал смеяться и шепнула ему на ухо, для чего ей нужна бритва. Это расставило все точки над ё. Узнав для чего на земле девочки используют лезвие, Лан поперхнулся.

Брить подмышки и ноги в этом мире было явным ноу-хау. Девушка решила помучить парня, намекнув что и там у нее аккуратная стрижка и наслаждаясь реакцией столь непорочного Лана. Но и этого ей показалось мало, парень уже привыкал к подобного рода

провокациям.

— Между прочим, у парня там тоже все должно быть в порядке, если конечно он не хочет огорчить девушку бобром между ног, — Хельга подмигнула.

Лан покраснел и помчался в свою комнату, где он жил вместе с Пересмыслом, за деньгами. Сегодня она намерена потратить все до единой копейки.

У скивов не было традиции свидетельницы или подружки невесты. Поэтому Ася удивилась, когда Хельга решила ей помочь подготовиться и сделать еще прекраснее сегодняшний день, который кончится замужеством и первой брачной ночью.

Когда девушки пришли в баню, Хельга достала предмет мужского туалета из сумки, чем сначала вызвала крайнее недоумение подруги, которая уже успела раздеться и забралась на верхнюю полку парилки.

— Зачем это? — вытаращила глаза на бритву Ася. Может подумала, что подруга собралась оперировать здесь кого-то.

Хельга успокоила ее и все объяснила, указав на неухоженные ноги, подмышки и область бикини у невесты.

Ася смерила ее непонимающим взглядом.

— А что не так?!

Хельга поняла, что разговор предстоит долгий и обстоятельный и послала банщицу за медовухой и молодым вином. Банщица, низенькая и с бородавками по носу, на эту просьбу весьма удивилась: пить в бане — прерогатива мужчин, а не женщин. Но серебрушка засунутая в ее ладонь сразу заставила ее поменьше задавать вопросов. Через десять минут Ася несколько смущенно держала чашу с вином и смотрела на смелую подругу. Девушка из другого мира совсем не смущалась, сидела полураздетая, слегка прикрывая свою наготу полотенцем. Стройная, хорошо сложенная, слегка загорелая. Ася все таки была слегка пышкой, но это тоже ничуть не портило ее девичьей красоты.

— Как это, быть с мужчиной? — спросила невеста и тут же покраснела.

Хельга приподняла брови от удивления.

— Рано или поздно это происходит со всеми. Если ты, конечно, не монашка, — улыбнулась ей Хельга. — Возможно будет больно... но это только сначала.

Ася была невинна и чиста, а ее матушка не сочла нужным подготовить дочь к таинству первой брачной ночи. И Хельга не без радости взяла на себя эту важную задачу. Но перед этим девушки опустошили бутылку белого молодого вина и послали банщицу за добавкой, вернувшись в обитель пара и дубовых веников.

Рассказать девушке нужно было много и так, чтобы не сильно ее напугать. А то, не дай бог упадет в обморок в самый ответственный момент или станет испытывать отвращение к своему мужу. Но сначала банные процедуры и бритье...

Баня — великое изобретение обоих этих миров. Она очищает не только тело, но выводит из головы хмель, когда он едва только ударяет в голову, даруя расслабление. Через пару часов все время шушукаясь между собой, розовощекие Ася и Хельга отправились из бани в город. Деньги, которые им отсыпал Лан, просто требовалось потратить здесь и сейчас.

Килтежские торговые ряды пестрели разнообразными товарами в том числе и заморскими. Разнообразие тканей, фруктов, приправ, музыкальных инструментов, украшений. Когда подошли к лавке одного из фаширазцев, с оливковым цветом кожи и одетого в южное узорчатое покрывало, Хельга едва не завизжала от радости. На прилавке

было то, что ей так не хватало в этом мире — косметика. На прилавке лежали и весьма занятно нарисованные картинки с примерами как пользоваться помадой или подводить глаза. Хельга знала эти премудрости и без этих примеров.

Мужчина оживился и с явственным южным акцентом начала описывать и нахваливать свой товар. Его карие глаза блестели от азарта и делал он это так же, как и Лан, продавая духи.

Вино еще не до конца выветрилось из головы Хельги, и она попросила назойливого продавца не мешать и начала выбирать и откладывать то, что твердо намерены была купить: помаду нескольких цветов, краску для ресниц, подводку.

Продавец понял, что в лавку к нему зашел не новичок, а искушенный в косметических премудростях и прикусил язык, только улыбался и наблюдал, как девушка раздвигает баночки в сторону. Нюхает и даже пробует на палец консистенцию.

Спустя пятнадцать минут девушки определились с покупками. Косметика оказалась дорогим удовольствием, но Хельга и не думала экономить на себе. Тем более такой день. Сегодня Ася будет самой красивой среди всех невест. И свадьба у нее будет самая лучшая и самая прекрасная первая брачная ночь. Хельга решила сделать для этого все возможное и даже невозможное.

Вечер незаметно опустился на побережье озера. Алое зарево отражалось в зеркальных водах Ярозера. Поляна у озера была полна людьми. Женихи, одетые в нарядные расшитые рубахи. Каждая девушка считает своим долгом вышить рубаху своему жениху. Девушки в пышных венках из полевых цветов с распущенными косами. Сейчас они похожи были на речных духов. Сейчас не найти среди присутствующих ни одного печального лица, как не найти ни одного сухого камня на дне озера.

Старейшины всех родов из чьих селений прибыли в Китеж молодожены, стояли на деревянных мостках, словно дорога уходивших в озеро.

Молодые были разведены в разные стороны от помоста. Парни стояли справа, а девушки слева.

Когда край солнца коснулся водной глади озера, окрасив мелкую рябь в багровые тона, звуки колоколов с деревянных башен Китежа пустились в веселый перезвон, который был подхвачен десятком радостных голосов. Праздник летнего солнцестояния заканчивался свадьбами и у молодоженов начиналась взрослая семейная жизнь. Именно сегодня и произойдет в Китеже их традиционное таинство венчания.

Юноши и девушки пришли сюда поодиночке с товарищами и своими родителями. Молодые, красивые с большими планами на жизнь, ожидающие своего счастья. Родители смотрели на своих повзрослевших чад сквозь слезы радости, даже суровые мужики и те смахивали влагу с щек. После обряда, молодые покинут эту поляну, держась за руки, чтобы следующей весной подарить этому свету целое новое поколение маленьких оборотней.

Хельга тоже не удержалась от радостных слез. Ася, такая красивая в этот момент и счастливая, целовала ее в щеки и благодарила за все.

Сом прибыл на берег озера в компании друзей, гончара Лана, кузнеца Храбра и низкорослого Аина. Все они, перед тем как он пошел к помосту обменялись рукопожатиями поздравлениями и пожеланиями. Потом встали возле родителей и родни Сома.

Старейшины родов облачились тоже в своеобразные свадебные богато украшенные обрядовые рубахи длиной до пят из выбеленного льна и вышивкой. Для их родов, свадьбы событие особое. Род пополнялся, продолжался, а значит жизнь его продолжалась.

Старейшины подошли к помосту и встали у него в ряд перед женихами и невестами. Ближайшая пара подошла к крайнему древнему старику в богато украшенной рубаше в том же стиле, что и у невесты на одежде. К жениху подошла бабушка старая как этот мир с орнаментом на одеждах, как у будущего главы семьи. Это были главы их родов, которые заключали союз между молодыми.

Подойдя вплотную к Сому, старик протянул ему руку. Они обменялись рукопожатиями. Бабушка, стоявшая рядом с Асей, обняла молодую невесту и поцеловала в щеку. Такой обряд проходила сегодня каждая невеста и жених.

Когда все невесты и женихи получили благословение старейшин, одна из старух подошла факелы вдоль помоста.

Женихи снимали с головы своих невест венки, вставляли в них нарядные свечи. Потом, направившись к воде по деревянному помосту парами, опускали на прохладную гладь воды Ярозера.

Теперь для всех они считались мужьями и женами. Единым целым. Невесты прощались с родственниками и отправлялись в дома женихов. А дальше в каждом из селений будет свадьба, настоящее веселое гуляние с подарками, гостями. Но случится это потом, после того, как молодые переступят порог собственного дома вобьют серебряшку в косяк на счастье, задобрят булочкой домового за печью.

Наконец, настала очередь, когда к помосту подошли жених и невеста из Зверинного полесья. Сом шагнул навстречу Асе борясь с внезапно накотившей дрожью в коленях.

Пересмысл появился перед самым началом торжества. Сначала долго извинялся за свое опоздание и почему-то перед Хельгой. Хотя переживать стоило из-за Сома и Аси. Глаза старика горели юношеским азартом.

Настойка действительно работает, Хельга, работает. Те, кто умирал от застуженных легких, действительно пошли на поправку. Удивительно!

Ведун в деталях рассказывал, как подсыхали кожные болячки, стоило их только смазать настойкой зверобоя или ромашки. Как заживали буквально на глазах неизлечимые раны. И при том, ведун все припоминал то-то о предназначении, о воле духов и богов.

— Деда, сейчас не время о болячках... — прервала его рассказ Хельга, примитив как на них недовольно смотрели окружающие.

— Да, я все понимаю, — с разочарованием сказал старик. — Такие вещи на ходу не обсуждают.

Извинившись перед невестой и ее подругами и родными, Пересмысл направился к своему приятелю в серебряной маске, который ожидал его в стороне. Интересно, что забыл на свадебной церемонии.

В это время Сом и Ася опускали на озерную гладь свои импровизированный кораблик из девичьего венка. И как только взявшись за руки молодые отправились к другим счастливым парам и гостям, выслушать пожелания о долгих годах жизни и о дюжине детишек, Хельга тоже покинула стройный ряд невест и направилась к друзьям.

Вокруг них все еще крутился Гифей. А вот Храбр куда-то запропастился. Он что решил досмотреть всю эту свадебную церемонию до конца? Раньше Хельга за ним не замечала особой чувствительности.

Пересмысл смотрел на счастливых молодых, словно дед на своих внуков. Еще будто вчера они бегали по Звериному долу босыми и придумывали новые детские проказы. А сегодня вдруг оказалось, что они выросли и скоро у них появятся свои босоногие

проказники.

Его друг Гифейвел себя так же холодно и сдержанно, как и в момент их первой встречи. От безумия, которое посетило его с утра, не осталось и следа. Он подошел к Хельге и извинился за столь ранний сегодняшний визит. Правда с извинениями он опоздал к минимум на полдня. Да даже эти бы извинения ничего бы не изменили. Хельге он не нравился.

Похоже, Гифей понимал это. Старый, умудренный жизненным опытом человек, читал ее почти девчонку, как открытую книгу. А вот его эмоции и чувства разобрать было сложно. Он прятал их под серебряной маской. И такие маски носили все обитатели и служители Серого дома, где царила хворь и смерть, а излишняя чувствительность была ни к чему.

Серебряная маска скрывала также их пораженные проказой лица. Гниющая плоть живого человека могла смутить кого угодно. Серебро останавливало инфекцию и хорошо, что хотя бы об этом догадались эти люди.

В толпе раздались крики и послышалась отборная ругань. Ругались так, что даже в гомоне толпы и веселых песнопениях тех, кто водил хороводы вокруг костров.

Сом, как самый высокий, без труда рассмотрел, что происходило за спинами других людей. Он сжал губы в тонкую полоску и ринулся вперед, разрезая словно корабль килем человеческую толпу.

Хельге тоже стало интересно, что произошло, поэтому она бросилась следом за Сомом. Люди ругались, расступались, посылали проклятья, некоторые спешили уступить детине дорогу, чтобы не попасть под руку. Парень с упорством бульдозера пер туда, где еще недавно стоял сам, ожидая венчания с невестой.

Сом и Хельга быстро приблизились к тому месту, откуда доносились звуки ругани. Пересмысл, Ася, Аин и Лан несколько отстали от них и теперь сами пытались пробраться сквозь толпу.

Сом резко остановился, и Хельга врезалась в его спину. Судя по звукам, они пришли на место. И если здоровяк видел все происходившее как на ладони, девушке из-за его могучей спины не видно было ровным счетом ничего, даже если она подпрыгивала.

Хельга ущипнула Сома в бок, чтобы он обратил на нее внимание. Но парень лишь отмахнулся от нее. Целительница громко окликнула его, но результат был тот же. Из-за спин стоявших впереди людей разглядеть что-либо было трудно.

Тут Хельга услышала свое имя, и судя по сдавленному голосу, ее позвал Храбр. Она без труда теперь догадалась, что привлекло внимание богатыря. Кузнец дрался с кем-то. И, судя по голосу, у него складывалось все не так хорошо.

— Сом, конь педальный. Мне же не видно ничего! — девушка уже открыто начала толкать и ругать своего друга.

Странные слова, в купе со смешками услышавшей это толпы, вернули парня в реальность. Сначала он начал искать испепеляющим взглядом того, кто посмел такое про него сказать. Но когда увидел милую розововолосую девушку, смягчился и улыбнулся.

— Сом, мне не видно ничего, — снова проворчала целительница.

— Погодь. — ответил богатырь.

Широкие ладони раздвинули стоявших впереди парней. Они хотели возразить, но подняв взгляды на того, кто потревожил их, тут же начинали заикаться на полуслове.

Освободив перед собой небольшое пространство, Сом бесцеремонно поставил Хельгу впереди себя, так, что она оказалась на самом краю импровизированной арены.

Место схватки было очерчено стеной из толпы. и внутри этой арены Храбр бился с белобрысым здоровяком. Оба были испачканы в грязи и пыли, а их одежда превратилась в лохмотья.

Храбра Хельга узнала даже не по лицу, а по яростным желтым глазам. Этот бушующий в них огонь ненависти она не спутала бы не с одним другим. И увидела она этот взгляд впервые, когда унижала росомаху перед толпой соплеменников в Ивовом доле. Второй — в кузне, когда парень довел ее своей выходкой до слез.

— Я вырву твой грязный язык, крысоед! — Храбр кидался на светловолосого, который ловко изворачивался.

— Что, я твою шкуру обидел? А, валенок? Ты, наверное, ее и не зажал то не разу, — судя по одежде соплеменников противника кузнеца, тот был из лесных котов.

Ярость застилала глаза Храбра и под действием эмоций он не мог разумно оценить соперника и бросался на него в слепой ярости. Однако, судя по тому, что у белобрысого лесного кота была рассечена, а губа распухла, как вареник, ему неплохо досталось от росомахи.

Телосложением кот был похож на Храбра, только гораздо ловчее и быстрее. Наверное, за это ему стоило сказать спасибо своему зверю-прародителю. И парень пользовался своим преимуществом на полную катушку и приумножил его, вызвав слепую ярость горячего росомахи.

— Храбр остановись, — твердо произнесла Хельга, однако кузнец в пылу драки ее не услышал. Не услышали ее и остальные.

Хельга слегка, не больно, наступила на ногу Сомы, чтобы незаметно привлечь его внимание.

— Сом, останови их. — попросила Хельга, стараясь перекричать взволнованного толпу. — Останови, говорят тебе!

— Нельзя, Хельга, если мы поможем Храбру, ему потом никто руки не подаст. Даже если проиграет, он сделает это как мужчина.

Сом проговорил это не отрываясь от созерцания драки.

— Тогда я это сделаю! — произнесла девушка, но Сом ее уже не слушал.

Предательская дрожь в коленях и инстинкт самосохранения заставляли Хельгу отступить. Но когда Храбр пропускал удар, к ее горлу подступал комок. И эти чувства были сильнее давней обиды на парня. Что с ней. Почему она так переживает за него?

Хельга шагнула вперед, пытаясь унять дрожь в руках сжала кулаки. Белобрысый кот заметил это и ослабил.

— Что, валенок, твоя баба за тебя и драться будет? Так у кого из вас хер? — соплеменники белобрысого, одетые в красивые зеленые одежды заржали, поддерживая его искрометный юмор.

— С чего ты взял, что я за него заступаюсь? — Хельга нахально приподняла бровку и улыбнулась той улыбкой, от которой даже самые нахальные парни становились кроткими, словно молочные бычки. — Я лишь хотела, чтобы он не перестарался.

— Ты смотри какая заботливая, — белобрысый начал паясничать. Так обычно делают избалованные подростки, которым не хватает внимания.

— Хорошо, забияка, ты сам напросился. Храбр, дорогой, я хочу коврик из кошачьей шкуры себе у двери положить, чтобы ноги от грязи от него обтирать, когда в домходишь.

Хельга произнесла это так томно и соблазнительно, что окружающие от такого просто

попритихли. Виляя бедрами, девушка подошла к Храбру. Сейчас она чувствовала, нет, была уверена, что взгляды мужчин прикованы к ее упругой попе. Этого она и добивалась.

Облизнув алые губы Хельга поцеловала Храбра в щеку и хлопнув его пониже спины отошла в сторону.

Кузнец, не ожидавший такого поворота, сначала опешил, а потом довольно заулыбался.

Цель была достигнута. Что-то изменилось во взгляде, повадках росوماхи. Оборотень больше не бросался бездумно в рискованные атаки, которые заканчивались обидными ударами, от которых больно было не столько физически, сколько морально. Теперь росوماха кружил, как его зверь прародитель, выслеживающий добычу. Он отрезал пространство для маневров.

Белобрысый лесной кот почуял неладное и теперь все больше старался сыпать оскорблениями и низкопробными, стараясь снова вывести Храбра из душевного равновесия, разгневать и вернуть свое преимущество.

Храбр молчал, лицо его теперь сделалось спокойным, и теперь все больше сокращал дистанцию и загонял противника в угол. Главное, чтобы теперь он не уступил, не дал этому бахвалу увернуться. А там все решит случай. Кошачья ловкость и хитрость противостояла росомашей силе.

Хельга вытерла капельки пота со лба.

Нервы все-таки сдали. Вот только сдали они не у росوماхи, а у лесного кота. Тот сам бросился на Храбра, стараясь, как и все кошачьи, ударить противника в лицо, выцарапать глаза. Он не стал превращаться в зверя полностью, трансформировался частично, выпустил когти и полоснул противника. Все произошло быстро. Но лапа не успела прикоснуться к слегка небритой щеке Храбра.

Один размашистый удар правой от души и белобрысый котяра рухнул на землю и потерял сознание. Это была победа. Но Храбр не улыбался и не радовался. Он просто подошел к врагу схватил его за разодранные лохмотья одежды и потащил к Хельге.

Лесные коты хотели вступить за белобрысого, но тут к ним вышел Сом, Лан и Аин.

Если Сом выглядел невозмутимо, то гончар Лан нервно осматривался. Он не струсил, не спрятался за могучей спиной друга, а встал рядом сжимая пусть и небольшие, но сильные кулаки.

— Хельга, ты хотела коврик из кошака? — теперь Храбр позволил себе улыбнуться. — Вот, как раз для твоих стройных ножек.

Как же он был сейчас великолепен. Сразу проявилась в нем невозмутимость в своей силе, уверенная стать. Он сделал все правильно, красиво отстоял свою честь и честь своей девушки. Более того, он принес к ее ногам трофей в виде поверженного врага, чей язык, оказался длиннее рук, а амбиции выше ума.

Хельга улыбнулась. Парня нужно было поощрить за то, что достойно отстоял ее честь в бою. И желательно прилюдно, так, чтобы недоброжелатели пускали яд из зависти.

Она нежно обняла и притянула к себе своего защитника и чувственно и горячо поцеловала. Получилось это у нее совсем не наигранно. Храбр ответил на ее поцелуй, заключил в крепкие, но нежные объятия. Сердце у девушки от этого бешено забилося. На какое мгновение она потеряла связь с реальностью. Весь мир словно куда-то пропал и во всей этой вселенной остались только двое. Она и этот неотесанный забияка, который, оказывается умеет здорово целоваться.

Хельга с трудом вернулась с неба на землю. Она знала, что надо сделать, чтобы

заставить наблюдать как можно внимательнее. Ее рука скользнула чуть ниже талии талии парня, ниже, чем можно было себе позволить. Привстав на носочки, она подняла одну ножку, согнув в колене.

В толпе послышался свист и подбадривающие крики и перешептывания. Сейчас, наверное, каждый парень был бы счастлив оказаться на месте победителя. Этого Хельг и добивалась, пусть знают, что может случиться со сквернословыми. И пусть видят, какую награду может получить герой, который вступится за хрупкую девушку.

Рыцарский кодекс, мать его! И пусть таких благородных замашек так не хватает в нашем мире, здесь своим примером ей кажется удалось привить свои идеалы.

Хельга, наконец, закончила целовать Храбра и к своему удивлению поняла, что ее сильно к нему влечет. Она готова была целоваться с ним бесконечно. Ведь ей нужен именно такой парень. Сильный, сбалбашный и трудноуправляемый. И этого зверя ей хотелось приручить... Стоп. Но ведь у нее есть Лео, там в другом мире. Любимый парень. И если этот поцелуй всего-навсего спектакль, то играть в нем ей очень понравилось.

Когда Хельга вспомнила о Лео, он показался ей человеком из далекого прошлого. Воспоминанием о том мире в который она возможно больше никогда не вернется. От этого ей стало горько. Лео не волновал ее как прежде. Она даже лицо его стала постепенно забывать, а ведь времени прошло не мало. Зато все чаще смотрела в сторону задиристого кузнеца из Звериного полесья.

Высвободившись из объятий Храбра, Хельга в стеснении опустила взгляд. Она присела у белобрисого лесного кота, ища чего можно было взять у него в качестве трофея. Да и такой сувенир ей, на самом деле был без надобности. Только перед толпой «выпендриться», которая теперь внимательно наблюдала за ними. Надо показать, что любое слово имеет свои последствия. А что унизит мужчину больше, чем поражение и снятый с него трофей. Может это и перегиб, но Хельге хотелось именно этого.

Она разочарованно вздохнула. Не в самом же деле с него шкуру спускать! Но тут заметила серебряное колечко у него в ухе. Значит парень младший сын в семье, вот откуда все это бахвальство взялось. Он всегда знал, что за него заступятся старшие. Правда не выучил одного — теперь он взрослый мужчина и должен сам отвечать за свои поступки и слова.

Девушка без жалости схватилась за серебряное колечко и потянула на себя. Серьга надорвала мочку уха. Ничего будет напоминая этому завравшемуся юнцу.

Храбр многозначительно покашлял в кулак и почесал свою короткую бороду. Видимо его удивило такое вот неожиданное поведение Хельги, но он старался не выдавать своего смущения.

— Пойдем, милый, твои раны нужно промыть? — Хельга это произнесла так, чтобы услышали все.

Воцарившийся тишина оказалась такой громкой, что слышно было, как потрескивали в кострах горевшие сучья и плеск волн, набегавших от ветерка на берег Ярозера.

Взявшись за руки Храбр и Хельга подошли к Сому, возле которого уже стоял поникший Лан и старался не смотреть на них. Неизвестно, о чем сейчас думал Пересмысл, сложное было прочесть по его лицу какие-либо эмоции. Ася обняла своего новоиспеченного мужа.

Первым заговорил ведун:

— Пойдемте отсюда, дети, — произнес он каким-то непривычного, старческим голосом, полным усталости.

Если вы читаете и вам нравится — подпишитесь на авторов. Тогда продолжение не заставит себя ждать.:)

Не забываем ставить лайки и делать репосты и писать комментарии:)

Приглашаем пообщаться с авторами

Эдуард Поляков группа автора в контакте https://vk.com/game_books

Варвара Серебро группа автора в контакте <https://vk.com/club136977670>

По пустынной и ночной ярмарочной площади шли шестеро оборотней и человек. Каждый член этой банды имел свои особенности. В движениях пятерых угадывались общие черты. Шестой, тот что относился к людям, значительно отличался от остальных. Он носил черную одежду, шел уверенной походкой хозяина. А вот своих спутников, похоже, подбирал с особой тщательностью. Это были сильные создания, которые находились в стадии не полной трансформации — полулюди-полузвери. Маг выбрал лучших и подчинил их разум своему. Манипулировал ими, словно гроссмейстер фигурами на шахматной доске. Все его рабы жили и умирали ради него, думали его мыслями и делали то, что он от них хотел. Только человек подумает и оборотни были готовы броситься на первого встречного. В принципе, так и произошло.

Та охрана, что присматривала за лавками и товарами, сейчас лежала, словно безжизненные манекены или игрушки, побывавшие в руках слишком любознательного малыша.

Нет, маг не был мародером или грабителем, слишком низкое это для чародея занятие. Они двигались к ряду гусельщиков, игнорируя другие лавки. Вернее двигался человек, а оборотни следовали за ним по пятам над их головами кружил летун с кожистыми черными крыльями, напоминающий летучую мышь. Лицо их хозяина покрывала маска сделанная из человеческого черепа. От маски расползлся черный густой туман и словно вуаль спускался на аспидно-черный балахон.

Ирбис обогнал хозяина и теперь крался впереди мягкой кошачьей поступью. По его белому с черными пятнышками меху изредка пробежали голубоватые молнии, наполняя тишину ярмарочной площади электрическим треском.

По правую руку от человека в маске, следовал полумедведь, ростом не менее чем в полторы сажени, под его могучими лапами проминались бульжники, которыми мостили улицы. Даже сгорбившись, человек-медведь был выше остальных в этой разношерстной стае.

Замыкали охрану из звериного бодигарда девушка и парень. Молодой человек принадлежал роду ящериц, такой же голый, как и остальные в зверином обличье. Девушка-выдра, даже в частичной трансформации была облачена в красное изящное платье длиной до пят, с совсем не скромным декольте. Она то и дело виляла и била пушистым хвостом по своим натренированным бедрам.

Когда они подошли к намеченной лавке, большая летучая мышь приземлилась и превратилась в парня, белоснежная кожа которого бросалась в глаза, даже в сумраке немного разбавленным сиянием звезд и луны.

Вся эта пятерка оборотней теперь стояла безмолвно и непоколебимо. У каждому из них на шею маг одел кожаный ремень, с вырезанными на нем чуть светящимися рунами на Тайной речи и серебряной монетой. Эти руны мало кто мог прочесть из ныне живущих знахарей и ведунов, а если и были такие, то они давно уже доживали свой немалый век среди людской суеты или в обществе дикой природы и видений, вызываемых травами и грибами.

Ремешки ошейников не имели ни застежек, ни швов. Зато они были намертво пришиты прямо к шкуре оборотней.

Ряд гусельщиков самый дорогой среди остальных. Здесь продавались чудо-механизмы дворфов из Арккума, волшебное вино из Фишираз богатые люди покупали маленькими

бутылочками, чтобы отметить какую-то действительно значимую дату или событие в своей жизни. Продавались и музыкальные инструменты, магические кристаллы, дорогие часы, подзорные трубы и оружие мастеров из Демгёрда. Каждый, кто торговал исключительными вещами, приобретал торговое место здесь, в ряду гусельщиков.

Искомая магом лавка нашлась практически сразу. Человек выкупивший это место не поспешил на дорогую вывеску. На ней были изображены двое: довольно милостивая девушка с розово-лиловым цветом волос и ученого вида молодой юноша, державший в руках светящуюся пробирку. Обе фигуры восседали словно на стульях, на витиеватых буквах, которые обозначали название лавки Алхимик и чародейка.

Человек в костяной маске не произнес ни слова, но стоило ему взглянуть на ажурную, застекленную настоящим магическим стеклом дверь, как Медведь практически без усилий выбил ее. Стекло устояло и не разбилось, зато деревянная рама рассыпалась под натиском медвежьей силы.

Первым в лавку вошел маг. Следом за ним Ирбис, затем прошмыгнула Выдра и самым последним был Ящерица, на его боках огненно-красные пятна на фоне кожи темно-болотного цвета светились и освещали помещение, развевая крошечную тьму. Медведь и Летун остались снаружи лавки.

Свет выхватил из мрака резные полочки по стенам, на каждой из которых стояли разномастные сосуды. От маленьких стеклянных с духами, до пузатых боченков.

Маг откупорил один из сосудов, стеклянный, в котором плавал бутон розового клевера и принюхался. В нос ударил аромат луговых цветов: медового клевера, флоксов, васильков, ромашки. Эти запахи он узнал сразу, но было что-то ещё, чего угадать ему так и не удалось. Что-то знакомое, сладкое, как липовый мёд. Интересная головоломка. Над ней он подумает позже, когда будет сидеть у очага, глядя на танец языков пламени.

Владелец лавки знал, что продавать. Пузырьки выполнены из хорошего стекла, внутри каждого плавали бутоны цветов, привлекая к ним столь равнодушный к ним женский взгляд. А кожаная бирка на горлышке с названием висела на узкой шелковой ленте, еще больше подчеркивая, что эти духи может позволить себе далеко не каждая девушка. Маг развернул бирку и прочел в полумраке название: Сатир и дриада

Костяная маска не закрывала его губ и было видно, как они изогнулись в улыбке. Действительно, хозяин этого торгового заведения имел хватку потомственного купца, удивительно, откуда взялось у него такое чутье, в столь юном возрасте. Яркая упаковка и певучее название, от которого веяло романтикой. Да девушки без раздумий выберут дорогой маленький флакончик, а их ухажерам и отца лишь придется скрипеть зубами и раскошелиться за эти благовония серебром. Не мудрено, что торговец так быстро перебрался из дешевого ряда сюда за короткое время.

Их потревожил свист. Сначала прозвучал один свисток, следом еще несколько, которые разносились со всех сторон ярмарочной площади. Городская стража не зевала и слишком быстро нашла тела убитых охранников и теперь окружала рынок. Нужно поторопиться. Прятаться смысла не было.

Маг сгреб в охапку дюжину флакончиков с цветами внутри и припрятал их в суме под балахоном. Быстрым шагом вышел из лавки. Выдра ринулась к полкам с благовониями и ароматными мазями и сколько смогла, словно хомяк поместила за щеки, а остальное взяла в ловкие лапы. Ящерица оказался самым продуманным и просто сгреб флакончики в подготовленный заранее мешок с сеном, которое смягчило столь грубое действие и только

благодаря этому ни один флакон не разбился.

Барс не стал ничего тащить, выбежал вслед за хозяином. Видимо в его обязанности не входила мародерка. Зато она входила в обязанности Медведя. После того как все покинули лавку он не церемонясь разворотил вторую дверь и часть витрины, чтобы протиснуться внутрь и прихватить два больших бочонка подмышки и после, сильно косолапя последовать за остальной компанией.

Летун снова патрулировал небо. Маг мог видеть его глазами и заметил приближающихся городских стражей. Часть из них была облачена в латные доспехи, часть обратилась в звериную ипостась. Волки, медведи, лесные коты и рыси. Все они были слабее отряда мага в костяной маске, но их было столько, что они просто могли задавить числом.

Когда стало понятно, что без боя им не уйти, ночные вору разделились. Девушка-выдра, качая бедрами, пошла на встречу городской страже. И когда до них оставался десяток шагов, развернулась на носочках, с грацией танцовщицы и нырнула в узкую улочку между двумя каменными домами, увлекая за собой погоню. Больше трети оборотней и стражи погнались за ней, словно подчиняясь звуку флейты заклинателя и следуя за ее красным шелковым платьем.

Ирбис выпустил когти и взобрался по деревянной стене одного из домов на крышу, его пушистый хвост взметнулся над крышей и последний раз издав треск молнии, и исчез.

Маг в костяной маске расправил плащ, сотканный самой зимой, а затем схватил его за края и укутался словно в широкое одеяние. Через секунду от его тела начали отрываться куски тела и устремляться в небо, трансформируясь в черных как смоль воронов. Их было так много, что на несколько мгновений луна скрылась из вида за тучами черных птиц. Прошло несколько мгновений, пока последняя тень не оторвалась от белой костяной маски. Сама маска с гулом упала на бульжник мостовой.

Свет от факелов разрывал ночную тьму недолго. Вперед к стражам выступил оборотень Ящерица обнажив два изогнутых клинка. Оранжевые пятна на его зеленой коже казалось вспыхивали от света огня факелов. Рядом с ним встал и Медведь, вырвав брус уличного фонаря. Вместо наперстка на этой дубине осталась кованая корзина, в которой еще недавно полыхало пламя, освещая ярмарочную площадь.

Медведь с легкостью держал свою дубину одной рукой. Из другой он не выпускал бочонок, похищенный из лавки со звучным названием Алхимик и чародейка

Но Ящерица не стал ждать выпадов в свою сторону. Рывком приблизился к стражу с факелом и рубанул его в грудь двумя клинками. Другие хотели было спасти смертельно раненого товарища, но прежде чем отпрянуть от жертвы, Ящерица сбил с ног двух самых ярых защитников.

Один из изогнутых клинков так и остался торчать из груди мертвого стража. Вместо него в руке человек-рептилия теперь держал факел. Желая произвести впечатление, на обескураженных защитников города, Ящерица, приоткрыл пасть, из которой показался длинный черный язык. Одно движение языка и пламя факела переместилось на него и затем пропало в пасти.

Оборотни не владеют магией и не могут владеть. Но только что прямо на виду у стражников один из них сожрал пламя и это было не карнавальное представление, подготовленное искусным иллюзионистом. Пламя и в самом деле пропало в пасти рептилии, не причинив вреда.

Минутное замешательство стражей быстро оборвал своими командами десятник. Одно

слово командира и перед толпой городских защитников появилась стена из щитов. Край ровного строя начали огибать двух оборотней, отрезая путь к отступлению и пространство для маневра.

Двое лучников пустили стрелы в рептилию, однако на пути стрел вырос Медведь. Его широкая грудь приняла острые железные жала, которые отскочили, не причинив хозяину леса никакого вреда.

Медведь заревел и опустил свою дубину на щиты. На деревянных щите с изображением волка появилась вмятина, страж державший его, вскрикнул.

Над головами городской стражи выстрелили лучники, поднятые на щитах. На этот раз они нарушители порядка были побеждены. Стрелы снова не причинили вреда Медведю, но от одной из подожженных стрел полыхнула шкура оборотня. Тот взревел, не ожидая такой подлости и хоть рептилия мгновенно погасила пламя, на шкуре подельника, тот не удержался и выронил бочонок. Он упал на каменную мостовую и раскололся. Медведя по пояс окатило духами. С оборотня стало произошла странная реакция. С медведя лоскутами сходила шерсть, словно тот превращался в обычного человека. Вой сменился отчаянным поскуливанием.

Раздалась еще одна команда десятника, и теперь строй стражи со щитами двинулся в сторону припавшего на оба колена медведя. Все завершили две зажженные стрелы. Одна из них ударила в руку оборотня терявшего звериный облик, вторая лизнула пламенем влажную от духов мостовую.

Видимо дружбы между оборотнями-грабителями не было. Воспользовавшись суетой, Ящерица нырнул в обуявшее друга пламя и через секунду вынырнул из него с горящим факелом, прыгнул в витрину ближайшей лавки часовщика.

Никто и не подумал за ним гнаться. Вспыхнувшая лавка часовщика, угрожала в основном деревянному Китежу пожаром. Агонию говевшего заживо оборотня оборвал удар копья со штандартом рода волка. В один миг крик пожираемого пламенем человека сменился хлопаньем от вытекающей из артерии крови и смешался со звуком треска горевшей поблизости лавки часовщика.

Девушка-выдра оказалась чрезвычайно быстрой, однако выносливостью волка похвастаться не могла. Половина версты по деревянному лабиринту улочек ночного города выбили из неё последние силы. Она достаточно далеко увела за собой почти треть стражи, и теперь настало время самой задуматься, как избавиться от погони.

Разрывая на ходу красное шелковое платье, она окончательно превратилась в свое тотемное животное. пару десятков шагов и выдра оказалась на перекрестке между улицей Кузнецов и переулком Рыбаков. И менулась с раздутыми от припрятанной добычи щеками в сторону каменного колодца и окончательно стала зверем. Одно движение хвостом и ведро которым доставали воду зазвенев полетело в сторону и покатилося по каменной мостовой. Еще мгновение и девушка скрылась в черном колодце. Раздался всплеск воды. В ее родной стихии ей не страшна никакая погоня. К тому же колодец соединен был каналом с Ярозером. Так она оставила преследователей наедине с мыслями, как они будут оправдываться о том, что такой толпой не смогли догнать одну девушку.

* * *

Тёмные коридоры из грубо отесанных, но достаточно хорошо подобранных камней обрезали сполохи света. По винтовой лестнице в казематы спускался человек в балахоне. Его лицо было покрыто ужасными гнойниками, которые казались ещё более мерзкими в

скудном свете факела.

При каждом его шаге по каменному коридору подземелья эхом раздавался звон ключей, висевших у него на поясе, рядом с серебряной маской.

В коридоре располагались деревянные двери, в которые скрывались нишах вдоль него. Мужчина с язвами на лице быстро прошел мимо них. Его уверенная походка сменилась на более тихую, когда он подошёл к одной из дверей, которая по виду ничем не отличалась от всех предыдущих, разве что только под ней светилась полоска желтого цвета.

Связка ключей со звоном была снята с пояса. Уверенным движением пальцы нащупали нужный ключ. Лязгнул замок, затем пришла очередь второго запора, затем третьего, пока все засовы спрятанные в недрах толстой двери не отодвинули язычки позволив открыть дверь.

Густой, как ягодный кисель сумрак неохотно, точно живой, начал отступать под натиском яркого света ворвавшегося в коридор из открытой двери. За дверью скрывалась комната имевшая несколько арок ведущих в другие помещения.

Тем не менее пленник, вернее пленница сидела именно здесь, за лакированным столом, погруженная в чтение книги. Она прекрасно слышала шаги визитера, но не обратила на него никакого внимания, не одарило даже кротким взглядом. Для неё он был совершенно не интересен.

Вид визитера в свете ярких магических фонарей начал меняться. Скучные пряди старческих волос начали выпадать, словно у почти мгновенно меняющего облик оборотня, опадая на каменный пол, застеленный дорогими коврами. Однако он не обращался в зверя.

Мужчина просто сменил облик, сбросив с себя гниющая плоть как налипшую грязь. Теперь это был высокий и худой человек, абсолютно лысый, но с бородой. От его глаз шли три чёрные полосы, расходясь по щекам, на манер лучей.

Мужчина даже сейчас держался чуть сгорбленным, видимо привычка оставшаяся от предыдущего облика давала о себе знать. Возраст его, судя по лицу, был немного за сорок, лицо острым, а глаза с маленькой искоркой безумства.

Сброшенная несколько мгновений назад гниющая плоть и седые пряди волос с шипением растворялись в воздухе, оставляя после себя только лёгкий дымок в воздухе. Магия перевоплощения не оставляла после себя хоть какие-то следы, предпочитая раствориться в небытие.

— Зачем ты пришёл? — холодным голосом спросила девушка.

— Я принес еще книг, — ответил мужчина, который кажется чувствовал себя рядом с этой девушкой не тем, чье имя произносят вполголоса боясь накликать беду, а нашкодившим подростком.

— Оставь их там. — Произнесла она, так и не удостоив визитера взглядом и облизнув пальчик перелистнула страницу.

Мужчина положил книги, а затем сел на самой дальней стул. Он несколько раз открыл рот, желая сказать что-то, но каждый раз не решался. Наконец стиснув кулак он ударил им по своим коленям и произнес несколько повысив голос. В нём звучала злость, обида и что-то ещё:

— Зачем ты так со мной, Снежа? — от напряжения его губы превратились в тонкую нитку.

— Странно, — девушка положила ладонь на исписанные страницы книги и, завернув уголок, прикрыла толстый фолиант. — Этот вопрос я хотела задать и тебе. Зачем ты так со

мной, Ивар? Разве не знаешь, что я не люблю тебя, после того что ты сделал. Нет? Я бы не задумываясь перерезала тебе глотку от уха до уха, если бы могла. — Она улыбнулась печально, но это было действительно улыбка.

Девушка наконец смерила взглядом лысого мужчину с густой ухоженной бородой цвета начищенной меди. Он не выдержал ее взгляда и отвел глаза. Ивара боялся каждый в этом городе и за его пределами, а находясь рядом с ней — чувствовал себя маленьким нашкодивший котенком.

— Снежана, я нашёл способ все исправить! И ты снова сможешь быть со мной, Ведетак? — Произнес он улыбнувшись.

— Что исправить? — пленница, которая вела себя как хозяйка, нахально подняла бровь. Ты можешь воскресить маму, отца и братьев? Ты можешь воскресить дядьку Измира, тетю Вету и ее нерожденных малышей? ты жрец Чернобога, ты не можешь творить добро по определению. Тем более, воскрешать тех, чьи души ты сжёг.

От холода в голосе женщины даже магические фонари убавили яркости. Она говорила ужасные вещи, таким тоном, словно обсуждала погоду или мягкие булочки, которые купила у булочника на ярмарке.

— Я нашёл способ Снежа, я все исправлю. И всё будет как раньше!

— Нет, нет Ивар, даже не думай! Их могилы некромантией. — Девушка встала и схватила маленький серебряный нож из столового набора.

— Никакой некромантии. Я хоть и жрец Чернобога, но не могу поднимать нежить. Даже если бы мог я бы не рискнул. Зато воскресить их может магия света, ты слышала про Мертвую воду?

Худощавые ладони мужчины с узловатая костяшками на пальцах нырнули в широкий рукав балахона. А через мгновение в его руках оказался маленький пузырек из глины с деревянной пробкой.

— Мертвая вода? За кого ты меня принимаешь? Неужели ты так отчаялся, что готов идти на откровенное враньё и подлог? Ты в самом деле думаешь что я поверила в детские сказки? — девушка сощурила глаза. Полупрозрачная кожа на щечках не видевшая света много лет, заалела от прилива крови крови.

— Ты не веришь мне? Я встретил человека, который продает Мертвую воду. Это слишком маленький пузырек, но я достану столько, сколько нужно.

Снежа отложила книгу хмыкнула и взяла у него из рук пузырек и откупорив пробку понюхала. Пахло приятно и необычно.

Ивар взял пузырек, ухмыльнулся и в доказательство капнул Мертвой воды себе на запястье. Капля зашипела у него на коже. Правда девушка приняла это за дурной фокус.

— Этот состав в разных странах называют по-разному. Жрецы Фашираз называют её Солнечным Эфиром, маги Аркрума — Эссенцией жизни, скивы — Мертвой водой.

— Вот это — Мертвая вода? Я поверю тебе Ивар, когда своими глазами увижу своего отца, своих братьев, всех кого ты отобрал у меня. Вот прямо здесь, живыми. Обниму и услышу их голоса. — Она снова отвела от него взгляд.

Ивар крепко сжал пузырек в пальцах. Никто и никогда прежде не воскрешал людей вот так, в прежнем виде. Можно было поднять мертвое тело, вызвать духа. Но все это воссоединить в прежнее единое — никому, кроме богов не доступно. Что же, если понадобится, Ивар станет и Богом.

Снежа была моложе своего ценителя чуть больше чем на десяток лет, и теперь уже

почти не верила в то, что они когда-то любили друг друга.

Больше книг на сайте - Knigolub.net